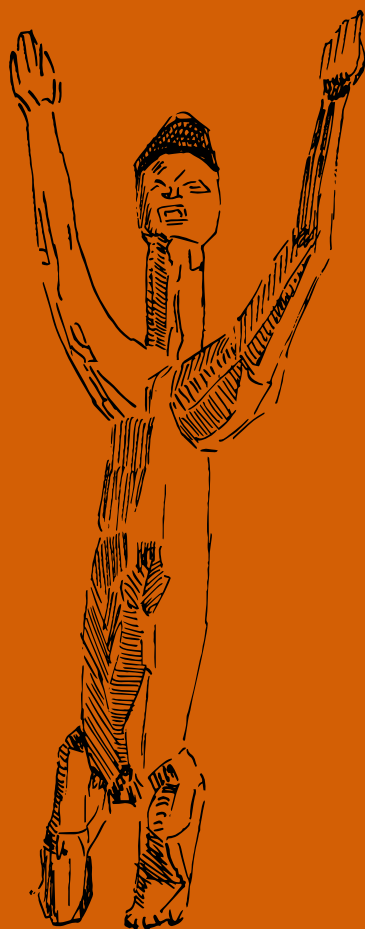
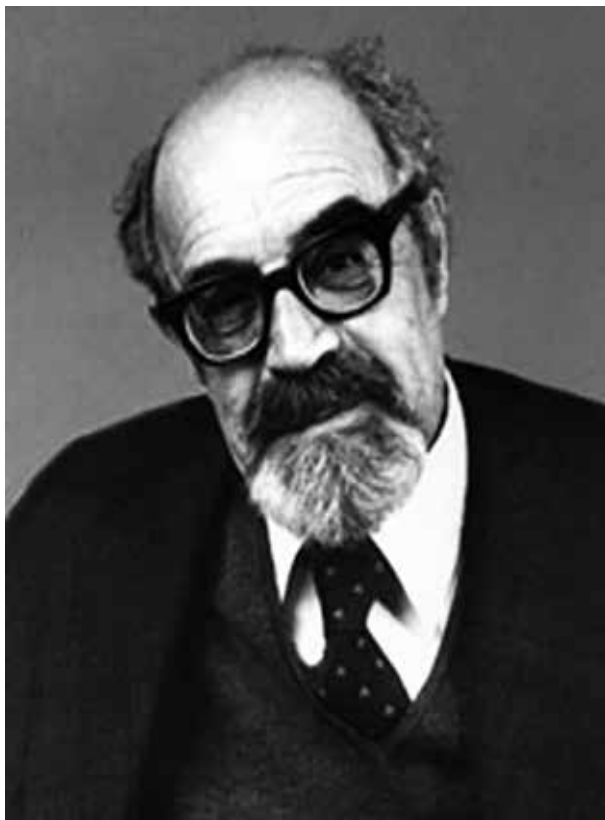

АФРИКАНИСТИКА В РОССИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

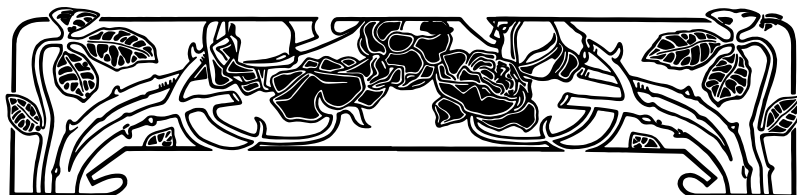
К 120-летию Дмитрия Алексеевича Ольдерогге

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге
1903–1987

St Petersburg University
Faculty of Asian and African Studies
Department of African Studies

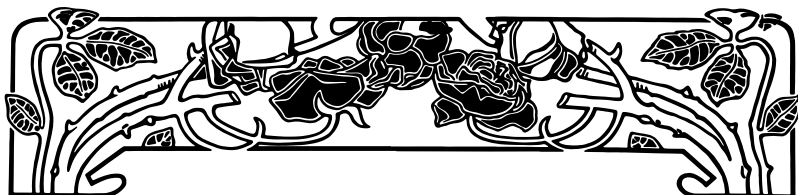
**AFRICAN STUDIES
IN RUSSIA:**
THE PAST AND THE PRESENT

To the 120-year anniversary
of Dmitriy Olderogge

The Russian Christian Academy for the Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
Publishing House

St Petersburg
2023

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет
Кафедра африканистики

**АФРИКАНИСТИКА
В РОССИИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

К 120-летию
Дмитрия Алексеевича Ольдерогге

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского

Санкт-Петербург

2023

УДК 94(397)+81+39(1-926)

ББК 63.566+80/84+85

A94

*Рекомендован к печати Научной комиссией
Восточного факультета СПбГУ и Ученым советом МАЭ РАН*

Рецензенты:

*доктор исторических наук Ю. Е. Березкин,
кандидат исторических наук А. С. Зданевич*

A94 Африканистика в России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей к 120-летию Дмитрия Алексеевича Ольдерогге / Отв. ред. А. Ю. Желтов. — СПб.: Издательство РХГА, 2023. — 344 с., ил. ISBN 978-5-907613-84-3

Сборник посвящен важной дате в истории петербургской и российской африканистики — 120-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге, африканиста, этнографа, историка, лингвиста, одного из основателей африканистики в СССР и признанного патриарха ленинградской/петербургской африканистики, члена-корреспондента АН СССР, известного специалиста по египтологии, истории, этнографии, культуре, искусству и языкам народов Африки. В сборнике представлено 20 текстов разного жанра и объема, тематически объединенных в три раздела: «Дмитрий Алексеевич Ольдерогге», «Российская африканистика: наследие Ольдерогге», «Африканские коллекции».

Рисунок на обложке (фигура с воздетыми руками): охранная статуя килуба. Пинди, ДРК. Из сборов Л. Фробениуса во время первой Германской экспедиции во внутренние области Африки (1904–1906). Рисунок Д. А. Ольдерогге.

Рисунок на задней стороне обложки: парная охранная скульптура в виде стилизованных фигур мужчины и женщины. Чамба дака, Нигерия. Из сборов Л. Фробениуса во время четвертой Германской экспедиции во внутренние области Африки (1910–1912). Рисунок Д. А. Ольдерогге.

УДК 94(397)+81+39(1-926)

ББК 63.566+80/84+85

ISBN 978-5-907613-84-3

© Авторы публикаций, 2023

© Издательство РХГА, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание.....	5
От редактора.....	9

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге

<i>А. Б. Давидсон.</i> Судьба Дмитрия Алексеевича Ольдерогге	16
<i>Т. М. Гавристова.</i> Уроки Д. А. Ольдерогге	35
<i>Н. А. Добронравин.</i> Д. А. Ольдерогге и научные дискуссии в эпоху «холодной войны»	38
<i>Р. П. Ильина, А. Ю. Москвитина (Сиим).</i> Архив Д. А. Ольдерогге в отделе этнографии Африки МАЭ РАН: опыт описания и классификации материалов	51
<i>В. Н. Семенова.</i> О коллекции эфиопских магических свитков МАЭ РАН. Вклад Д. А. Ольдерогге	92
<i>И. Г. Татаровская.</i> Вклад Д. А. Ольдерогге в изучение эпического предания народов Западной Африки	120
<i>И. И. Филатова.</i> Дмитрий Алексеевич Ольдерогге и извилистая история карасса	133

Российская африканистика: наследие Ольдерогге

<i>А. Ю. Желтов.</i> Африканистика в Ленинграде-Петербурге.....	144
<i>А. С. Балезин.</i> Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН.....	158

<i>Н. В. Громова.</i> Африканистика в МГУ	177
<i>Х. М. Турьинская.</i> Музейно-этнографическая африканистика в Москве: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН	193
<i>А. Б. Шлуинский.</i> Отдел африканских языков Института языкознания РАН	203
<i>Т. М. Гавристова, А. В. Мильто, Э. Г. Цветков.</i> Африканские исследования в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова	225
<i>Р. Т. Юзмухаметов, А. Р. Фаттахова.</i> Об истоках казанской африканистики	238

Африканские коллекции

<i>Д. В. Ванюкова.</i> Коллекция традиционных покрывал <i>khasa</i> (фульбе, Республика Мали) в собрании Государственного музея Востока: история поступления, состав, семантика предметов	256
<i>А. Ю. Желтов.</i> Об экспедиционной поездке в район озера Эяси (Танзания): фото- и видеоматериалы и пополнение коллекции МАЭ РАН	266
<i>Т. М. Константинова.</i> Легенда о царице Савской: отражение в изобразительном искусстве Эфиопии (на материале музейных коллекций)	275
<i>А. Ю. Москвитина (Сиим).</i> Афробразильская коллекция и культура африканских диаспор в МАЭ РАН (Кунсткамера): история собирания и поступления, проблемы комплектования и атрибуции	298
<i>П. С. Холматова.</i> Кораническая магическая печать (Нигерия, 2018 г.)	315
<i>Е. П. Шварц.</i> Ремесленники Бета Израэль во время правления Феодора II (1855–1868 гг.)	324
Сведения об авторах	338
Contributors	341

Contents

Editor's foreword 9

Dmitriy Alekseevich Olderogge

Apollon B. Davidson. The Fate of Dmitry Alekseevich Olderogge 16
Tatiana M. Gavristova. Lessons by D. A. Olderogge 35
Nikolay A. Dobronravin. D. A. Olderogge and Scholarly Discussions
in the Cold War Era 38
Ilyina Rina P., Anna Yu Moskvitina (Siim). Dmitriy Alekseevich
Olderogge Archive at the Department of African Ethnography,
MAE RAS: An Experience of Description and Classification 51
Valeria N. Semenova. About the Collection of Ethiopian Magic
Scrolls of the MAE RAS. Contribution by D. A. Olderogge 92
Irina G. Tatarovskaya. Contribution of D. A. Olderogge to the Study
of the Epic Tradition of the Peoples of West Africa 120
Irina I. Filatova. Dmitry Alekseevich Olderogge and the Meandering
History of Carass 133

African Studies in Russia: the Heritage of Olderogge

Alexander Yu. Zheltov. African Studies in Leningrad-Petersburg 144
Alexander S. Balezin. Center For African Studies of the Institute
of World History of RAS 158
Nelli V. Gromova. African Studies at Moscow State University 177

<i>Khristina M. Turyinskaya</i> . Museum and Ethnographic African Studies in Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS named after N. N. Mikluho-Maclay	193
<i>Andrey B. Shluinsky</i> . Department of African Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences . . .	203
<i>Tatiana M. Gavristova, Anna V. Milto, Eduard G. Tsvetkov</i> . African Studies at Yaroslavl State University named after P. G. Demidov . . .	225
<i>Ramil T. Yuzmukhametov, Aida R. Fattakhova</i> . The Origins of African Studies in Kazan	238

African Collections

<i>Daria V. Vanyukova</i> . Collection of Traditional <i>Khasa</i> Covers (Fulbe, Republic of Mali) in the State Museum of the East: History of Admission, Composition, Semantics of Objects	256
<i>Alexander Yu. Zheltov</i> . On Expeditionary Trip to the Area of Lake Eyasi (Tanzania): Photo and Video Materials and Replenishment of MAE RAS Collection.	266
<i>Taisia M. Konstantinova</i> . The Legend of the Queen of Sheba: Representation in Ethiopian Fine Arts (Based on Museum Collections)	276
<i>Anna Yu. Moskvitina (Siim)</i> . Afro-Brazilian Collection and Cultures of African Diasporas in MAE RAS: The Story of Collecting and Donation and Issues of Reception and Attribution	299
<i>Polina S. Holmatova</i> . Quranic Magic Seal (Nigeria, 2018)	316
<i>Elizaveta P. Shvarts</i> . The <i>Beta Israel</i> Craftsmen Under the Reign of Tewodros II (1855–1868).	324
Contributors	338

ОТ РЕДАКТОРА

Этот сборник посвящен важной дате в истории петербургской и российской африканистики — 120-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге (23 апреля [6 мая] 1903, Вильно — 30 апреля 1987, Ленинград), африканиста, этнографа, историка, лингвиста, одного из основателей африканистики в СССР и признанного патриарха ленинградской/петербургской африканистики, члена-корреспондента АН СССР (1960 г. — первый член-корреспондент — африканист), известного специалиста по египтологии, истории, этнографии, культуре, искусству и языкам народов Африки.

Любая юбилейная дата — это некоторая условность, и не всегда круглые даты совпадают с содержательной периодизацией в истории науки. Тем не менее, если воспринимать круглые даты не как некоторый итог, но как промежуточную остановку в сложном и многомерном научном процессе, существует определенный смысл в том, чтобы зафиксировать этот синхронный момент, обращая взгляд как в прошлое, так и в будущее той области, к которой этот юбилей имеет отношение.

Сборник не претендует на исчерпывающее описание научных взглядов и интересов Д. А. Ольдерогге или этапов его жизненного пути. Ему посчастливилось еще при жизни получить признание в научном мире: в 1973 году вышел посвященный его семидесятилетию фestsриффт, в котором отражено разнообразие его научных интересов и широкий круг его научного общения и учеников, к его восьмидесятилетию в 1983 году был издан сборник его основных работ «Эпигамия». После смерти Дмитрия Алексеевича к его столетнему юбилею вышло два фундаментальных издания. В книге *ETHNOLOGICA AFRICANA* представлены статьи о Д. А. Ольдерогге его вдовы И. А. Осницкой, коллег и учеников, информация о его научной деятельности, его письма и воспоминания, неопубликованная ранее статья самого Дмитрия Алексеевича, а также статьи коллег и учеников по проблематике его научных интересов. В 2003 году вышла книга, посвященная воспоминаниям об Ольдерогге и включающая его эпистолярное наследие и полевые дневники («Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях»). В том же году вышел номер журнала «Манифестация», посвященный Ольдерогге. На этом фоне может создаться впечатление, что к уже опубликованным материалам трудно добавить что-то принципиально новое. В определенном смысле это действительно так — конечно, все, интересующиеся личностью Д. А. Ольдерогге и его научным наследием, могут получить развернутую информацию в указанных выше изданиях. Тем не менее, этот том все же не является исключительно мемориальной данью памяти выдающемуся ученому, а претендует на некоторую самостоятельную научную ценность.

Со времени ухода Дмитрия Алексеевича прошло уже более 35 лет, а со времени выхода последних мемориальных изданий — около 20. За это время принципиально изменился окружающий мир, в контексте которого существует африканистика (причем, скорее всего, уже не один раз). К сожалению, ушли из жизни многие ученики Ольдерогге, к поколению «детей» Ольдерогге добавилось поколение «внуков» (а, в определенном смысле, и «правнуков»), в истории науки к африканистике «эпохи Ольдерогге» добавилась африкани-

стика «после Ольдерогге». Все это позволяет говорить о некотором новом контексте осмысления традиций Ольдерогге и наметить контуры того, как они проявляются в современном мире. Причем важно, что в этом осмыслении участвуют как ученые, непосредственно работавшие с Дмитрием Алексеевичем, так и уже ученики его учеников, которые не застали его самого в личном общении. Исходя из этих задач, была разработана концепция сборника, которая отражается в его структуре. В сборнике представлено 20 текстов разного жанра и объема, тематически объединенных в три раздела: «Дмитрий Алексеевич Ольдерогге», «Российская африканистика: наследие Ольдерогге», «Африканские коллекции».

Сборник открывается вступительной статьей выдающегося российского африканиста академика А. Б. Давидсона (ВШЭ/ИВИ), хорошо знавшего Ольдерогге и работавшего с ним на протяжении десятилетий и во многом продолжающего его традиции изучения Африки. Эта статья открывает и весь сборник, и его первый раздел (7 статей), посвященный непосредственно Д. А. Ольдерогге и его научному наследию. Помимо статьи Аполлона Борисовича Давидсона раздел включает небольшое эссе о Дмитрие Алексеевиче Т. М. Гавристовой (ЯрГУ), статью Н. А. Добронравина (СПбГУ), которая анализирует участие Дмитрия Алексеевича в острых научных дискуссиях времен противостояния общественных систем, статью Р. П. Ильиной (СПбГУ) и А. Ю. Москвитиной (МАЭ РАН), посвященную описанию части архива Ольдерогге в МАЭ РАН (материалы ранее не известные и не описанные). Далее в этом разделе представлены статьи, посвященные отдельным направлениям научной деятельности Д. А. Ольдерогге до этого специально не рассматриваемые: статья В. Н. Семеновой (МАЭ РАН/СПбГУ) о его роли в музейной деятельности по сбору и анализу африканских коллекций, а также статья И. Г. Татаровской (Институт Африки РАН) о роли Д. А. Ольдерогге в изучении западноафриканского фольклора. Также в этом разделе публикуется статья И. И. Филатовой (профессор Университета КваЗулу-Натал, Почетный профессор Кейптаунского университета, ЮАР) в которой представлены нео-

публикованные ранее письма Дмитрия Алексеевича с авторскими комментариями и воспоминаниями о нем.

Второй раздел сборника (7 статей) представляет собой попытку собрать вместе информацию об истории и современном функционировании научных и академических африканистических институций России, продолжающих и развивающих традиции Д. А. Ольдерогге. Практически все они организованы либо учениками Дмитрия Алексеевича, либо учениками его учеников и тем самым являются примером плодотворности и значимости его деятельности как ученого и организатора науки. Открывается раздел кратким обзором истории африканистики в Ленинграде/Петербурге, анализирующем специфику ее традиций и современных проблем (А. Ю. Желтов, СПбГУ/МАЭ РАН). Также представлены статьи, посвященные московским африканистическим институциям: Центру африканских исследований ИВИ (А. С. Балезин, ИВИ РАН), кафедре африканистики ИСАА МГУ (Н. В. Громова, ИСАА МГУ), африканистике в Институте этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Х. М. Турьинская, ИЭА РАН), отделу африканских языков Института языкознания РАН (А. Б. Шлуинский, Гамбург). Далее представлены статьи Т. М. Гавристовой, А. В. Мильто и Э. Г. Цветкова об африканистике в Ярославле и Р. Т. Юзмухаметова и А. Р. Фаттаховой о казанской африканистике. Ярославль и Казань представляют собой более «молодые» центры африканистики, чем Петербург и Москва, и организованы уже учениками учеников Ольдерогге, но, как следует из представленных текстов, коллеги знают и учитывают традиции, заложенные им. Авторы не были ограничены какими-либо формальными рамками и сами выбирали формат и стилистику представления своих центров, при этом получающаяся общая картина демонстрирует как определенную преемственность традиций, так и высокую динамику развития африканистики. Конечно, этот раздел не претендует на полное представление всей африканистики современной России. Так в нем не представлен Институт Африки РАН — важнейший центр изучения Африки,

по составу сотрудников сравнимый со всеми остальными африканистическими институциями вместе взятыми, а также ряд других научных подразделений, где изучается Африка, но именно представленные центры в большой степени связаны с традициями и идеями Д. А. Ольдерогге. Насколько известно, подобной комплексной презентации африканистических центров в одном издании не публиковалось, а именно общая картина позволяет оценить всю палитру российской африканистики и проследить роль Д. А. Ольдерогге в ее становлении, развитии и современном состоянии.

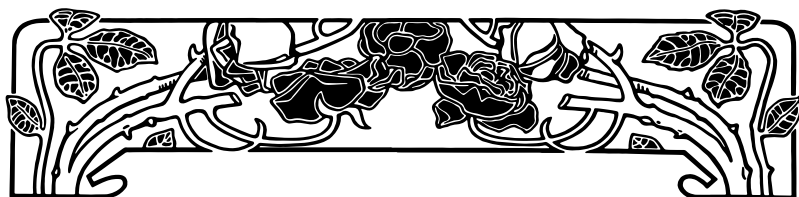
Последний, третий, раздел (6 статей) посвящен африканским коллекциям и различным аспектам их сбора и анализа. В статье Д. В. Ванюковой (ГМВ, Москва) в контексте научного наследия Д. А. Ольдерогге рассматривается коллекция традиционных футбольных покрывал. А. Ю. Желтов (СПбГУ/МАЭ РАН) описывает собранные для африканской коллекции МАЭ РАН материалы из экспедиционной поездки в Танзанию. Т. М. Константинова (СПбГУ) на основе изучения музейных коллекций (в том числе МАЭ РАН) анализирует образ Царицы Савской в эфиопском искусстве. В статье А. Ю. Москвитиной (МАЭ РАН/СПбГУ) анализируется культура африканских диаспор, представленная в коллекциях МАЭ РАН. Статья П. С. Холматовой (МАЭ РАН) представляет комплексное описание коранической печати, привезенной ею для коллекции МАЭ из экспедиционной поездки в Нигерию. Е. П. Шварц (СПбГУ) описывает историю материальной культуры Эфиопии на основе деятельности ремесленников «бэта исраэль» в 19 веке с привлечением материалов коллекции МАЭ РАН.

Хотелось бы выделить еще одну важную деталь представленного сборника — это участие африканистов самых разных поколений. Наряду с «мэтрами» африканистики, работавшими с Д. А. Ольдерогге, в сборнике участвует и самое молодое поколение африканистов — в трех статьях представлены студенты старших курсов кафедры африканистики СПбГУ, созданной Дмитрием Алексеевичем, и еще одна статья подготовлена аспиранткой МАЭ РАН.

Думаю, что для Дмитрия Алексеевича подобный факт сохранения и продолжения традиции был бы важен и приятен.

Издание тематических сборников — задача весьма трудная. Необходимо не только выстроить логичную концепцию и структуру, но и наполнить ее содержанием, что предполагает привлечение коллег из различных институций и областей знания. На фоне наукометрических трудностей последних лет эта задача становится сложной вдвойне. В сборнике приняли активное участие африканисты из самых разных африканистических институций. Редактор хотел бы выразить искреннюю благодарность всем коллегам, откликнувшимся на предложение принять участие в этом издании, без их участия сборник был бы невозможен. И, конечно, невозможно не вспомнить с благодарностью самого Дмитрия Алексеевича Ольдерогге — его имя и идеи и сейчас служат объединительным стимулом для разных поколений российских африканистов.

А. Ю. Желтов

ДМИТРИЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ОЛЬДЕРОГГЕ

А. Б. Давидсон

Судьба Дмитрия Алексеевича Ольдерогге

Аннотация: Статья представляет собой личные воспоминания о Д. А. Ольдерогге академика РАН А. Б. Давидсона, который знал Дмитрия Алексеевича с конца 40-х годов прошлого века, считал себя его учеником и, во многом, продолжал традиции его школы. В статье содержится авторский анализ научного пути Д. А. Ольдерогге на фоне различных периодов нашей истории.

Ключевые слова: Африка, африканистика, Д. А. Ольдерогге, история африканистики.

— **В**от вам золотое правило. Делать надо не только то, что начальство от вас требует, но и то, что оно вам сегодня категорически запрещает. А ведь оно может стать самым важным, самым нужным.

А из дальнейшего следовало, что начальству вообще надо потакать с уразумением, иначе перепачкаешься с ног до головы. Но не надо начальство слишком раздражать, а то еще накликаешь на свою голову...

Все это Дмитрий Алексеевич говорил весело, с искорками в глазах, подкрепляя советы афоризмами любимых им Салтыкова-

Щедрина или Козьмы Пруткова. Вроде того, что человек на Руси сохранился лишь по недосмотру начальства. А годы для такого острословия были уж какие неподходящие! Сталинские.

...Для статей и очерков в сборниках, подобных этому, обычно отводится не больше одного авторского листа. Да и откуда взять больше? Но если жизнь человека охватила почти все наше столетие? Если родился он еще до Цусимы, но кажется, что еще совсем недавно обсуждал с нами противоречивость перестройки? Если 1917, 1929, 1937, 1941-й и многие другие годы были для него не только историей, но и вехами жизни? На его жизнь пришлось такие потрясения, что он мог бы сказать, вторя одному из своих любимых поэтов, Александру Блоку: «Мы — дети страшных лет России...» Или Владимиру Высоцкому: «Мы тоже дети страшных лет России...»

Как же вместить жизнь такого человека в один авторский лист?

Конечно, можно перечислить чины, должности, степени, звания, награды. На протяжении многих лет так и принято было писать. Но мало ли было людей, которые считались крупными учеными, добивались даже куда более высоких должностей и званий и громкогласно провозглашались авторами научных открытий, — а теперь эти авторитеты рушатся, как карточные домики, лопаются, как мыльные пузыри. Или, еще хуже, вызывают брезгливость.

К тем, кто, оставив позади те страшные верстовые столбы, все-таки избежал гибели, неизбежен (пусть и безмолвно) вопрос: как вам это удалось? Чем вы пожертвовали? В чем изменили себе? А если нет, то как же вы уцелели?

Анна Ахматова писала: «...отцы и деды непонятны». Это о поколении ее отцов и дедов. А что же говорить о ее поколении и столь близком к ней поколении Дмитрия Алексеевича?

Жизнь заставляла их быть недоверчивыми. Они знали, как опасно раскрываться перед другими, подчас даже близкими. Они не писали мемуаров, жгли свои архивы, в письмах изъяснялись обиняками. Если нам кажется, что мы вполне поняли судьбу людей тех поколений, то нередко, а может быть, и зачастую это лишь заблуждение.

Я знал Дмитрия Алексеевича четыре десятилетия, но не решусь претендовать на то, чтобы дать сколько-нибудь его цельный портрет. Пытаюсь рассказать лишь о том, что мне удалось увидеть, услышать и, хочется надеяться, понять.

Он был и этнологом, и лингвистом, и историком. Отчасти даже географом — и не только потому, что на протяжении двух десятилетий возглавлял Восточную комиссию Географического общества. Под его руководством в нашей стране началось становление африканского языкознания, африканской филологии, этнологии. Его по праву называют патриархом отечественной африканистики. В течение нескольких десятилетий он возглавлял отдел Африки Института этнографии и кафедру африканистики Ленинградского государственного университета. Совместно с И. И. Потехиным он был организатором и одним из основных авторов первого фундаментального коллективного труда в истории советской африканистики — книги «Народы Африки», изданной в 1954 г. Но работы у него — не только по Африке. Одна из его лучших статей — «Малайская система родства». Он был энциклопедистом, как это ни удивительно в наш век сугубой специализации. О его роли в отечественной африканистике историк Михаил Борисович Рабинович сказал: «Это была целая эпоха».

В его книгах, статьях, докладах всегда был выдержан строго академический подход. Как он говорил — *«hoch akademisch»*. Его труды, как правило, основаны не на сведениях, почерпнутых из вторых рук, а на документальных и зачастую уникальных свидетельствах.

Вообще, изучению и публикации документов он придавал очень большое значение. Считал, что у африканистики — не только отечественной, но и мировой — пока еще бедна источниковая база. Под его руководством была проведена многолетняя работа по выявлению, отбору, переводу и публикации арабских, китайских и португальских источников по истории Африки. Очень поощрял источниковедение и историографические исследования в Отделе Африки Института всеобщей истории и сам принимал в них участие.

О его научных достижениях написано немало. И все же, увы, те, кто не знал Дмитрия Алексеевича лично, вряд ли смогут по его опубликованным трудам составить сколько-либо полное представление о нем как об ученом и человеке. О его эрудиции. О его идеях. Как бы важны и интересны ни были его увидевшие свет труды, он был гораздо значительнее их.

Пора расцвета его творческих сил пришлась на десятилетия, когда ученый, во всяком случае, гуманитарий, как правило, не мог публиковать то, что ему хотелось. Иначе не только творческая судьба, но и сама жизнь оказывалась под ударом. Так было и в 1930-х, и в 1940-х гг., да и позднее. «Кто ничего не пишет, тот всегда останется мичуринцем» — такой мрачный афоризм появился в 1948 г., после погрома в биологической науке.

«Та самая главная песенка, которую спеть я не смог» — это ощущение, должно быть, на закате появляется у многих, если не у каждого. И винить, конечно, надо прежде всего себя.

Время?

Время дано.

Это не подлежит обсуждению.

Подлежишь обсуждению ты, разместившийся в нем.

И все же эти слова Наума Коржавина справедливы не вполне. Бывают времена, когда человек, творец связан накрепко: шаг влево, шаг вправо — стреляют без предупреждения.

Теперь, думаю, не все могут себе представить, что патриарх отечественной африканистики впервые ступил на африканскую землю, когда ему было уже под шестьдесят. Что повидать ему удалось лишь несколько стран. И что в общей сложности он провел в Африке не годы — нет, только месяцы. И еще — что из своей 84-летней жизни он был «выездным» тринадцать лет. Несколько месяцев в 1927 и 1928 г. — в Германии, Голландии и Бельгии, куда его послал Музей антропологии и этнографии для изучения музейного дела. И потом — с 1956-го (США) до 1968-го г. (Япония и Эфиопия).

Там, в Японии, он высказал сочувствие чехам — как раз тогда советские танки вошли в Прагу. Скорее всего именно поэтому он снова, почти на двадцать лет, до самой смерти, и стал невозвратным. Дмитрия Алексеевича ни разу не арестовывали. Но чего ему стоили его «анкетные данные»?

Отец — Алексей Александрович (полное имя — Алексис Вильгельм фон Ольдерогге), участник русскояпонской и первой мировой войн, в 1918 г. вышел в отставку полковником. В его доме бывали Маннергейм, Колчак. В белом движении он участия не принял, но и оставаться в большевистской России не захотел. Он перешел границу, перебрался во Францию и, как сын узнал много позднее, умер в Париже в 1942 г. Ордена отца и дворянские грамоты Дмитрий Алексеевич с матерью после очередного обыска бросили в один из петербургских каналов.

Не украшали анкету Дмитрия Алексеевича и другие родственники. Правда, дядя — генерал-майор Владимир Александрович Ольдерогге — перешел на сторону красных. В 1919 — начале 1920 г. командовал Восточным фронтом, воевал против Колчака. Но в 1931 г. его расстреляли, обвинив, в частности, в связях с Троцким. Тетя Дмитрия Алексеевича — Мария Александровна — арестована, а затем выслана.

История семьи могла вызвать у советской власти только подозрения. Дворяне, лютеране, фамилия — нерусская. Предки Дмитрия Алексеевича переселились в Россию из Голштинии в начале XVIII в. Многие из них избрали военную службу. Во время войны с Пруссией, при Елизавете Петровне, в Кенигсберг первыми ворвались солдаты подпоручика Ольдерога. Дед Дмитрия Алексеевича — участник русско-турецкой войны, генерал-лейтенант, был начальником Киевского кадетского корпуса, а до того — губернским воинским начальником в Люблине.

Большая часть семейного архива хранилась у В. А. Ольдерогге и пропала после того, как его расстреляли, а семью выслали. Но, как это ни удивительно, сохранился семейный альбом, начатый еще в XVIII в. Показывая его, Дмитрий Алексеевич с особенной гордостью открывал страницу, заполненную рукой молодого Гете.

По традициям семьи Дмитрий Алексеевич готовил себя к военной карьере. Он учился в Первом кадетском корпусе, в Петербурге. Одним из его товарищей по классу был сын великого князя Константина Константиновича (который как поэт подписывался — К. Р.).

События 1917 г. в корне изменили его судьбу. В голодном, холодном Петрограде умер от дизентерии его брат. Семья бедствовала. Шестнадцатилетним, в 1919 г., он уже работал — в юридическом отделе Смольнинского райсовета. Тогда же окончил счетоводную школу. В 1920–1922 гг. — служба в армии. По демобилизации из стрелковой бригады Петроградского укрепрайона получил направление в вуз с формулировкой, как он вспоминал: «При сем прилагается красноармеец Д. А. Ольдерогге».

Поступив в Петербургский университет, он избрал древние восточные языки, стал египтологом. На пробуждение интереса к Востоку, может быть неосознанно, повлияла семейная коллекция редких восточных монет (хотя она сама ушла из семьи еще в 1919 г. — ее пришлось обменять на картошку и буханку хлеба). У него была возможность получить хорошую научную школу — учился у В. В. Бартольда, П. В. Эрнштедта, Н. Д. Флиттнер. Во многом помог ему Л. Я. Штернберг.

Потом, в конце 1920-х гг., — командировка в крупнейшие центры западноевропейского востоковедения, возможность встретиться с наиболее известными представителями африканистики. В нашей стране Дмитрий Алексеевич стал в этой области первопроходцем. В октябре 1929 г. он возглавил Отдел Африки Музея антропологии и этнографии.

Но судьба улыбалась недолго. Осенью того же, 1929 г., начала работать правительственная комиссия по проверке кадров Академии наук. Вскоре пошли увольнения, а затем и аресты. Это совпало с гонениями на родственников, и Дмитрий Алексеевич ждал той же судьбы и для себя. И тем не менее он несколько дней прятал на антресолях сотрудника Эрмитажа П. Ериховича, вина которого состояла в том, что он родился в семье генерала.

В начале 30-х годов Дмитрий Алексеевич стал преподавать язык суахили. Но уже вскоре бдительные начальники решили проверить, чему же на самом деле учит этот беспартийный преподаватель. Очевидно, им не верилось, что он мог сам изучить никому еще дотоле не известный в нашей стране африканский язык. Втайне от Дмитрия Алексеевича они послали двух его учеников в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), где обучались и африканцы. Из восточноафриканских стран, где распространен язык суахили, студентом КУТВа в то время был и Джомо Кениата, будущий президент Кении. К нему-то на проверку и направили тех учеников. Кениата подтвердил, что изучаемый ими язык действительно суахили.

В 1937–1938-ом даже крупные ученые, страха ради, писали статьи о «бандах троцкистских убийц» в таких вроде бы неподходящих для этой деятельности сферах, как археология. Дмитрий Алексеевич не запятнал своего имени ни тогда, ни позднее. Но с 1937 до 1946 г. у него не вышло ни одной статьи.

Во время Отечественной войны он провел в Ленинграде голодные зимние месяцы блокады. В марте 1942 г. скончалась его мать, Глафира Яковлевна. Все хранившиеся у нее бумаги, не говоря уже о вещах, пропали: у Дмитрия Алексеевича не было сил идти за ними. Летом 1942 г. он был эвакуирован вместе с другими сотрудниками музея. Вернувшись в Ленинград в феврале 1944 г., он уже в апреле защитил докторскую диссертацию «Кольцевая связь родов или трехродовой союз. (Из истории развития социального строя первобытной общины)». Она так и осталась неопубликованной: С. П. Толстов, директор Института этнографии, счел ее немарксистской.

...Зимой 1948–1949 гг., когда я первый раз пришел к Дмитрию Алексеевичу, он выглядел неважно. Опирался на палочку. Пошаливало сердце.

Он, профессор, заведующий университетской кафедрой и сектором в Институте этнографии, был вынужден стать слушателем университета марксизма-ленинизма.

Но сколь разителен был контраст между атмосферой кабинета Дмитрия Алексеевича и кафедры истории международных отношений ЛГУ, где я учился. Дмитрий Алексеевич говорил о фундаментальных исследованиях, о теориях крупных ученых, о работах над историческими документами, а молодые преподаватели и аспиранты кафедры, как рыбы в воде, плавали в тогдашних политических компаниях, щеголяя друг перед другом и перед нами цитатами из последней передовицы и требовали того же от студентов.

Объявление, которое я прочитал, поступив в 1948 г. на истфак ЛГУ, запомнилось мне на всю жизнь: «Такого-то числа в такой-то аудитории декан истфака профессор В. В. Мавродин выступит с докладом „Задачи исторической науки в свете итогов сессии ВАСХНИЛ“». Конечно, Владимиру Васильевичу Мавродину было не по душе участвовать в таких играх, но все же он этот доклад сделал. Дмитрию Алексеевичу удавалось держаться в стороне от политических кампаний, но он понимал, что это не остается незамеченным.

Одно за другим громыхали тогда постановления ЦК о литературе, музыке, кинофильмах. Шла война против «низкопоклонства перед Западом». Истребляли «космополитов».

В городе на Неве и в нашем старинном университете все это усугублялось пресловутым «ленинградским делом».

У меня сохранился номер газеты «Ленинградский университет» от 20 апреля 1949 г. Вот тогдашние формулировки. На физфаке: «Отвергая гнусную идеалистическую фальсификацию физической науки со стороны таких «столпов» буржуазной науки, как Бор, Эйнштейн, Шредингер, Эддингтон, Джингс и прочие дипломированные лакеи буржуазии...» На истфаке: «...серьезные ошибки космополитического и буржуазно-объективистского характера в работах и лекциях профессоров С. Я. Лурье, О. Л. Вайнштейна, С. Б. Окуня, С. Н. Валка, А. В. Предтеченского, Б. А. Романова...»

Не забыли и маленькую группу студентов I курса, в которой я учился. «Студенты К. Баранов и Ю. Соловьев, раболепствуя перед всем иностранным, охаивают замечательные произведения советского киноискусства». Через месяц 18-летнего Баранова

арестовали. Скорее всего, просто по разверстке: надо было кого-то взять. Больше мы его не видели.

Дамоклов меч висел и над Дмитрием Алексеевичем. Вряд ли тогда готовился удар специально по африканистике. Высокое начальство, наверно, и не подозревало о ее существовании. Ведь африканистов в Москве и в Ленинграде можно было пересчитать по пальцам. Но все-таки и она не оказалась обойденной.

Наглядно это проявилось на защите диссертации Вениамина Яковлевича Голанта «Восстания в африканских колониях Германии в 1904—1908 годах». Степень ему присудили, но вскоре снова собрали ученый совет и отобрали ее. Диссертанта обвинили в том, что он называл африканцев туземцами, а в одном месте — даже (о, ужас!) чернокожими. И главное, не показал «звериный оскал хищного лица американского империализма» (в германских колониях Африки начала XX столетия!). А Дмитрий Алексеевич был на этой защите оппонентом.

Отнюдь не гладко прошла и следующая диссертация по африканской тематике: «Россия и англо-бурская война». Буквально накануне защиты арестовали научного руководителя — М. Б. Рабиновича. Хотя к этой защите Дмитрий Алексеевич прямого отношения не имел, но молния сверкнула совсем рядом.

Еще опаснее было, что намечался разгром классического востоковедения. Все знали, что главной жертвой должен был стать академик Игнатий Юлианович Крачковский. Известны были заранее имена тех, кому не давала покоя слава Лысенко, кто хотел бы повторить в востоковедении то же, что было сделано с генетиками на сессии ВАСХНИЛ. Тут бы, конечно, и Дмитрию Алексеевичу не сдобровать. Ведь он вырос из классического востоковедения и всю жизнь к нему принадлежал. К счастью, разгромить востоковедение тогда, на рубеже 1940-х и 1950-х гг., не удалось. На обширном минном поле эта мина не взорвалась. Но разве мало притаилось там других?

Тем не менее, когда А. И. Собченко, окончив университет, оказался под угрозой безработицы, Дмитрий Алексеевич взял его

в свой сектор. А у Анатолия Ивановича в анкете — немецкий плен. По тем временам — волчий билет. Где надо, Дмитрию Алексеевичу это попомнят. Он знал, на что шел. Еще через несколько лет он добился зачисления в свой сектор и Виктора Андреевича Вельгуса, вернувшегося из пермских лагерей.

Характерно для него и отношение к людям моей судьбы. Я не сразу ему признался, что родился в ссылке, и что мой отец там уже много лет. Но он догадывался. Особенно я ощутил его сочувствие в начале 1953 г., во время «дела врачей». Семьям репрессированных, да еще с «неблагозвучной» фамилией, да к том уже в опальном Ленинграде, те события грозили катастрофой. Боясь, как минимум, остаться безработным, я разослал письма по всей стране, просясь в любую деревню, любой аул, кишлак. Но управление кадров минпроса Северо-Осетинской АССР, например, ответило: «Не предполагается вакантных мест по Вашей специальности». Отдел кадров минпроса Узбекистана: «Школы Вашей специальностью укомплектованы». И так отовсюду, если вообще давали себе труд ответить.

Преподавателям своего факультета я даже не упоминал об этом. А с ним — обсуждал, хотя и полуфразами, намеками, как водилось в те времена. Помочь он не мог. Но возникли отношения большего доверия, не очень типичные для всегда сдержанного Дмитрия Алексеевича. Как-то, когда мы шли из Института этнографии на вос- тфак, он в сердцах сказал: «Скоро и при слове «Здравствуйте» будут ссылаться на Сталина». По тем временам сказать такое! Тогда и за много меньшее можно было поплатиться...

Сразу же после смерти Сталина, когда обстановка несколько разрядилась, он ходатайствовал о месте для меня в аспирантуре востфака ЛГУ — безуспешно. И впоследствии, когда меня после аспирантуры в московском Институте истории не оставили там на работе, он помог зачислению в Институт востоковедения в Москве. А затем добивался у его директора Бободжана Гафуровича Гафурова и у Иосифа Абгаровича Орбели, тогдашнего декана востфака ЛГУ, моего перевода в Ленинград.

Он отлично знал весь, как он говорил, «набор официальных заблуждений» и расхожие штампы политического жаргона. Иногда вставлял их в речь с еле скрываемым сарказмом, — разумеется, если доверял собеседнику.

Всегда был в курсе последних событий в Африке. Но никогда не выступал со статьями о текущей политике — уж очень отличались его оценки от начальственных. Ему чужды были модные тогда идеи некапиталистического развития и социалистической ориентации. Любил повторять афоризм Ежи Леца: «Всегда найдутся эскимосы, чтобы учить негров, как им спастись от жары».

Зато его маленькая статья 1973 г. о «колониальном обществе» в малозаметном ленинградском сборнике определила направление работы многих африканистов — социологов и историков.

Вообще, он никогда не стремился печататься в многотиражных изданиях, которые, как считается, приносят автору известность. Предпочитал публикации Географического общества и этнографические сборники. Считал, что их меньше контролируют цензура и официальная пропаганда. А те, кому надо, прочитают и там. Да и вообще, он не торопился публиковать результаты своих изысканий.

В 1977 г. известный литературовед В. А. Мануйлов показал мне экземпляр сборника стихов Гумилева об Африке — «Шатер», севастопольское издание 1921 г. Поля почти всех страниц исписаны знакомым бисерным почерком Дмитрия Алексеевича. Виктор Андроникович когда-то попросил его дать пояснения к упомянутым в стихах историческим событиям, географическим названиям, наименованиям племен и народов. И Дмитрий Алексеевич подробно, со свойственной ему тщательностью, прокомментировал все — от сказания о царице Савской и царе Соломоне до явлений жизни, в сущности, уже современной. Заметки эти настолько интересны, что, безусловно, заслуживают опубликования. Сам же Дмитрий Алексеевич вспомнил о них, лишь когда я рассказал ему о встрече с Мануйловым.

Каким он был учителем? Могу сказать о личном опыте. Я пришел к нему, будучи студентом другого факультета. Мой завкафедрой

(и в то же время декан) доцент В. Г. Брюнин отказался утвердить Дмитрия Алексеевича моим руководителем, сказав, что не даст «часам преподавательской нагрузки уходить на другой факультет». Сама идея заняться историей Африки ему тогда показалась нелепой: «У нас такие актуальные политические проблемы, а Африка конца прошлого века — это же археология!»

Услышав, что его не утвердили моим руководителем, Дмитрий Алексеевич улыбнулся: «Ну, тем лучше, нас с вами не будут тяготить казенные узы».

Больше всего он учил своим примером — своей работоспособностью, скрупулезностью, честностью в исследованиях, широтой, логикой, восприимчивостью к новым идеям. В. Я. Голант, сам будучи немногим моложе Дмитрия Алексеевича, еще в конце 1940-х гг. называл его (разумеется, за глаза) «Стариком». Свое почтение к нему он объяснял: «Если бы я столько же лет изучал Африку, я не смог бы накопить и переварить столько же знаний».

Профессионализм Дмитрия Алексеевича зиждился на фундаменте поразительной общей образованности. Нередко люди среднего возраста, не говоря уж о пожилых, знают главным образом ту литературу, которая полюбились им в молодости, и не очень восприимчивы к той, что появилась позднее. Особенно это относится, мне кажется, к поэзии. А в нем поражало, что он следил за новинками и порою знал их лучше, чем молодежь. Его письма изобилуют стихотворными цитатами. Стихи Заболоцкого он знал еще по рукописным спискам. Искал новые переводы Аполлинера, которого очень любил.

Как-то зашел разговор об Олдосе Хаксли. Его у нас не издавали с середины 1930-х гг., и нельзя сказать, чтобы мы в 1950-х и 1960-х гг. хорошо его знали. Но Дмитрий Алексеевич немедленно откликнулся: «Из поездки в Америку я привез все его книги».

Он был в курсе и отечественной литературы. Читал и те ее далеко не лучшие образцы, которые по каким-либо причинам привлекали общественное внимание. Прочитав «Братьев Ершовых» Всеволода Кочетова, сказал: «Я как будто снова окончил университет

марксизма-ленинизма». Любил цитировать любимых писателей и поэтов и умел находить такие высказывания, которые другим не бросались в глаза. Услышав от него какое-нибудь из этих изречений, я часто укорял себя: «Что же это я, читая ту же книгу, не обратил внимания на это место».

...Казалось бы, сферы, в которых он работал, были слишком специальными, трудно понятными для тогдашних проработчиков. Но вот вторгся же Сталин в проблемы языкознания.

Как всегда, с юмором, но бесконечно горьким, рассказывал Дмитрий Алексеевич о судьбе своих работ начала 1950-х годов. О сугубо специальных вопросах лингвистики и этнологии говорить здесь трудно — это требует длинных разъяснений. Но показательно даже то, что понятно нам всем, а может казаться (хотя, наверно, только казаться) мелочами.

Из библиографии к одной из его работ изъяли труды американских этнологов Херсковица и Мееровиц. Гремело «дело врачей», и редакторы вычеркивали еврейские фамилии. Но верстка пришла, когда «дело» было уже закрыто. Дмитрию Алексеевичу удалось восстановить вычеркнутых авторов, но, поскольку библиография была перенумерована и ломать всю нумерацию ему не разрешили, они пошли как дополнительные: номер и буква «а». В 1956 г. Дмитрий Алексеевич поехал на конгресс в Америку и, вручая Херсковицу и Мееровиц эту работу, вынужден был объяснить, почему они оказались под литерами. Ему казалось, что они так и не поняли, о чем идет речь. А в именном указателе к другой работе царю Соломону, как назло, выпало по алфавиту место прямо перед Сталиным. Приказали царя Соломона изъять.

Могут сказать: «Ну что делать, сталинские времена!» Но вот пример уже из 1980-х гг. Дмитрий Алексеевич рекомендовал в одну из книг Детгиза включить африканскую сказку о Лягуше (лягушке), которого в один и тот же вечер позвали к себе две его жены. Он сел и задумался: «В каком же я затруднении!» Так и сомневается до сих пор. «Поэтому лягушки и квакают». Написав мне, что эту сказку издавали на русском языке еще в 1913 г., Дмитрий Алексеевич в серд-

цах резюмировал свои переговоры с Детгизом: «Так было некогда. Теперь все иначе — свобода слова, свобода собраний. Свобод столько, что не перечесть. И женщин освободили, и печать. А сказка эта никак не может пойти: никому не позволено подрывать устои Советской Крепкой семьи. Никому!!! Сказку завернуть. Словом, сказку о Лягуше — запретить за безнравственность».

Может быть, сейчас кому-то все это кажется только смешным и вообще не заслуживающим внимания. Но так ли уж далеко мы ушли от тех времен?

Его трагедия, как и многих людей его поколения: их талант, их знания не смогли даже в сколько-то полной мере воплотиться в книгах и статьях. В опубликованных трудах они передали следующим поколениям лишь малую толику того, что накопили, продумали, выстрадали. Цензура, десятилетия самоцензуры... Дмитрий Алексеевич говорил мне: «Выпустить книгу — это как новый корабль спустить на воду. Его надо со всех сторон окружить эхолотами».

Многих тем он вообще старался не касаться. Как было бы интересно узнать его впечатления о Фробениусе, Вестермане и других немецких африканистах, тех, у кого он учился во время своей командировки в конце 1920-х гг. Ведь ни у кого другого из отечественных ученых такого опыта не было. Но он об этом никогда и нигде не написал — разве что в письмах, да и то вскользь.

Году в 1984-м, во время конференции в Бонне, я зашел в букинистический магазин — «Антиквариат у Старой Ратуши». Особой надежды найти что-нибудь интересное не было — Бонн никогда не принадлежал к главным университетским центрам Германии. Но на мои расспросы продавец вдруг сказал: «Вы пришли как раз вовремя. У нас целый шкаф книг из библиотеки покойного доктора Финдейзена, известного этнолога». И вот, роюсь в этом шкафу, я вдруг увидел страшно знакомый почерк — он, оказывается не изменился с годами. На небольшой картонной папке: «Д. А. Ольдерогге». И, от руки же, названия трех его статей: «1. К организации цехового управления в древнем Египте эпохи Среднего Царства.

2. Управитель бурга. 3. О некоторых египто-нубийских словах». И — «На память от автора».

Первая статья была опубликована в «Докладах Академии наук. 1928», вторая — в «Записках коллегии востоковедов, III», а третья — в «Сборнике египтологического кружка при Ленинградском Государственном Университете» в 1929 г.

Эти статьи, переплетенные вместе, я, разумеется, сразу же купил и привез в Москву.

Третья статья была опубликована в 1929 г., да и первые две, очевидно, уже после возвращения Дмитрия Алексеевича из Германии. Так что он их послал уже из Ленинграда — его связи с немецкими учеными продолжались.

Это свое приобретение я показал ему при первой же встрече. А он рассказал, как повернулась жизнь немецких африканистов через несколько лет после его знакомства с ними, как им жилось в «третьем рейхе» и как по-разному они себя вели.

...Виктор Владимирович Матвеев, один из учеников Дмитрия Алексеевича, ныне, увы, тоже покойный, писал в некрологе о своем учителе, что рождение отечественной африканистики надо отсчитывать с 1929 г., когда появились первые статьи Дмитрия Алексеевича уже не о древнем Египте, а о Тропической Африке.

На первый взгляд эта идея кажется более чем спорной. Научные статьи об Африке появились в нашей стране задолго до статей Дмитрия Алексеевича, например, работы Бориса Александровича Тураева — еще в начале XX столетия. И все же, то что писал Виктор Владимирович, имеет смысл, хотя он сам это недостаточно додумал (а если и додумал — не сформулировал).

До 1929 г. в нашей стране не было ученых, которые считали бы изучение Африки главной сферой своей деятельности. Для Б. А. Тураева работы по истории Эфиопии были лишь частью, и отнюдь не важнейшей, его научных интересов.

А в 1929 г. определилась научная судьба сразу трех человек. Дмитрий Алексеевич возглавил Отдел Африки Музея антропологии. В феврале 1930 г. академик Николай Яковлевич Марр писал о нем:

«Прекрасно ориентированный исследователь живых африканских языков». Изучение древнего Египта уходит для него на второй план.

Одновременно с Дмитрием Алексеевичем, в том же 1929-м, изучение Африки стало основной сферой деятельности еще для двух человек: венгра Эндре Шика, который жил в нашей стране как Андрей Александрович Шийк, и Георгия Евгеньевича Гернгроса. В 1929 г. Шийк выступил с докладом о задачах изучения социально-экономических проблем Африки, а Гернгрос издал (под псевдонимом «Юг») свою первую книгу об Африке.

Научные интересы этих трех человек весьма различны. Но объединяет их то, что все они одновременно сделали изучение Африки своей профессией.

Вскоре к этим первым африканистам присоединились Николай Владимирович Юшманов, Александр Захарович Зусманович, Иван Изосимович Потехин и еще несколько человек в Москве и в Ленинграде.

Можно обсуждать и спорить о причинах появления отечественной африканистики: о роли тут государственных и общественных интересов. Но, как бы то ни было, тот далекий 1929 год действительно можно считать годом ее рождения. И теперь, через много лет, очевидно, какой большой вклад среди зачинателей этого направления внесен Дмитрием Алексеевичем.

...Через тридцать лет, в конце 1950-х гг., государственный интерес к Африке в нашей стране возрос чрезвычайно. С созданием Института Африки Дмитрию Алексеевичу предложили перебраться в Москву и стать заместителем директора. (Никому, конечно, не пришло в голову предложить ему, беспорному патриарху отечественной африканистики, быть директором, официальным главой советской африканистики. По общепринятым бюрократическим меркам это исключалось абсолютно — не та биография, не то поведение, не говоря уже о беспартийности.)

Предложение исходило от Ивана Изосимовича Потехина, который всегда относился к Дмитрию Алексеевичу с глубочайшим уважением, считал его одним из своих первых учителей. Но я тогда

не был уверен, что Дмитрия Алексеевича утвердили бы в этой должности. Ведь решал бы не Иван Изосимович (его самого назначили директором Института Африки лишь после многих сложностей), а Отдел науки ЦК КПСС. А в утвержденную там номенклатуру Дмитрий Алексеевич не входил.

Боялись мы и другого. Как это он, если его все-таки утвердят, окажется в новой роли, уже номенклатурной, — как он будет получать и выполнять задания «площадей» — Старой, Смоленской или Дзержинского (ЦК КПСС, МИД и КГБ).

Он, конечно, отказался. Вся московская часть его сектора Африки Института этнографии перешла в Институт Африки. Судьба ленинградской части решалась трудно, в жарких спорах. Дмитрий Алексеевич был включен в состав ученого совета Института Африки, но только до первой же реорганизации совета.

Вскоре, летом 1960-го, его избрали членом-корреспондентом Академии наук по Отделению литературы и языка. Это в какой-то мере, хотя и не всегда, служило охранной грамотой для него и его сектора.

...Если бы он написал воспоминания... Но их нет. Нет даже пояснений к альбому семьи Ольдерогге, в котором одна из записей сделана молодым Гете. Не говоря уж о тех временах, тех пожарищах, сквозь которые прошел сам Дмитрий Алексеевич.

Всегда сдержанный в сколько-то официальной обстановке, он находил отдушину в беседах и письмах. Клянусь себя за то, что редко записывал эти беседы. Но его письма за несколько десятилетий — их, слава Богу, сохранил. Ирина Ивановна Филатова разрешила мне познакомиться с ее обширной перепиской. Людмила Алексеевна Карташова — с несколькими письмами Дмитрия Алексеевича к ней. Найти бы возможность когда-нибудь это опубликовать! Таких писем уже давно не пишут. Подробные, с мыслями и о науке, и о жизни. Памятник не только Дмитрию Алексеевичу, но и тем ушедшим (а может быть, отнюдь еще не ушедшим?) временам. Остроумные, саркастичные, ядовитые.

Незадолго до кончины он писал мне об очередном всплеске университетско-академических интриг: «...Сужу по слухам, как этно-

граф среди папуасов, и языком папуасским не владею». И добавил: «А этнографы именно так и пишут о жизни народов. Интересно, что о европейцах будут писать африканцы, когда будут посылать экспедиции в Ленинград, Лондон, Тулузу и т. д.?»

...В последние месяцы жизни его терзало сознание, что он сделал меньше, чем мог, что не успел завершить труды, которые считал главными. Перебирал объективные и субъективные помехи. Сетовал на судьбу и — очень по-человечески — возвращался к мысли, которую так хорошо выразил Окуджава:

Где-нибудь на остановке конечной
Скажем спасибо и этой судьбе...

В 1960-м я привел к Дмитрию Алексеевичу журналиста, который только что побывал в Конго. Журналист рассказывал и о своих встречах с выходцем из России бароном Тизенгаузенем, игравшим видную роль в экономической жизни Конго, Дмитрий Алексеевич буквально превратился в слух. Когда журналист ушел, он сказал мне: «Я ведь с этим Тизенгаузенем в кадетском корпусе за одним столом сидел».

Сколько же близких ему людей оказалось в эмиграции... Он, конечно, не мог не сопоставлять их судьбу со своей. Еще в годы гражданской войны он имел официальное право, как уроженец города Вильно, уехать в Литву. Во время командировки в Германию, Голландию и Бельгию ему предлагали принять участие в научной экспедиции в Африку — и он побывал бы там тремя десятилетиями раньше, чем это случилось. Да мало ли было возможностей... Кто знает, может быть, он полнее реализовал бы свои способности, работая на Западе. Но, по его словам, он никогда об этом всерьез не думал.

Да и трудно представить его вне кабинета в здании Петровской Кунсткамеры с окнами на Неву, Адмиралтейство и Зимний дворец. Вся его жизнь связана с Петербургом, точнее, даже со сравнительно небольшой его частью. Четыре знаменитых дома по Университетской набережной: музей и Институт этнографии, Академия наук,

Двенадцать коллегий и здание востфака и филфака. Мойка, где он жил до середины 1950-х гг., и Каменноостровский — еще четверть века. Нева, каналы, весь старый Петербург — он мог часами говорить о них.

Мне никогда не приходилось слышать, чтобы его сколько-то обоснованно критиковали как ученого. Но как заведующий он, естественно, не мог нравиться всем. И какие-то его человеческие качества вызывали споры. Пережитые им страшные времена не могли не наложить своего отпечатка: научили не всегда выходить в открытую со своим мнением, порой вынуждали отмалчиваться, идти на компромиссы. Приходилось то и дело сдерживать себя, а это, в свою очередь, усиливало раздражительность.

Почему-то ученикам всегда бросаются в глаза и запоминаются промахи и недочеты учителей. Но, как прокричал когда-то Виктор Шкловский, «пуд соли надо съесть и этот пуд слезами выплакать — тогда будешь говорить об ошибках учителя!»

Общение с Дмитрием Алексеевичем давало то, что прежде с почтением называли «школа». И мне кажется, что африканистам, которые оказались лишены этого общения или по недомыслию пренебрегли им, всегда будет не хватать чего-то важного. Может быть, главного.

The Fate of Dmitry Alekseevich Olderogge

Abstract: The article is a personal memoir of D. A. Olderogge by academician of the Russian Academy of Sciences A. B. Davidson, who knew Dmitry Alekseevich from the late 40-s of the last century, considered himself his student and, in many ways, continued the traditions of his school. The article contains the author's analysis of the scientific path of D. A. Olderogge against the background of various periods of our history.

Keywords: Africa, African studies, D. A. Olderogge, history of African studies.

Т. М. Гавристова

Уроки Д. А. Ольдерогге

Аннотация: В небольшом эссе представлен взгляд на научное наследие Д. А. Ольдерогге Т. М. Гавристовой — основателя и многолетнего руководителя африканистики в Ярославле.

Ключевые слова: Д. А. Ольдерогге, африканистика, история.

Мне не довелось быть студенткой Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (1903–1987), о чем я, конечно, сожалею. Знакомством с его трудами, в числе которых «Малайская система родства», «Искусство народов Западной Африки в музеях СССР», «Западный Судан в XV–XIX вв.: Очерки по истории и истории культуры» и другие, я обязана своей преподавательнице — выпускнице МГУ, доценту, кандидату исторических наук, ученице Даниила Антоновича Авдусина (1918–1994) и Николая Яковлевича Мерперта (1922–2012), Ирине Леонидовне Станкевич. В рамках сравнительно небольшого курса по основам этнографии она — планомерно и детально — знакомила нас, первокурсников, не только практически со всеми

регионами мира, но и с именами их российских и зарубежных исследователей.

Впервые я увидела и услышала Д. А. Ольдерогге в 1982 г. будучи аспиранткой кафедры африканистики Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Привела его на заседание профессор, доктор исторических наук, Ирина Ивановна Филатова, тогда еще молодой доцент кафедры. Оба они излучали такое обаяние и творческую энергию, что, казалось, вот, такой и должна быть академическая среда, где знания сосуществуют с красотой и талантом, и весь этот мир находится в гармонии.

А дальше было Слово! Д. А. Ольдерогге говорил о необходимости изучать языки, работать с источниками, подчеркивал важность полевых исследований и постижения Африки изнутри. Говорил он негромко, мягко, веско, доходчиво, и для меня очевидными были его исключительная — редкая — интеллигентность и огромные знания. Его устное слово значило едва ли не больше, чем то, что вышло из-под его пера. Не все его идеи, догадки, открытия можно было предать огласке в те трудные времена, когда он начинал свою исследовательскую и преподавательскую деятельность (об этом писал и многократно говорил академик Аполлон Борисович Давидсон в своих книгах и выступлениях, и не он один). Но, вопреки времени, Д. А. Ольдерогге удалось главное. Став одним из отцов африканских исследований в СССР, он сумел заложить основы изучения африканских языков, привлечь внимание к Африке и, наконец, создал ленинградскую школу африканистов, ныне одну из самых влиятельных в РФ. Его деятельность разворачивалась на уровне академической и университетской науки и находилась во взаимосвязи с музейной работой и практической африканистикой. Именно он инициировал создание африканского отдела Музея антропологии и этнографии (1929 г.) и кафедры африканистики ЛГУ (1944–1945 гг.). Значение этих институций для развития отечественной и зарубежной науки невозможно переоценить. Свидетельством признания заслуг ученого стало и избрание членом-корреспондентом Академии наук СССР (1960 г.), и членство

во Французской и Британской академиях, и правительственные награды. Однако главное — это то, что продолжателями традиций, заложенных Д. А. Ольдерогге, можно считать практически всех российских специалистов-африканистов и в первую очередь, конечно, тех, кто у него учился (а таких все еще немало!). И все мы, те, кто, так или иначе, профессионально связан с африканскими исследованиями, — в значительной мере его ученики!

Lessons by D. A. Olderogge

Abstract: A small essay presents a look at the scientific heritage of D. A. Olderogge T. M. Gavristova — the founder and long-term leader of African studies in Yaroslavl.

Keywords: D. A. Olderogge, African studies, history.

Н. А. Добронравин

Д. А. Ольдерогге и научные дискуссии в эпоху «холодной войны»

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые научные дискуссии эпохи «холодной войны», связанные с именем Д. А. Ольдерогге. Показаны особенности отношения западных авторов к Д. А. Ольдерогге в контексте борьбы с предполагаемой коммунистической угрозой и русским, или советским, проникновением в Африку. Особое внимание уделено дискуссии с участием Д. А. Ольдерогге на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (1964 г.).

Ключевые слова: Д. А. Ольдерогге, научные дискуссии, «холодная война», антикоммунизм, борьба за Африку

О научных заслугах Дмитрия Алексеевича Ольдерогге написано много. Некоторые из его исследований можно без преувеличения назвать пионерскими. Например, Д. А. Ольдерогге впервые ввел в научный оборот рукописи на языке хауса из коллекции Г. А. Краузе, собранной на территории современных Ганы и Ливии; большинство «ганских» текстов из этой коллекции и сегодня остаются не переведенными на какой-либо язык, кроме русского (Ольдерогге 1960).

По своим интересам патриарх отечественной африканистики не был сугубо кабинетным ученым-теоретиком. Как вспоминал сам Д. А. Ольдерогге, в детстве его мечтой было стать офицером Генерального штаба, что неудивительно для ученика Кадетского корпуса. Дмитрий Алексеевич был участником множества официальных мероприятий, одновременно возглавлял отдел (сектор) Африки в Кунсткамере и университетскую кафедру африканистики. От его решений зависели судьбы сотрудников и студентов.

Д. А. Ольдерогге участвовал во многих научных дискуссиях. Его собственный стиль ведения таких дискуссий, на мой взгляд, хорошо представлен в рецензии на одну из статей историка, этнолога, и религиоведа Владимира Капитоновича Никольского (1894—1953):

«[...] Статья в большой мере претендует на чистоту и верность марксистско-ленинской методологии. Видно это из «скромного» заявления В. К. Никольского, что даже после дискуссии о первобытном коммунизме в Институте Истории Комакадемии в 1931 г., развернувшейся по докладу В. К. Никольского (как отмечает сам автор), «советскими учеными делается еще немало мелкобуржуазных извращений марксистско-ленинского учения о первобытном коммунизме (механистических и меньшевистствующе-идеалистических)». Тем более странно, что в самой рецензируемой работе встречаются грубые ошибки. Напр., на с. 38 автор пишет: «Ни одна цветная раса так не отлична от белой, как и от цветных и от белых рас отличны эти неандертальцы». Другими словами, В. К. Никольский утверждает, что цветные расы значительно ниже по своему развитию белых, коль скоро он считает возможным, воспользовавшись этим примером, показать различие между неандертальцем и современным человеком. [...]

Вызывает также сомнение утверждение автора, что первобытный коммунизм отличается от современного коммунизма одним только низким уровнем развития производительных сил и бессилием в борьбе с природой, тогда как последний господствует над ней (с. 23)» (Ольдерогге 1933: 262).

С середины 1930-х гг. этот стиль, по-видимому, исчез из публикаций Д. А. Ольдерогге, но сохранился в его письмах и устных высказываниях (порой резких по форме, но, насколько я помню, всегда академических по содержанию). Здесь следует заметить, что В. К. Никольский, специалист по истории первобытной общины, в 1945 г. был одним из оппонентов на успешной защите докторской диссертации Д. А. Ольдерогге.

В эпоху «холодной войны» Д. А. Ольдерогге, как и другие советские африканисты, был объектом научного интереса и дискуссий (не только научных) по другую сторону «железного занавеса». В наши дни поражает то внимание, с которым за «железным занавесом» относились к любой печатной продукции и даже устным высказываниям советских ученых, изучавших Африку. Западные антропологи и советологи специально изучали русский язык, успешно преодолевая языковой барьер.

Д. А. Ольдерогге регулярно упоминался в американских официальных изданиях и даже в документах Конгресса США (*Chinese and Russian Communists Compete for Foreign Support 1964, Appendix I, P. 69*). Западные политики и журналисты писали о Д. А. Ольдерогге в своих сочинениях, посвященных коммунистической угрозе и русскому, или советскому, проникновению в страны Африки. Некоторые из подобных текстов в наши дни не могут не вызвать удивления, например:

«Кремль придает большое значение изучению африканских языков; например, в Советском Союзе превосходный учебник языка хауса Д. А. Ольдерогге был недавно опубликован издательством Ленинградского университета» (Clews 1955: 642);

«[...] важной особенностью разработанной Потехиным, Д. А. Ольдерогге и другими советскими африканистами политической стратегии для Африки представляется мысль о том, что по крайней мере некоторые африканские страны могут с помощью Советского Союза и местных коммунистических движений перейти непосредственно от докапиталистической стадии развития к социализму, не переживая промежуточного периода капиталистической эволюции» (Barghoorn 1964: 295).

В действительности, книга «Язык хауса» (Ольдерогге 1954) вышла еще до того, как руководство Советского Союза обратило внимание на изучение африканских языков. Роль Д. А. Ольдерогге в разработке упомянутой выше политической стратегии (если она существовала) представляется несколько преувеличенной.

Само упоминание имени Д. А. Ольдерогге придавало особый оттенок научной дискуссии по ту сторону «железного занавеса». К примеру, в 1954 г. Стэнхоуп Уайт (Stanhope White) опубликовал статью о метательных ножах Северной Нигерии и упомянул раннюю, но до сих пор не устаревшую статью Д. А. Ольдерогге (Olderogge 1934) о таких ножах в Дарфуре: «Некий доктор Ольдерогге (a certain Dr. Olderogge) даже нарисовал деревянную разновидность [метательного ножа] хауса, но автор никогда такой не видел» (White 1954: 365). Неудачное выражение С. Уайта отметил в своей рецензии антрополог и социолог Питер Уорсли: «Неудивительно, что в наше время работа известного ленинградского специалиста по Западной Африке, профессора Д. А. Ольдерогге, о деревянных метательных ножах хауса приписывается некоему доктору Ольдерогге...» (Worsley 1957: 88).

С. Уайт был не только колониальным администратором. Он изучал естественные науки и географию в Кембриже, в 1934–1935 гг. участвовал как геодезист и геолог в археологической экспедиции Луиса Лики в Британскую Восточную Африку, опубликовал несколько статей и три книги воспоминаний. С. Уайт интересовался антропологией, но мог и не знать о научной деятельности Д. А. Ольдерогге. Напротив, Питер Морис Уорсли (Peter Maurice Worsley, 1924–2013, о нем см., например, Тумаркин 2016) хорошо знал советских африканистов. Позднее он рассказывал:

«Это были плохие времена. [...] То, что случилось с Маккарти в США, произошло повсюду в 1950-х годах. Это было ужасно, и мы думали, что они собираются арестовать всех коммунистов. Я закопал свою партийную литературу в саду [...] я самостоятельно выучил русский язык и мог читать советскую антропологию. У меня были связи с советскими антропологами, один из них был отравлен тайной полицией [в Дар-эс-Саламе]» (Peter Worsley: A Life 1989, 2004).

Еще одна дискуссия, в которой упоминался Д. А. Ольдерогге, состоялась в 1960 г. на страницах британского католического еженедельника «Тэблет». В одном из номеров этого влиятельного издания журналист и эфиопист Чеслав Есьман (Czesław Jeśman, 1912–1987) осудил приравнивание африканской истории к европейской, когда Мероэ именуют «Афинами Африки» а средневековый Тимбукту «Миланом и Нюрнбергом Судана». По мнению Есьмана, «подобное великолепию. по мнению московских ученых мужей из «Агитпропа», несомненно, произведет благоприятное впечатление на африканских националистов, и поскольку советские историки, скромные подпевалы комиссаров, изо всех сил пытаются доказать эту теорию, обязательно снова возрастут прибыли советского дела в Африке» (Jesman 1960: 718).

Публицист и историк-африканист Бэзил Дэвидсон (Basil Risbridger Davidson, 1914–2010) узнал скрытые цитаты из своего сочинения (Davidson 1959) и ответил Ч. Есьману:

«[...] Его последующее предположение, что моя книга — и другие книги, которые придерживаются той же точки зрения, что и моя, — написаны для ученых мужей «Агитпропа» в Москве, слишком глупо, чтобы о нем беспокоиться. В то же время я вынужден заметить, что если бы мне пришлось выбирать между заботой об истине, проявленной мистером Есьманом, как показано в его ссылках на мою книгу, и, к примеру, тем, как заботился об истине профессор Ольдерогге из Ленинградского университета (как показано в его недавней «Истории Западного Судана»), конечно, я предпочел бы не ту степень честности, которую показал мистер Есьман (...if I had to choose between the care for truth shown by Mr. Jesman as demonstrated in his references to my book, and that shown by, for example, Professor Olderogge of Leningrad University (as demonstrated in his recent History of the Western Sudan), it would certainly not be Mr. Jesman's degree of honesty that I should be preferring)».

На той же странице в комментарии к письму Б. Дэвидсона Ч. Есьман ответил на критику, пояснив, что он не ссылался ни на книгу, ни на самого оппонента:

«Я просто процитировал некоторые из его формулировок, чрезвычайно экстравагантных, если вырвать их из контекста, в качестве образца материала, который мог бы превосходно вписаться в нынешнюю схему «Агитпропа» в отношении Африки. Он может быть уверен в том, что, если в Москве возникнет необходимость, эти высказывания, а не предложения, правильно их уточняющие, будут распространены теми в России, кто планирует африканскую политику [...]. Поэтому я боюсь, что не был бы так горд похвалой профессора Ольдерогге, как, очевидно, гордится мистер Дэвидсон. Если смотреть диалектически, похвала относится не к его обширной эрудиции в отношении Африки, а к полезности для «Агитпропа». Я бы не стал оскорблять человека с таким интеллектом, как мистер Дэвидсон, подробно цитируя здесь высказываний советских ученых мужей, начиная с Ленина, о роли ученых, и интеллектуалов в коммунистическом обществе. Но я должен заметить, что если он действительно думает, что их политически неангажированная деятельность там разрешена, что о них судят по их независимым, академическим качествам и совершенно отдельно от их практической пользы для политической системы, при которой они живут, то он необычайно бесхитроуен. (...if he really thinks that their politically uncommitted activities are allowed there, that they are judged according to their detached, academic qualities and quite apart from their practical usefulness for the political system under which they live, then he is singularly ingenuous)». (Davidson 1960: 851).

Дискуссия, в которой оба участника вспомнили о Д. А. Ольдерогге, бесспорно отражала особенности их биографии. Ч. Есьман, родившийся на территории современной Белоруссии, до Второй мировой войны был польским дипломатом, потом служил в польской армии на Западе и в британской армии (как переводчик и журналист), после войны преподавал в Эфиопии, а затем работал в британских и польских СМИ в Лондоне. Он писал об изучении Африки в Советском Союзе, включая преподавание африканских языков: «Проблемы такого рода рассматриваются на партийном саммите как первоочередные задачи. Профессора Ольдерогге и И.И. Потехин, ведущие советские африканисты, постоянно выступают в советской

прессе и по радио. Последний весьма прямолинеен в отношении своего предмета; недавно он заявил, что вся исследовательская работа советских африканистов должна в первую очередь служить политике коммунистического вождя, т.е. правительства Советской Российской колониальной империи» (Jesman 1959: 42)». Д. А. Ольдерогге действительно выступал в советских СМИ, о его выступлениях сообщалось и в американских официальных изданиях (см., например: *Gizenga Arrest Protests* 1962: 17). Однако ни Д. А. Ольдерогге, ни И. И. Потехин не заявляли о себе как о приверженцах «колониальной империи». Б. Дэвидсон в годы Второй мировой войны тоже служил в британской армии (за линией фронта, в миссиях связи с партизанами Югославии и Италии). Он публично поддерживал антиколониальную борьбу в странах Африки, посещал партизанские базы в Португальской Гвинее. Неудивительно, что Б. Дэвидсона подозревали в симпатиях к коммунизму, тогда как Ч. Есьман был последовательным противником «Советов».

Пожалуй, самый курьезный рассказ о Д. А. Ольдерогге в связи с научной дискуссией в условиях «холодной войны» напоминает такие литературные произведения, как «Скандалное происшествие с отцом Брауном» Г. К. Честертона. В данном случае реальными действующими лицами были участники симпозиума «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.; об этом симпозиуме см., например, *Алумов* 2022). Д. А. Ольдерогге как председатель произнес вступительное слово о Моргане. В частности, он сказал: «Но так или иначе имя Моргана с 1890-х годов оставалось прочно связанным с рабочим движением и с коммунизмом, и это, конечно, повлияло на оценку его работ в кругах ученых Северной Америки и Западной Европы» (Ольдерогге 1967а: 441).

Вероятно, симпозиум прошел бы как обычное научное мероприятие, если бы не выступление американского социолога Хелен Констас (Helen Constas, 1921–1971) «Льюис Г. Морган в свете современной антропологической теории». Воспоминания Х. Констас

о конгрессе в Москве и об отношении Д. А. Ольдерогге к этому докладу распространялись среди американских коллег и были опубликованы после ее гибели в автомобильной аварии (Constas 1978).

Судя по воспоминаниям Х. Констас, для нее многое на московском конгрессе казалось непривычным. Например, одна из сессий, в которых она участвовала, «началась с выступления видного советского африканиста Д. А. Ольдерогге из Ленинградского университета на русском языке на тему «Системы родства народов Западного Судана». Пока он говорил, по кругу пустили лист, чтобы каждый участник записался, но практически никто из представителей Запада этого не сделал, не видя никаких причин, чтобы отмечать наше «присутствие». Однако все советские участники все же подписались. Это еще раз подчеркнуло, как Советы склонны все организовывать и что, на самом деле, многие из их «делегатов» на этих собраниях присутствовали в рамках своей обычной «работы», которая протоколировалась!» (Constas 1978: 338). Данное утверждение представляется сомнительным, особенно учитывая, что участники представляли не одно научное учреждение.

В своих воспоминаниях Х. Констас подробно описала симпозиум, посвященный Л. Г. Моргану (8 августа 1964 г.), уделив особое внимание своему общению с Д. А. Ольдерогге:

«[...] Незадолго до того, как я начала говорить, профессор Ольдерогге подошел ко мне с того места, где я сидел, и попросил: «Пожалуйста, не читайте последний раздел о Марксе и Моргане». Я ответила, что, конечно, намерена его прочитать. Но Ольдерогге определенно предполагал, что я этого не сделаю. Когда я дошла до этой части, он прервал меня из-за «времени» хотя я говорила всего 28 минут, намного меньше, чем кто-либо другой. Я очень вежливо попросила, чтобы мне дали закончить, что мне нужно еще всего лишь несколько минут, и это было именно так. Кроме того, у нас было целых три сессии о Моргане, так что в самом деле времени хватало, и т. д. Тем не менее, по своим собственным причинам, он твердо решил, что я должна остановиться. «Нет, Вы должны остановиться», — настаивал он.

[...] Для полноты картины я должна добавить, что после того, как меня остановили, я спросила, не могу ли я хотя бы резюмировать в паре предложений то, что я намеревалась сказать, и Ольдерогге позволил мне это сделать — так что, насколько это было возможно, я упомянула, что Маркс принял идеи Моргана, чтобы научно доказать существование первобытного коммунизма и избавиться от надоедливой идеи восточного деспотизма. Но, конечно, я успела только упомянуть восточный деспотизм, без всяких подробностей. И поэтому я сомневаюсь, что тот, кто не знал этот сюжет, смог бы ясно понять меня. Тем не менее, думала я, по крайней мере, мне удалось произнести запрещенные слова — «восточный деспотизм». Советы теперь знали, что на любом будущем конгрессе они больше не смогут избежать его обсуждения! Это было хоть что-то...» (Constas 1978: 345–347).

На самом деле, советские ученые могли говорить и писать о восточном деспотизме, если речь шла об обществах древности. Однако в понимании Х. Констас такой общественный строй был характерен не только для Древнего мира. Темы ее докторской диссертации, «Бюрократический коллективизм: анализ исторических примеров фараоновского Египта и Советской России» (Constas 1954), и других публикаций бесспорно выходили за рамки допустимого в советской науке того времени. Взгляды Х. Констас были близки к концепции немецкого, а затем американского ученого, бывшего коммуниста Карла Виттфогеля (Karl August Wittfogel, 1896–1988), о восточном деспотизме в «ирригационных империях» и о сходных, как он полагал, вариантах деспотизма в СССР и нацистской Германии (Wittfogel 1957). К 1964 г. эта концепция была уже известна и осуждалась в Советском Союзе (Латов 2007).

Полный текст доклада Х. Констас (хотя и без перевода на русский язык) был опубликован в материалах конгресса. Несомненно, размышления докладчика о Марксе и восточном деспотизме выходили за рамки научной дискуссии, например: «И если это уже было в прошлом, то разве эта форма, восточный деспотизм, не могла бы существовать и в будущем? (And if this had existed in the *past*, might

not this form, Oriental despotism, exist too in the *future?*) [...] Короч говоря, включение [концепции] Моргана разбавило научное содержание взгляда Маркса на историю и в то же время повысило его политическую эффективность» (Constas 1967: 460–461).

По-видимому, никто из выступавших не поддержал Х. Констас. Еще один американский участник дискуссии, Уильям Фентон (William Nelson Fenton, 1908–2005), специалист по истории и культуре ирокезов, впоследствии писал: «Первый оратор, женщина-социолог из Бостонского университета по имени Констас, чьих работ я не знал, выступила с резким обвинением в адрес марксистских интерпретаций теорий Моргана, и это вызвало раздражение аудитории. Возможно, она была права, но это было плохое начало» (Fenton 2007: 137). Подводя итоги симпозиума, Д. А. Ольдерогге заметил: «Если выступления других основных докладчиков имели вполне научный характер и держались в рамках объявленной дискуссии, то этого я не могу сказать о докладе д-ра Констас. Ее доклад далеко вышел за пределы обсуждаемой нами темы и имел характер не столько научного доклада, сколько журнальной статьи политического характера» (Ольдерогге 1967b: 509–510). В целом, можно предполагать, что Х. Констас была заранее настроена на политический конфликт с «Советами», и Д. А. Ольдерогге пришлось приложить немалые усилия, чтобы сохранить академический характер дискуссии о взглядах Л. Г. Моргана.

Во многих работах западных авторов, писавших о советской африканистике в эпоху «холодной войны», отмечалось, что под руководством Кремля она быстро развивается. При этом Д. А. Ольдерогге упоминался как один из двух ведущих советских исследователей Африки (вместе с И. И. Потехиным). Например, Дэвид Морисон писал: «На международном уровне советские африканисты добились по крайней мере признания де-юре благодаря назначению профессора Потехина в Оргкомитет Международного конгресса африканистов, состоявшийся в Аккре в декабре 1962 года. [...] К сожалению, болезнь жены помешала профессору Ольдерогге присутствовать на Конгрессе». (Morison 1963: 314).

В целом, Д. А. Ольдерогге воспринимался на Западе как ученый, сохранивший академические традиции и не всегда следовавший официальной линии (Morison 1963, Cowcher 2019). Такая репутация позволяла патриарху отечественной африканистики и его ученикам поддерживать научные контакты сквозь «железный занавес».

Список источников и литературы

1. За дальнейший подъем советского востоковедения. [Редакционная статья] // Коммунист, № 8, 1955. С. 74–83.
2. Латов Ю. В. «Восточный деспотизм» К. А. Виттфогеля (к 50-летию «Странной» книги) // Историко-экономические исследования, 2007, № 2. С. 8–37.
3. Марков В. (В. И. Матвей). Искусство негров. Петроград: Издание Отдела изобразительных искусств народного комиссариата по просвещению, 1919.
4. Ольдерогге Д. А. Язык хауса. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1954.
5. Ольдерогге Д. А. Вступительное слово [на симпозиуме «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии»] // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 441–447.
6. Ольдерогге Д. А. Заключительное слово [на симпозиуме «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии»] // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 508–511.
7. Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960 (Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. 53).
8. Ольдерогге Д. А. В. Д. Преображенский. «Краткий очерк экономики докапиталистических формаций». Со статьей В. К. Никольского «Первобытно-коммунистическая формация». Москва. Соцэкгиз. 1933, стр. 190 (рецензия) // Советская этнография, 1934. № 1–2. С. 262–264.

9. *Тумаркин Д. Д.* Питер Уорсли: жизнь и труды на фоне эпохи // Вестник антропологии. 2016, № 4 (36). С. 210–223.
10. *Alymov S.* Cold War Anthropology From Both Sides of the Iron Curtain // *Revue d'histoire des sciences humaines*, 2022, № 40. P. 85–109.
11. *Barghoorn F. Ch.* Soviet Foreign Propaganda Princeton: Princeton University Press, 1964 (перевод для служебного пользования: *Баргхорн Ф.* Советская пропаганда за рубежом. М.: Прогресс, 1964).
12. Chinese and Russian Communists Compete for Foreign Support. Staff Conference of the Subcommittee To Investigate the Administration of the Internal Security Act and Other Internal Security Laws of the Committee on the Judiciary, United States Senate Testimony of Tung Chi-Ping, a Chinese Defector. August 20, 1964. Washington: U. S. Government Printing Office, 1964. Appendix I. *African Studies Bulletin*, vol. V, No. 4. December 1962. Report of the Fifth Annual Meeting of the African Studies Association=African Studies in the Soviet Union. P. 67–73.
13. *Clews J.* Führt Der Weg Nach Paris Über Bandung? // *Ost-Probleme*, 1955, Vol. 7, № 16. P. 637–642.
14. *Constas H.* Bureaucratic Collectivism: An Analysis of the Historical Examples of Pharaonic Egypt and Soviet Russia (PhD. Thesis). New York: New School for Social Research, 1954.
15. *Constas H.* Lewis H. Morgan in the Light of Modern Anthropological Theory // *Society and History. Essays in Honor of Karl August Wittfogel*, The Hague: Mouton Publishers, 1978. P. 329–348 (также опубликовано на английском языке в СССР: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 4. М.: Наука, 1967. С. 455–461).
16. *Cowcher K.* Soviet Supersystems and American Frontiers: African Art Histories amid the Cold War // *The Art Bulletin*, 2019, Vol. 101, № 3. P. 146–166.
17. *Davidson B.* African History // *The Tablet*, 17 September 1960. P. 851 (с комментарием Ч. Есмана).
18. *Davidson B.* Old Africa Rediscovered. London: Victor Gollancz Ltd., 1959 (русский перевод — *Дэвидсон Б.* Новое открытие древней Африки. М.: Издательство восточной литературы, 1962).
19. *Fenton W. N.* Iroquois Journey: An Anthropologist Remembers. Lincoln: University of Nebraska Press, 2007.

20. Gizenga Arrest Protests. Moscow TASS in English to Europe 1958 GMT 26 January 1962 // Daily Report. Foreign Radio Broadcasts. 29 January 1962, № 20. P. 16–17.

21. *Jesman Cz.* Ruanda and Urundi. The Belgian Trusteeship Territory // The Tablet, 30 July 1960. P. 718.

22. *Jesman Cz.* The Red and the Black // Crossbow, 1959, Vol. 3, № 13. P. 41–47.

23. *Morison D.* African Studies in the Soviet Union // The Russian Review, 1963, Vol. 22, № 3. P. 301–314.

24. *Olderogge D.* Survivals of the Throwing-Knife in Darfur // Man, 1934, № 34. P.106–107.

25. Peter Worsley: A Life 1989, Interviewed by Alan Macfarlane, filmed by Sarah Harrison, at his home on 25th February 1989, using a video 8 camera. [Later additions in 2004 by Peter Worsley in square brackets, and in notes at the end] (https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/279/Peter_Worsley.doc).

26. *White S.* A Study of Northern Throwing Knives // Nigeria Magazine, 1954, № 44. P. 363–368.

27. *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power, New Haven: Yale University Press, 1957.

28. *Worsley P. M.* Nigeria Quarterly (рецензия) // Rhodes-Livingstone Journal, 1957, № 21. P. 87–88.

D. A. Olderogge and Scholarly Discussions in the Cold War Era

Abstract: The article examines some scientific discussions of the Cold War era associated with the name of D. A. Olderogge. Specific attitude of Western authors to D. A. Olderogge in the context of the struggle against the alleged communist threat and Russian, or Soviet, penetration into Africa is demonstrated. Particular attention is paid to the discussion with the participation of D. A. Olderogge at the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (1964).

Keywords: D. A. Olderogge, scholarly discussions, the Cold War, anti-communism, the struggle for Africa.

Р. П. Ильина, А. Ю. Москвитина (Сиим)

Архив Д. А. Ольдерогге в отделе этнографии африки МАЭ РАН: опыт описания и классификации материалов

Аннотация: В настоящей статье представлено описание части домашнего архива Дмитрия Алексеевича Ольдерогге в МАЭ РАН. Внимание уделено классификации содержимого архива, идентификации и систематизации материалов, а также иллюстративной части этого собрания документов.

Ключевые слова: Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, биография, архив, документы, рисунки и наброски, МАЭ РАН, африканские коллекции.

Введение

Важность личности и деятельности Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (1903–1987) для гуманитарной науки и африканистики трудно переоценить. Уже при жизни он обладал статусом родоначальника отечественной африканистики. По свидетельству А. Б. Давидсона «Виктор Владимирович Матвеев <...> писал в некрологе о своем учителе, что рождение отечественной африканистики надо отсчитывать

с 1929 года, когда появились первые статьи Дмитрия Алексеевича уже не о Древнем Египте, а о Тропической Африке» (Давидсон 2002: 41), и, хотя это лишь одно из мнений (с которым, тем не менее, согласны многие), значимость фигуры Дмитрия Алексеевича для всей ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) и российской африканистики очевидна. О. Б. Фролова пишет о том, «с какой отдачей Дмитрий Алексеевич передавал свои знания студентам, аспирантам, как стремился к расширению международных контактов» (Фролова 2003: 27–28). После смерти Ольдерогге вышло несколько мемориальных сборников статей, в том числе «Ethnologica Africana. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге» в Москве в 2002 г., «Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях» в Санкт-Петербурге в 2003 г.

При этом далеко не все его документы опубликованы, изучены и даже прочитаны. Единого архива документов Д. А. Ольдерогге не существует. Многие материалы, связанные с дореволюционной жизнью его семьи, были уничтожены им самим после серии обысков (Давидсон 2002: 33). Хотя, разумеется, сведения о его семье сохранились: его вдова И. А. Осницкая написала несколько статей о роде Ольдерогге, а его ученик В. Р. Арсеньев оставил воспоминания о поиске им могилы жившего в эмиграции и умершего в Париже отца Дмитрия Алексеевича (Арсеньев 2003а: 58–82). Часть архива Д. А. Ольдерогге хранится в МАЭ РАН в составе его личного дела [Личное дело, ф. К1, оп. 7, № 64. 7 июня 1925 — 21 сентября 1971], однако согласно Федеральному закону от 22.10.2004 «Об архивном деле в Российской Федерации» документы, содержащие личную информацию, нельзя публиковать в течение 75 лет со дня создания, а Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 ограничивает возможность их публикации еще больше. Однако можно сказать, что в большинстве своем это личное дело составляют персональные характеристики, отчеты о конференциях и поездках (черновики многих из них можно найти в исследуемом собрании документов), официальные заявления (как, например, неоднократные просьбы Дмитрия Алексеевича освободить его от должности директора МАЭ РАН) и другие документы официального характера.

Также в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА) хранится его личное дело студенческих времен и некие документы, относящиеся к 1947 году (ЦГА СПб ф. Р-7240, оп. 6, д. 1609; ф. Р-7240 оп. 12–2, д. 2233; ф. Р-7240, оп. 12–1, д. 360). Там представлены: 1. Личное дело 1922–1925 (1) фото в форме красноармейца 2) пара анкет 3) заявление о поступлении в университет на имя ректора, 4) автобиография, 5) документ о том, что он работает в Музее религии и справки о других работах (частные уроки), выпускной диплом из гимназии, 6) приписное свидетельство о службе в армии (1920–1922), 7) копия выпускного диплома); 2. Дело 1937 г. о защите кандидатской диссертации (из секретариата университета, 1) анкета, 2) постановление Совета о присвоении ученой степени кандидата наук, 3) баллотировка, 4) характеристика профкома факультета и университета, 5) документ из ВАК об утверждении в ученой степени, 6) отзывы оппонентов); 3. Дело 1947 года, докторская диссертация.

В данной статье рассматривается часть домашнего архива Д. А. Ольдерогге, которая была передана МАЭ РАН его вдовой И. А. Осницкой и привезена его сыном, М. Д. Ольдерогге после кончины Дмитрия Алексеевича.

Содержание архива: устройство и систематизация

В ходе работы были разобраны практически все имеющиеся материалы. Среди них — рукописные и машинописные документы, авторефераты, экземпляры отечественных и зарубежных книг и статей на разные темы, материалы из музейных стажировок, переписка, периодические издания. Часть их разложена по папкам, часть (большинство авторефератов, книг и оттисков) лежит отдельно. В папках бумаги, как правило, рассортированы тематически, но часто попадаются исключения, например, документы, относящиеся к Русскому Географическому обществу в папке с материалами о системах родства. Можно сделать вывод, что большая часть документов была рассортирована самим Ольдерогге или позже его вдовой, но впоследствии,

возможно, при передаче их в МАЭ РАН, кое-что было добавлено в папки в случайном порядке. Многие папки, имеющиеся в архиве, точно составлены самим Ольдерогге, так как подписаны им. Их названия и содержание перечислены с нашей, сделанной для удобства нумерацией, в таблице в приложении (*см. Приложение 1*).

Из манускриптов можно выделить рукописные и машинописные черновики к статьям Ольдерогге. По ним можно наглядно проследить всю вложенную в них работу. Практически во всех черновиках любых видов присутствуют правки, как стилистические, так и фактические, видны дополнения и доработки. Подобные исправления (зачеркивания) присутствуют также и во вполне официальных документах, как, например, отзывах или письмах (не только авторства Дмитрия Алексеевича). Это особенно удивительно с точки зрения современных реалий, когда такие вещи считаются помарками и недопустимы часто даже в черновых вариантах. Иногда к вариантам статей прилагаются письма редакторам или коллегам, как правило, с просьбой принять статью, отчетом о проделываемой работе и выражением готовности написать что-нибудь новое. Например, в папке 12 есть его письмо редактору об отправке его статей о культурах Нок и Ифе для Большой Советской Энциклопедии; в нем он пишет, что, помимо уже написанного, он «хотел бы написать о наскальных росписях Сахары, или всей Африки»

Другой тип рабочих документов — конспекты и выписки из научной литературы. Выписки из научных источников есть в практически каждой папке в совершенно огромном количестве, описание их всех проще заменить оцифровкой всего архива сразу. Д. А. Ольдерогге, видимо, выписывал названия и авторов книг, потом искал их в библиотеке или получал от коллег или из-за рубежа, потом просматривал и, если источник ему подходил, делал точечные выписки либо писал большой конспект. Можно отметить тот факт, что эти выписки он делал на совсем маленьких клочках бумаги, тем не менее, аккуратно оторванных под линейку. Экономия бумаги — вообще заметная черта всего данного собрания документов и также отмеченная современниками Ольдерогге. Ю. К. Поплинский, характеризуя его

аккуратность и обстоятельность, писал, что «достаточно посмотреть на бумаги его личного архива, которые поражают тщательностью и продуманной экономностью заполнения листа бумаги (приобретенная еще в молодости привычка людей его поколения экономить любой клочок бумаги — самой большой ценности и абсолютного дефицита), аккуратности полей, подчеркиваниями разного типа. Его конспекты и черновики всегда были чрезвычайно тщательны» (Поплинский 2002: 78). Сама бумага, на которой Д. А. Ольдерогге писал свои конспекты и черновики, заслуживает отдельного внимания, о чем будет сказано позже.

Конспекты Ольдерогге написаны вручную, часто на иностранных языках — английском, немецком, французском. Как правило они дополнены его личными комментариями, написанными здесь же на полях или вынесенными на отдельный лист. Есть несколько бумаг с его записями-размышлениями на разные темы, часто тоже с критикой или сравнением авторов и их суждений.

Отдельный тип документов составляют прорисованные схемы терминов родства в разных языках. Не совсем понятно, составлял их Дмитрий Алексеевич сам по сведениям, полученным из различных статей, или из этих статей переписывал (хотя про некоторые можно с уверенностью говорить об авторстве Ольдерогге, так как среди документов встречаются черновики, исправленные и перечеркнутые, этих схем), но нужно отметить, что прописаны и разложены они с особой тщательностью. За редким исключением каждая такая схема, нарисованная на отдельном листе, лежит в другом плотном бумажном листе с названием языка. Иногда такая схема сопровождается другими листами с записями о языке и народе, иногда кроме самой схемы никаких других сведений нет, но все равно она каждый раз выделена и лежит отдельно.

Большую долю составляют документы, относящиеся к Русскому Географическому Обществу. Дмитрий Алексеевич много времени уделял участию в делах РГО. Отмечается, что «деятельность Дмитрия Алексеевича в рамках Русского географического общества (РГО) до сих пор остается малоизвестной, хотя ученый принимал активное

участие в его работе...» (Вальская, Жуков, Ягья 2002: 66). Дмитрий Алексеевич был принят в РГО в 1933 году, с 1955 г. он принимал участие в создании и работе Восточной комиссии. Впоследствии он ее возглавил и руководил ею до последних дней жизни. Он осуществлял научное редактирование всех изданий Восточной комиссии, в том числе серии «Страны и народы Востока», «Проблемы населения и хозяйства стран Африки»; по его инициативе в ряде томов серии «Страны и народы Востока» был введен специальный раздел «История географических исследований». В собрании присутствуют различные обращения, планы заседаний, тезисы докладов и даже благодарность за предоставление подлинника письма вдовы Миклухо-Маклая, а также рекомендация к присуждению Д. А. Ольдерогге золотой медали П. П. Семенова-Тян-Шанского в 1966 г.

В собрании документов довольно много авторефератов. Они помещены либо в папки либо отдельно. Здесь присутствуют авторефераты кандидатских и докторских диссертаций как ленинградских, так и московских и прочих респондентов (например, есть один автореферат из Воронежа). Многие из них подписаны, часто чисто формально, но есть и вполне искренние подписи, свидетельствующие о тесном общении и сотрудничестве. Например, в автореферате А. Д. Авдеева¹ его диссертации «Происхождение театра» имеется такая надпись: «Моя благодарность прямо пропорциональна тем трудностям, которые пришлось преодолеть при рождении этого opus'a. Вы «виноваты» в этом рождении не менее самого автора!» Московский исследователь З. М. Бунятов обращается так: «Уважаемому Дмитрию Алексеевичу — грозному «властителю» Африки — от начинающего проникать в крошечные тайны Бунятова З. М.». Ардуэн Клод Даниель² в благодарственной надписи пишет, что он «выра-

¹ Авдеев, Арсений Дмитриевич — советский театровед, актер, научный сотрудник Института этнографии АН СССР; автор серии трудов о театре, масках [Театральная энциклопедия. Т. 6 / Глав. ред. П. А. Марков. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1136 стб. с илл., 8 л. илл.]

² Клод Даниель Ардуэн — уроженец Мали, учился на кафедре этнографии и антропологии истфака ЛГУ и защищался в ЛЧИАЭ РАН, позже руководил Национальным музеем Мали, работал в Дакаре, Франции;

жает искреннюю благодарность за большую заботу, за терпение, за доверие» и «хочет заверить, что весь труд и вся энергия, вложенные в его образование, как специалиста, не пропадут даром». В некоторые вложено приглашение на защиты, есть один отзыв о самой работе. Многие авторефераты — с пометками, выделенными частями, а в автореферате кандидатской диссертации Минабе Диарра¹ пометки сделаны на французском языке. Такое количество авторефератов свидетельствует о большом влиянии Д. А. Ольдерогге в африканистической среде в течение всей его работы, о его внимании к научной среде даже в последние годы его жизни, о теплых взаимоотношениях с учениками и коллегами (некоторые рефераты присланы посмертно уже И. А. Осницкой, например, автореферат докторской диссертации В. В. Бочарова с подписью «в память об учителе»). Среди авторов можно увидеть много имен, впоследствии ставших известными в науке: африканисты, востоковеды, историки, филологи, исследователи и авторы фундаментальных книг. Перечень авторефератов — в нижеследующем списке.

1. Абрамов В. В. «Внешняя политика Ганы (1957–1966)», кандидатская. М., 1966.
2. Абрамова С. Ю. «История работоторговли на верхне-гвинейском побережье во второй половине XVII–XVIII вв.», кандидатская. М., 1966.
3. Авдеев А. Д. «Происхождение театра (Элементы театрального искусства в первобытно-общинном строе)», кандидатская (выписка из протокола). Л., 1954.
4. Ардуэн К. Д. «Динамика социальных изменений у народов западного Мали (на примере города и округа Куликоро)», кандидатская (подпись, вложено приглашение). Л., 1978.

впоследствии заведовал отделом африканского искусства в Британском Музее в Лондоне [Mamadou Diawara, «Nécrologie», *Cahiers d'études africaines*, 204; 2011, 735–737]

¹ Минабе Диарра — первый преподаватель-носитель языка бамана (бамбара) на кафедре африканистики ЛГУ, впоследствии сделал в Мали политическую карьеру, был избран в Сенат [Etudier a l'Est. *Experiences de diplomes africains*. Paris, 2015. P. 276–287]

5. Арсеньев В. Р. «Социальные аспекты традиционной хозяйственной деятельности бамбара (Республика Мали)», кандидатская (подпись). Л., 1986.

6. Арутюнов С. А. «Процессы закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре», докторская. М., 1970.

7. Аппиа Ч. «Некоторые аспекты материальной культуры, социальной организации и обычного права акан (Гана)», кандидатская (надпись). Л., 1971.

8. Балезин А. С. «Колониализм и традиционные институты в Уганде 1918–1939 (место традиционных властей в колониальном обществе)», кандидатская (подпись). М., 1979.

9. Беляев С. А. «Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты)», кандидатская. Воронеж, 1970.

10. Богословский В. В. «Политическая стратегия США в Африке», кандидатская. М., 1967.

11. Богословский Е. С. «Древнеегипетские мастера (по материалам из Дер-эль-Медина) (монография)», докторская (надпись, пометки на обложке). Л., 1985.

12. Большаков А. О. «Роль изображений в мировоззрении египтян эпохи Старого царства (по материалам гробниц основных некрополей Египта III тыс. до н. э.)», кандидатская. Ленинград, 1985.

13. Бочаров В. В. «Трансформация традиционной власти и управления в колониальных обществах Восточной Африки», кандидатская (надпись). Л., 1983.

14. Бочаров В. В. «Власть. Традиции. Управление (Опыт этно-исторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки)», докторская (надпись к И. А. Осницкой). СПб., 1993.

15. Брагинский М. И. «Формирование африканского пролетариата (конец XIX в. — 60-е гг. XX в.)», докторская. М., 1973.

16. Буниятов З. М. «Итальянский империализм в Африке», кандидатская (вложена записка и приглашение). М., 1954.

17. Вельгус В. А. «Раннесредневековые китайские известия об Африке и проблема культурных связей в бассейне индийского океана», кандидатская (надпись). Л., 1966.

18. Вологодина В. Н. «Народ эве (историко-этнографический очерк)», кандидатская. Л., 1953.

19. Высоцкая Н. И. «Панафриканизм: теория и практика», кандидатская. М., 1969.
20. Гиренко Н. М. «Традиционная социальная организация ньям-вези (основные тенденции развития в доколониальный период)», кандидатская (надпись). Л., 1975.
21. Гитлиц С. А. «Особенности экономического развития колониальных стран в эпоху империализма на примере бельгийского Конго», кандидатская.
22. Годинер Э. С. «Возникновение и эволюция государства в Буганде (XIII — середина XIX в.)», кандидатская. М., 1976.
23. Голдобин А. М. «Английские колонизаторы в Египте и мартовское восстание 1919 года», кандидатская (надпись). Л., 1953.
24. Грунтфест Я. Б. «Глагол в южноарабском языке», кандидатская. Ленинград, 1966.
25. Давидсон А. Б. «Формирование сил национального и социального протеста в Южной Африке (1970–1924)», докторская (пометки на последнем развороте). М., 1971.
26. Дау эль-Бейт Ахмед. «Этническая и социально-политическая история народов восточной Сахары (на примере 1 Дарфурского султаната XVII–XIX вв.)», кандидатская. М., 1982.
27. Диарра М. «Народы Мали. Этно-лингвистический очерк», кандидатская (подпись, пометки на французском). Л., 1972.
28. Зейверт В.-Д. «Кочевники Западной Сахары в процессе этнической консолидации (анализ социальной и этнической структур в конце XIX — начале XX в.)», кандидатская. М., 1977.
29. Зотова Ю. Н. «Английская колониальная экспансия в дельте Нигера во второй половине XIX в.)», кандидатская. М., 1968.
30. Илиева Э. В. «Нгуги ва Тхионго и становление критического реализма в литературе Кении», кандидатская. М., 1986.
31. Иорданский В. Б. «Гвинея на пути к независимости (1945–1958 гг.)», кандидатская (вложено приглашение). М., 1967.
32. Исмагилова Р. Н. «Народы Кении в условиях колониального режима», кандидатская (вложена телеграмма и приглашение). М., 1955.
33. Исмагилова Р. Н. «Этнические проблемы современной Тропической Африки», докторская (подпись, бумажки с пометками). М. 1971.

34. Калиновская К. П. «Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции», кандидатская. Л., 1972.

35. Кацнельсон И. С. «Напата и Мероэ — древние царства Судана (VIII в. до н. э. — IV в. н. э.)», докторская (подпись). М., 1968.

36. Малесо А. «Колониальная политика Бельгии в Конго и ее крах в 1959—1960 гг.», кандидатская. М., 1971.

37. Райт М. В. «Русские экспедиции в Эфиопии в XIX — нач. XX вв. и их этнографические исследования», кандидатская. М., 1950.

38. Саватеев А. Д. «Социальная политика Гвинейской народной революционной республики», кандидатская (надпись). М., 1962.

39. Сануси А. А. «Исторический опыт разрешения национального вопроса в СССР и его значение для развивающихся стран Африки», кандидатская. М., 1972.

40. Следзевский И. М. «Современные хауса Северной Нигерии. Общественно-политический строй», кандидатская (вложено приглашение). М., 1966.

41. Смирнов С. Р. «Проблемы истории Судана (1821—1965)», докторская (вложено приглашение и отзыв). М., 1966.

42. Собченко А. И. «Этнические процессы в Конго (Леопольдвиль) в XX в.». М., 1964.

43. Сова Л. З. «Классы глаголов в языке зулу», кандидатская. Л., 1965.

В архиве представлена и корреспонденция. Письма Д. А. Ольдерогге признаются памятниками эпистолярного жанра всеми, кто их от него получал. Ю. К. Поплинский пишет: «Эпистолярное наследие Д. А. Ольдерогге чрезвычайно обширно, хотя пока еще не собрано. Собрать его воедино было бы очень важно не только для воссоздания личной судьбы выдающегося ученого и замечательной крупной личности, но и потому, что письма Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (ДАО) разным лицам (коллегам и ученикам, близким, друзьям, знакомым — людям разных профессий, социального статуса и возраста) сами по себе являются удивительно увлекательным и интересным источником, позволяющим реконструировать и очень конкретно представить облик типичного (при всей неоспоримой уникальной личностной неповторимости автора писем) русского интеллигента, бывшего участником и свидетелем столь протяженного (родился

ДАО в 1903 году) и бурного исторического периода» (Поплинский 2002: 76). Многие из его писем либо уже опубликованы, либо хранятся у адресатов и их потомков в безвестности, и, к сожалению, в нашем архиве писем совсем мало. Кроме писем редакторам, приложенным к статьям, здесь есть переписка В. К. Куприяновой¹ по поводу документов Минабе Диарра (он не мог получить свой диплом), переписка с И. И. Потехиным по поводу переводов книги Хинтце² (папка 24)

Отдельного внимания заслуживает большое письмо Л. Е. Куббея из Гвинеи от 06.04.1961 где он приводит отчет о том, что ему удалось сделать на благо африканистики. Он пишет о сборе лингвистических и этнографических материалов, о трудностях полевой работы. Особо можно выделить этот абзац: «Наконец, последний пункт моего отчета, самый, пожалуй для меня страшный. 2 и 3 апреля я был в Канкане³. Там есть старый резчик (он, кажется, один на весь Канкан), и у него я купил семь голов из слоновой кости. Так, кажется, и вижу Вашу саркастическую усмешку. Я знаю, Дмитрий Алексеевич, что это «ширпотреб», а не уникальный этнографический материал. Но, во-первых, даже такой «ширпотреб» в какой-то мере отражает художественную традицию. И к тому же Канкан — не ходовое туристическое место, так что эта традиция должна была сохраниться в более чистом виде. Во-вторых, эти головы представляют жизнь пяти народов: малинке (их три), бамбара, фула, тукулёров⁴ и куранко⁵, с очень четким разграничением типов. В-третьих, сколько я помню, у нас в МАЭ вовсе нет изделий современного кустарного промысла Западной Африки — а здесь уж никто не может отрицать, что это именно кустарное изделие, причем современное. И наконец,

¹ Куприянова, Виолетта Кирилловна — жительница Ленинграда, врач, супруга Мамаду Согоба (выпускник ЛЭИС, выпускника Института имени Бонч-Бруевича и впоследствии заместитель руководителя Малийского Телевидения), впоследствии переехала в г. Бамако.

² Урзула Хинтце — автор труда «Древнейшее наследие Африки».

³ Канкан — город на востоке Гвинеи.

⁴ Тукулёр — народ в Сенегале, Мавритании, Мали и Гвинее

⁵ Куранко — народ в Сьерра-Леоне и в Гвинее

в-четвертых, эти головы просто красивы и очень хорошо исполнены. Вот по совокупности всех этих соображений и решился себя выставить на всеобщее осмеяние». Видимо, «туристический ширпотреб» был частой темой для дискуссий, и, возможно, они возымели на Дмитрия Алексеевича свое действие, поскольку в письме В. Р. Арсеньеву в Бамако от 23.04.1972 он пишет, что «поделки для туристов — тоже этнография» и просит по возможности собирать их тоже (Ольдерогге 2002: 170)

Как было сказано выше, внимания заслуживает и сама бумага, на которой Д. А. Ольдерогге вел свои записи. Как правило это обычные тетрадные листы, блокноты, миллиметровая, альбомная бумага; но также встречаются и интересные листы. Например, многие из выкладок чадо-хамитских систем родства (папка 4) написаны на частях плана электросети в дворцово-парковом ансамбле «Александрия», а одна из них (Kilba, папка 4) — на оборотной стороне рукописного секретарского обращения Академии Художеств 1897 года о назначении заседания Комиссии для рассмотрения проектов реставрации древних церквей. Многие старые бумаги — архивные карточки, документы, буклеты и др. — использованы как черновики; благодаря этому мы открываем для себя новые подробности научного быта того времени, а также можем увидеть образцы различных типовых бланков и документов дореволюционного периода. Также в этом собрании нашлись сами по себе не важные, но привлекающие внимание вещи личного характера. Одна из них — список дел, составленный Дмитрием Алексеевичем (папка 22); в нем нет разделения на дела личные и научные, так как в этом списке соседствуют пункты «взять из дома кипятильник» и большое описание вопроса собственности в доисламской Аравии. Другая вещь — тоже список, озаглавленный: «На что мне будут нужны деньги». Список краток, в нем всего три пункта: «1. Подписка — Вечер Лен-д + Программа Р. и TV 2. Вино 3. Жизнь».

Интересна подборка обнаруженных среди документов книг, журналов и оттисков статей, перечень которых приведен в ниже-следующем списке.

1. Nachrichten/Newsletter (Lanhrang 6. Nr. 2, März 1982).
2. Nachrichten/Newsletter (Jahrgang 6, NR. 1, Januar 1982).
3. Blanchard G. «L'examen des écritures, l'œil et la machine», par Colette Sirat. In: Communication et langages, n°53, 3ème trimestre 1982. P. 125–126.
4. Communications from the Basel Africa Bibliography: “Akyem Abuakwa and the Politics of the Inter-war Period in Ghana”, Robert Addo-Fening, 1975.
5. Wolf J. A Contribution to the Problem of the Origin of Human Society in Africa. Prague, с. 151–154.
6. Report of the Administrative Director, April 1963-March 1964. Africa: Journal of the International African Institute, vol. 34, no. 3, 1964, pp. 262–68.
7. Boccassino R. L'ordalia degli acioli dell'Uganda: 1. L'ordalia per scoprire chi ha ucciso una persona durante un ballo. 2. L'ordalia per scoprire chi pratica la stregoneria (lajok) e l'uccisione del colpevole. Atti del I Congresso di Scienze Antropologiche, Etnologiche e di Folklore, Torino, 19–23 settembre 1961.
8. Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg, mars 1964; “L'âge du fer dans l'Afrique de centre-est : esquisse d'une synthèse” Basil Davidson.
9. Humanités: Économie, Ethnologie, Sociologie (с пометками!).
10. Hakansson T. Art and dance, sex in primitive // Ed. A. Ellis, A. Abarbanel. The Encyclopaedia of Sexual Behaviour, Butterworth-Heinemann, 1961. P. 154–160 (с надписью отправления).
11. L'Institut International Africain.
12. Étude de droit contemporain (nouvelle série) Extrait (Congre international de droit compare Bruxelles 1958) (обложка); Jean Poirier “Le problème de la rédaction des droits coutumiers d'Afrique Noire”.
13. Genus organo del Comitato Italiano per lo Studio dei Problemi della popolazione e della Societa Italiana di Genetica ed Eugenia edito sotto il patrocinio del Consiglio Nazionale Delle Ricerche. Estratto da “GENUS”, Vol. XX. N. 1–4 — 1964 (обложка); “Le varie forme della schiavitù in uso tra gli Acioli dell'Uganda e la condizione dello schiavo” Renato Boccassino.
14. «La vendetta del iacen e la sua espulsione secondo gli Acioli dell'Uganda” Di Renato Boccassino.
15. Ohly R. Abstract Nouns within the System of Noun Class 14 in Swahili. Rocznik Orientalistyczny XXIX, 2; Warszawa 1965.

16. Ohly R. Patterns of new-coined abstracts terms (nominal forms) in modern Swahili language. *AFRICANA Bulletin* No. 2, 1965.

17. Monteil V. Les manuscrits historiques arabo-africains (Bilan provisoire). *Bulletin de l'I. F. A. N. T. XXVII, ser. B, n 3—4*, 1965.

18. Monteil Ch. Notes sur le Tarikh es-Soudan. *Bulletin de l'I. F. A. N. T. XXVII, ser. B, n 3—4*, 1965 (с надписью отправителя).

19. Тезисы VII Международной Конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 3—10 августа 1964: Levi L. Sur les semiotiques et populaires de la rime occidentale; Dobrowolski K. Studies on the Theory of cultural disharmony; Dunn S. P. Some problems of directed culture change; Hubschmid J. Sprachliche Adstrate, Substrate, Superstrate und ethnographische Problem; Якобсон Р. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии.

20. “Hamburger völkerkundliche Forschungen in Afrika” von Kunz Dittmer (under Mitarbeit von Ute Schwarz); Sonderdruck aus den Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg Band 56 (с карточкой автора).

21. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма; Всесоюзный Институт научной и технической информации АН СССР, Институт этнографии АН СССР, Москва 1964.

22. Monteil V. Un visionnaire musulman sénégalais (1946—1965) // extrait des Archives de sociologie des Religions N. 19. 1965.

23. *Bulletin de l'École française d'extrême-orient*. Extrait du tome LII; École française d'extrême-orient, Paris, 1964 (обложка); “Contribution a l'étude des structures sociales des cham du Viet-Nam” P.-B. Lafont.

24. Бабинцева Н. С. Кризис мирового капитализма // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда и Северо-Западного экономического района, Политическая экономия. Вып. VI, 1963.

25. Zvláštní otisk z časopisu “Slovo a slovesnost” číslo 1, Ročník XXV — 1964 (обложка); Lingvistická charakteristika semitského kořene ve svelte nových metod” Karel Petráček.

26. The family estate in Africa. Studies in the Role of Property in Family Structure and Lineage Continuity by Robert F. Gray and P. H Gulliver (обложка); Igor Kopytoff “Family and Lineage among the Suku of the Congo”.

27. Die innere Flexion in den semitischen sprachen V. Entstehung und Entwicklung des Systems. Karel Petracek, Praha. *ArOr* 32, 1964.

28. Дмитриевский Ю. Д. Вопросы географии Судана. Известия Всесоюзного географического общества. Т. 96. 1964 (обложка).
29. Дмитриевский Ю. Д. Африка. Известия всесоюзного географического общества. Т. 96. 1964 (обложка). Энциклопедический справочник. Т. 1.
30. “Die Sakralisierung der Häuptlinge und die Entwicklung des Gotterpantheons in Zentralafrika” von Horst Stober (Berlin).
31. Ohly R. Religie “Afryki Czarnej.
32. Ohly R. Kulturotwórczą rolą języka suahili w Afryce Wschodniej // Nadbitka autorska Przegląd Orientalistyczny. Nr 2 (50) 1964.
33. “Towards the Reconstruction of Ryukyuan Cosmology” Toichi Mabuchi; The Keio Institute of Cultural and Linguistic Studies, Keio Universitu, Tokyo, 1968.
34. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11–13 апреля 1967 г.).
35. Смирнов Р. Сущность косвенного управления (на примере Судана). XXVI Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР. М., 1963..
36. Охотина Н. В. Морфемная структура глагола в языке суахили XXVI Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР (надпись).
37. Etnología y folklore. Academia de ciencias de Cuba, Núm.2 año 1966.
38. Z ludowej literatury suahili (ze suahili przełożył Rajmund Ohly) Nadbitka autorska Przegląd Orientalistyczny, Nr 2 (50), 1964.
39. Phonetik, Phonologie und Morphologie der berti- (siga) sprache in dar fur (Sudan) K. Petracek, Praha, Czechoslovak Academy of sciences, Praha (Offprint from ArOr 33, 1965).
40. Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 72, М.; Л.: Государственное Социально-экономическое издательство 1934 г..
41. Ethnographisch-Archaeologische Forschungen 3, Teil 2, herausgegeben von H. Kothe und K.-H. Otto, 1956 Veb Deutscher Verlag der Wissenschaften Berlin.
42. Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological and Ethnological Research. No. 17, 1975, International Union of Anthropological and Ethnological Sciences.

43. Africa. A catalogue of books. No. XXVIII, 1936.
44. “Etnología y folklore” Núm.1 año 1966, Academia de ciencias de Cuba.
45. “Journal of African Languages” editor Irvine Richardson. Volume 5, Part 1–3, 1966.
46. Enrico Cerulli “Somalia. Scritti vari editi ed inediti. III.” 1964.
47. Théophile Obenga “Cheikh Anta Diop et les autres”, Présence Africaine.
48. Чернова Г. Творчество народных мастеров Африки // Изобразительное искусство за рубежом. № 5, май 1963 г. (подпись).
49. Федорова И. К. К вопросу о характере языка текстов острова Пасхи // Советская этнография. № 2. М., 1963 (подпись).
50. Фихман В. С. Материалы к изучению глагола в языке хауса (к вопросу о глагольных окончаниях и их функция) // Африканский этнографический сборник. Л., 1963 (подпись).
51. Sociolinguistics Newsletter volume 5 munber 1, June, 1975.
52. Noel V. Lateef “A techno-environmental analysis of Zarma cultural organization”, Bulletin de l’I. F. A. N. T. 37, ser. B, n.2, 1975.
53. “De första grunderna I Swahili” av Elisabeth Bernander, “Nordiska Afrikainstitutet vid Uppsala Universitet” (подпись), (от руки) Б. Лемешко, Elisabeth Bernander “De första grunderna I Swahili”.
54. Greenberg J. H. The Afro-Asiatic (Hamito-Semitic) Present // Journal of the American Oriental Society. Vol. 72. Number 1, Jan.-March, 1952.
55. Katznelson I. S. Kambesweden et Khababash // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde, 1966 (подпись).
56. Dammann E. Stimmlose nasale im kwangali // Afrika und Uebersee, Band XLI.
57. Damman E. Die Sogenannten kausativ auf –eka in Bantusprachen. Afrika und Uebersee, Band XLII.
58. Жуков А. А. Вопросы бантуистики на страницах нового лингвистического ежегодника английских африканистов // Народы Азии и Африки. М., 1964.
59. Tubiana J. A propos d’un dictionnaire mbay-français. J. Soc. Afr. 32, 2, 1962.
60. Bouquiaux L. Les instruments de musique Birom (Nigeria Septentrional). Africa-Tervuren, VIII, 1962.

61. Greenberg J. H. Internal a-Plurals in afroasiatic (hamito-semitic). *Afrikanistische Studien*, 1955.
62. Harald v. Sicard. Das Ei im Märchen der Karanga. Vol. 51, 1956.
63. Толмачева М. А. К происхождению термина «зиндж».
64. Лющенко А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи // *Известия Академии Наук СССР*. 1926.
65. Mikkola J. J. Die Chronologie der Türkischen Donaublichen // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne XXX*, Helsingfor, 1914 (подпись).
66. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы»
67. Обследование состояния сохранности мечети Анау // *Туркменский Научно-Исследовательский институт*. 1926.
68. Мошков В. А. Скифы и их соплеменники фракийцы. Следы этих народов в наше время // *Варшава*, 1896.
69. Макушев В. О славянах молизского графства в Южной Италии.
70. Лященко А. Летописное сказание о мести Ольги древлянам (по поводу статьи проф. Брюкнера).
71. Соколов И. Новый русский труд по истории Византии.
72. Соболевский А. И. Третье» русское племя // *Доклады Академии Наук СССР*. 1929. (вкладыш с карточкой).
73. Djibril Tamsir Niane. Recherchés sur L'Empire du Mali au Moyen Âge. // *Institut national de recherches et de documentation Conakry*, 1962, N. 2.
74. Harald de Sicard. Relações culturais pré-históricas entre Portugal e a África. 1964 (подпись).
75. Конференция по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. (тезисы).
76. Roscoe. The Northern Bantu. Camb. 1915; Багезу, вызывание дождя.

Разное:

1. Файл с перепиской о М. Диарра.
2. Оттиск выступления «Ученого Совета Института Этнографии 13.10.1967» в зале Хорезма.
3. Вступительное слово и программа конференции «Актуальные проблемы развития языков и литератур Африки» 27.10.1975 и записи Д. А. Ольдерогге с нее.

4. А. «Гляденовское костыще», 1901 г.
5. Смирнов Я. И. «Отзыв об исследовании О. И. Шмидта Кархиэ-Джами».
6. Спицын «Скифы и Гальштатт».
7. Итоги по сектору Африки за 1972 г.
8. Милявская С. Л. «Библиотека для чтения» как один из источников знакомства с историей Африки в России».
9. «Речь профессора Д. Я. Самоквасова 5 августа 1908 г. в торжественном юбилейном заседании XIV археологического съезда».
10. Отчет об участии в работах 6 международного конгресса антропологических и этнологических наук, Париж, 30.06–07.1960.
11. Об издании серии книг «Исследования по фольклору и мифологии народов Востока».
12. Замечания на работу И. И. Потехина, март 1954 г.
13. «Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин» (оттиск).
14. Отзыв о сборнике, подготовленном этнографическим отделением Русского Географического общества (в редакционный совет РГО).
15. Список научных трудов.
16. Конверт с негативами фотографий с мероприятия (неизвестного).

Изобразительные материалы и рисунки

Из всего собрания документов особо выделяются две папки, в которые сложены материалы Ольдерогге из музейных стажировок — фотографии, рисунки, вырезки, фроттажи (см. иллюстрации в *Приложении 2*). Особое внимание привлекают рисунки — Дмитрий Алексеевич обладал явным даром, в зарисовках виден свой стиль и твердая рука. Стоит сказать, что некоторые рисунки, не входящие в данное собрание, были выборочно опубликованы в различных памятных изданиях, как например в «Манифестации». В. Р. Арсеньев в своем комментарии отмечал, что эти рисунки «по-своему одухотворены и трепетны» (Арсеньев 2003б: 250).

Рисовал Ольдерогге на плотной бумаге или на кальке сначала карандашом, потом — чернилами. Практически каждый рисунок

снабжен подписью — этническая группа, которой принадлежит предмет, номер экспоната, его название, музей (все вместе или в разных комбинациях). Иногда рисунки большие и выполнены на целом листе А4 или А5, иногда на таком листе располагаются несколько рисунков, иногда рисунки, как и выписки научных источников, выполнены на небольших аккуратных кусочках бумаги. Фроттажи сделаны на листах кальки, по размеру соответствующих размеров предметов (рис. 1).

Все рисунки можно сгруппировать по признаку изображенных предметов или народов, которым эти предметы принадлежат. Как отдельную группу можно выделить изображения мотыг (рис. 2 и 3). Д. А. Ольдерогге мотыгами интересовался особо, собирал их в своих поездках в Африку, написал о них отдельную статью. В своих воспоминаниях о поездке 1927–1928 гг. в Европу он пишет: «В Бельгии я прожил в деревне у Брюсселя в Тервьюерене (так, в старой орфографии, в современной орфографии — «Тервьюрен». — *прим. авт.*) и работал иной раз без ограничений по 10 часов в сутки в Музее. Заведующим фондами и директором был Dr. Maes (Маас). Когда кончался срок, он мне сказал, что Министерство колоний продлит мне срок пребывания на любое время, сколько захочу. Я работал в фондах один, зарисовывал и привез с собой множество материалов (отданных мною в Музей потом). Среди них по просьбе Вауманн'а — зарисовки неопубликованных типов мотыг и метательных ножей-«денег» для брачного выкупа. Мотыги я нашел исключительно редкие и зарисовки отдал Вауманн'у, который опубликовал их в каком-то издании в 1942 г. (!!) — со ссылкой на меня» (Ольдерогге 2002: 187–188). В ходе экспедиции в Мали он также собрал собственную коллекцию мотыг, которые вошли в коллекцию 6541 МАЭ РАН (Опись коллекции № 6541 МАЭ, 1964), и опубликовал о них статью (Ольдерогге 1966: 3–10).

Другие группы рисунков — зарисовки оружия, масок и скульптур. Есть отдельное собрание рисунков разных типов корзин с комментариями (рис. 4 и 5); они выполнены на совсем маленьких

бумажных отрезках, на каждом листочке — отдельный вид корзины, большинство — с подписью (народ, локализация), иногда с комментарием. Можно заметить, как тщательно прорисовано плетение корзин. Собственно плетению (рис. 6), а также различным орнаментам, например, узорам на стенах домов и дверях (рис. 7), посвящены и другие отдельные рисунки.

Есть множество изображений резных фигур и масок. Некоторые предметы срисованы непосредственно с предметов или фотографий, но большинство обведены по контуру со страниц иллюстрированных научных изданий либо каталогов (рис. 8, 9, 10, 11, 12). Помимо зарисовок предметов, в папке есть несколько зарисовок и фотографий планировки залов Королевского музея Центральной Африки в Тервюрене (Бельгия)

Фотографии также весьма разнообразны. Здесь присутствуют изображения предметов из разных музеев и частных коллекций, вырезки из журналов и каталогов. Многие из них снабжены описанием разной степени детализации — иногда самим Ольдерогге, иногда издателями/фотографами. При этом очевидно, что это не просто дань желанию собрать как можно больше информации об Африке — некоторые вырезки подписаны вопросами, из которых видно, что Ольдерогге хочет разобраться, к какой культуре или региону принадлежит предмет. Например, в папке 8 есть страница из книги В. Маркова (Матвея) «Искусство негров» с изображением фигуры предка; рядом с одной из них есть замечание Дмитрия Алексеевича о бороде (рис. 13). В числе вырезок из каталогов музеев также есть экземпляры, подписанные вопросами — «из какой страны?», «какой культуре принадлежит?» (рис. 14, 15).

Зарисовки и фотографии в большинстве своем находятся только в папках 8 и 9, однако изредка встречаются и в других. Например, в папке 22 можно найти рисунки кроватей в Западном Судане. Один рисунок вообще лежит отдельно, это изображение статуэтки, подписанное как «Фигура ако, выполненная мастером Симоном Арийо, Ово».

Заключение

По итогам работы с собранием документов Д. А. Ольдерогге в МАЭ РАН можно сказать, что этот архив имеет определенную ценность при анализе личности Дмитрия Алексеевича и его вклада в становление и развитие науки африканистики. Были обнаружены некоторые любопытные документы, как например письмо Л. Е. Куббеля из Гвинеи или переписка по поводу документов преподавателя языка бамана на кафедре африканистики Восточного факультета ЛГУ и одновременно аспиранта ЛЧ ИАЭ РАН М. Диарра, которые показывают трепетное отношение «Учителя» к своим коллегам и студентам, к их работе. Имеющиеся черновики, оттиски статей, периодика и экземпляры книг иллюстрируют широту кругозора Ольдерогге и его научных интересов. Об этом говорит даже одна фраза, которая для него была, видимо, письменным маркером: «Это не нужно для работы, но нужно оставить».

Список источников и литературы

1. МАЭ РАН. Описание коллекции № 6541.
2. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 N 1185-ст)// legalacts.ru. [Электронный ресурс]. URL ([https://legalacts-ru.turbopages.org/turbo/legalacts.ru/s/doc/gost-r-708–2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii](https://legalacts-ru.turbopages.org/turbo/legalacts.ru/s/doc/gost-r-708-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii)) (дата обращения: 27.05.2022).
3. Федеральный закон от 22.10.2004 N 125-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об архивном деле в Российской Федерации»//docs.cntd.ru. [Электронный ресурс]. URL (<https://docs.cntd.ru/document/901912288>) (дата обращения: 15.06.2022).
4. *Арсеньев В. Р.* ДАО любви к Африке: рассуждения эпигона // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003а. С. 58–82.

5. *Арсеньев В. Р.* Образы (от редактора) // «Манифестация»: учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2003б. № 5. С. 247–270.

6. *Вальская Б. А., Жуков А. А., Ягья В. С. Д. А.* Ольдерогге и Восточная комиссия Русского географического общества // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 66–75.

7. *Гиренко Н. М. Д. А.* Ольдерогге и научная школа ленинградской африканистики (субъективные заметки) // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 62–65.

8. *Горнунг М. Б.* Из переписки с Д. А. Ольдерогге в 1960–1980-х годах // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 83–140.

9. *Давидсон А. Б.* А жизни суть — стоит на мастерах // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: сб. статей. М.: Муравей, 2002. С. 31–44.

10. *Ольдерогге Д. А.* Земледельческие орудия Западного Судана (бамбара и сонгаи, Республика Мали) // ТИЭ. Новая серия. Т. 90. М.; Л., 1966. С. 3–10.

11. *Ольдерогге Д. А.* Документы, письма, воспоминания // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: сб. статей. М.: Муравей, 2002. С. 133–194.

12. *Ольдерогге Д. А.* Из писем Д. А. Ольдерогге Ю. Д. Дмитревскому // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 139–150.

13. *Поплинский Ю. К.* Лето в Хаапсалу. Один фрагмент из эпистолярия Д. А. Ольдерогге // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге: сб. статей. М.: Муравей, 2002. С. 76–85.

14. *Попов В. А.* Шеф отечественной африканистики // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 51–61.

15. *Фролова О. Б.* «Его слова были напутствием...» // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 27–28.

16. *Хорхордина Т. И., Попов А. В.* Архивная эвристика: учеб. 2-е изд., испр. и доп. — М.: РГГУ, 2015. 294 с.

17. *Шумовский Т. А.* Слово о давних встречах. Страницы из книги «Беседы с памятью» // Д. А. Ольдерогге в письмах и воспоминаниях. СПб., МАЭ РАН, 2003. С. 25–26.

Приложение 1. Списки содержимого архива

№	Название	Содержание
1	Выписки по истории культуры. Ранние годы	<ol style="list-style-type: none"> 1. “The role of tone in sukuma” I. Richardson (обзор) 2. Ольдерогге Д. А. «Рабовладение в Западном Судане», отчет о работе, 05.10.1934. 3. Выписки по темам: йоруба, рабство в Южной Нигерии, ритуалы смерти и воскресения в Южной Нигерии и др. 4. Ogowe — Fagi: выписки об ашанти, бушменах; наскальных росписях; археологических находках каменного века.
2	Классификация африканских языков (для себя)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Наброски классификации африканских языков для Г. П. Б., отзыв НЯЗа АН СССР, ответ на отзыв: письмо с просьбой об отзыве, собственно отзыв Охотиной Н. В., классификация африканских языков; ответ в отдел обработки и каталогов и еще несколько записей о классификации. 2. Африканские языки: 1) языки банту (написано для себя): «Языки банту» стр. 22–108 (отдельно сахарские языки); Earl W. Stewick «The teaching of african languages in the USA since 1961» (обзор).
3	Agriculture	<ol style="list-style-type: none"> 1. Неоконченные разделы: записи о фолио (злак). 2. Harlan J. R. Agricultural Origins: Centers and Noncenters: оттиск, статьи; конспект его статьи о растительных культурах; выписки источников. 3. Frederic L. Pryor “The Invention of the Plow”// Comparative Studies in Society and History, vol. 27 № 4 october, 1985 (оттиск). 4. Indo-European ‘Gerste, orge, barley’ (оттиск). 5. Конверт «Бахарева, Софья Никифоровна. Диссертация на степень доктора. Возделываемые растения и их дикие сородичи Зап. И Центр. Африки и перспективы их использования в СССР»: рисунки карт и контуры ареалов распространения видов растений с подписями.

№	Название	Содержание
3	Agriculture	<p>6. 1) Северная Африка. Умеренный климат: записи и выписки о с/х видах растений; 2) Исконно африканские растения Тропической Африки; 3) Растения тропического пояса возможно азиатского происхождения; 4) Растения, привезенные из Америки.</p> <p>7. Matériel osseux des gisements néolithiques de la valée du tilemsi//Notes Africaines № 84 octobre 1959 (оттиск).</p> <p>8. Basse W. Andah “Prehistoric reconnaissance of parts of North Central Upper/Volta: its bearing on agricultural beginnings”.</p> <p>9. Автореферат С. Н. Бахаревой «Возделываемые растения и их дикие сородичи в Западной и Центральной Африке и перспективы их использования в СССР», докторская; Л., 1983.</p> <p>10. Автореферат В. А. Шнирельмана «Происхождение скотоводства», кандидатская; М., 1976.</p> <p>11. Скотницы М. «Некоторые проблемы эволюции африканского тропического земледелия» (оттиск).</p> <p>12. Mariel J. Brunhes Delamarre (оттиск).</p> <p>13. Гарлейк П. С. Предыстория и идеология в Зимбабве (возможно — рецензия, оттиск).</p> <p>14. Hirschmann D., Vaughan M. Food Production and Income Generation in a Matrilineal Society: Rural Women in Zomba, Malawi (оттиск).</p> <p>15. Тарди К. «Королевство Бамум» (оттиск конспекта/рецензии Э. С. Львовой).</p> <p>16. Oriji J. N. A study of the structure of the Ngwa-Igbo society of Southeastern Nigeria (оттиск).</p> <p>Оттиски и конспекты других статей, выписки.</p>
4	Африка. Центральный и Восточный Судан, чадо-хамитские и др. группы языков	<p>1. X “Chado-Hamitic Languages”: “Hausa-wa” (схемы терминов родства по Гринбергу и по Тэйлору; выписки слов (abokin wasa), выписки о терминах родства из Vieillard, выписки о сельском хозяйстве из Quy. Nicolas), “Bolewa (of Fika)” (схемы терминов родства), “Gamawa</p>

№	Название	Содержание
4	Африка. Центральный и Восточный Судан, чадско-хамитские и др. группы языков	<p>(Ngamo)” (схемы терминов родства с пометкой «не окончено»), “Kare-Kare” (схема терминов родства), “Ngizim” (схемы терминов родства), “Kanakuru” (схема терминов родства, выписки).</p> <p>2. IX “The Chadic Languages”: “Margi” (схема терминов родства), “Kilba” (схемы терминов родства, выписки из Meek), “Muleng” (схемы терминов родства, выписки), “Baza” (схема терминов родства), “Gudu” (схемы терминов родства), “Nzangi” (схемы терминов родства), “Bachama” (схемы терминов родства), “Hici» (схемы терминов родства), “CheKe” (схема терминов родства), “Gabin” (схемы терминов родства), “Hona” (схемы и табличка терминов родства), выписка по Matakam.</p> <p>3. VII “Class-Languages”: “Katab”, “Kurama”, “Chawai”, “Piti”, “Kahugu”, “Gure”, “Yungur”, «Лонгуда» (выписки, схемы).</p> <p>4. VIII “Non-Class Languages”: “Mumuye” (“Mumuye”, “Yendang”, “Gola”), “We Gele & We Gam”, “Yukum”, “Ndoro”, “Mambila”, “chamba”, “Verre”.</p> <p>5. III «Бара Марги».</p> <p>6. Ia: Mangebetu, Medje.</p> <p>7. IV: Kanuri.</p> <p>8. II Котоко: Nuba.</p> <p>9. VII Nusgu: Nuba/Taladi, Eliri, Lafoka, Tumtum, Tiramandi.</p> <p>10. Nandi.</p> <p>11. Lango.</p> <p>12. Masai.</p> <p>13. Dorobo.</p> <p>14. Bari.</p> <p>15. Lendu.</p> <p>16. Acholi, Lotuko.</p> <p>17. A-Lur.</p> <p>18. Shilluk.</p>

№	Название	Содержание
4	Африка. Центральный и Восточный Судан, чадо-хамитские и др. группы языков	19. Dinka. 20. Nuer. 21. Ingassana. 22. Batua.
5	Крупные государства в западно-африканской саванне, с. 196	1. «Крупные государства в западно-африканской саванне» и дальнейшие главы, стр. 196–388, черновик.
6	Русское географическое Общество; системы счета	1. Извещение Президиума ГО СССР 13.01.1987; бумаги «Древние миграции населения и языковые общности в Африке» Д. А. Ольдерогге 26.03.1980; извещение об утверждении членом редколлегии 20.09.1979; благодарность за предоставление подлинника письма вдовы Милкухо-Маклая 7.05.1970 2. План заседаний отделений и комиссий ГО на ноябрь-декабрь 1970. 3. Циркуляр 26-го Международного Географического конгресса августа 1988; проект книги «Наука и искусство географии: спектр взглядов»; письмо И. Кацнельсона (упоминание сборника «Мерое» 1977; извещение от РГО. 4. Обращение в Президиум Географического общества от Председателя Восточной комиссии Географического Общества о представлении Д. А. Ольдерогге к медали Семенова-Тянь-Шанского. 5. Конверт от письма для И. А. Осницкой. 6. Записи о системах счета (выписка о А. Мансфельде), стр. 23–29. 7. 6 глава «Системы двадцатеричного счета» — то же, что и п.6 но стр. 1–32.
7	Предисловие к книге «Литература суахили», 50-е годы и раньше	1. Много записей про Utendi/Utenzi с выписками источников. 2. Тетрадь Swahili (terms) с выписками слов о поэзии, танце, музыке.

№	Название	Содержание
7	Предисловие к книге «Литература суахили», 50-е годы и раньше	3. Выписка истории о царе из «Рыбников, «Песни», т. 3, 1862, с. 230. 4. Выписка терминов/источников о театре. 5. Тетрадь с выписками о песнях, литературе. 6. Перевод utendi от Lambert H. E.. 7. «Литература суахили»: выписки терминов, песен, наблюдений из Werner A., Lyndon Harries, Hichens W.
8	Музейные зарисовки	Зарисовки и фотографии различных предметов, экспонатов (частично оцифрована).
9	Музей Congo Belg	Зарисовки и фотографии различных предметов, экспонатов (частично оцифрована).
10	Терминология	1. Songay: материалы и выписки по истории, соц. устройстве, хозяйстве. 2. Нормы наследования в матрилинейном о-ве, Agni, Cote-d'Ivoire. 3. Выписки по родству Bolia, Zaramo, Cewa, Yao, Nayag, Mchangkabau, Hopi, Wolof, Swahili, ba-Zanju. 4. Серия «Народы мира». Этнографические очерки под. ред. С. П. Толстова. Глава шестая. Индейцы северо-восточного и приозерного районов США (ирокезы и алгонкины) (выписки из статьи). 5. Сельская община, Деревенская община: выписки. 6. Листочек с выпиской ошибок. 7. Проблема материнского рода. 8. Билатеральный счет родства. 9. Формы рода. Проблема матриархата. 10. Выдержка статьи о гуренсе (народ). 11. «Гвинейская республика. Береговые народы»: выписки. 12. «Терминология»: выписки, статьи, «определение семьи», «Д. А. Ольдерогге Род и община» (доклад на заседание Восточной Комиссии Географического Общества

№	Название	Содержание
10	Терминология	<p>20.05.1970) с правками стр. 1–10, «Ю. И. Семенов, Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений. 1964 Москва» (автореферат), «групповой брак», «патриархальная семья в Судане, экономическое значение», «неточность терминологии», “Richard Thurnwald, Die Menschliche gesellschaft”, «большая семья=/= lineage =/= род», «клан =+-большая семья», «род-клан-патронимия 3.05.1968», «двойной односторонний счет родства», «неполный двойной односторонний счет родства», «Афикпо, Ю-В Нигерия», «тотемизм и запреты», «Ю. И. Семенов О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (кланово) организации»)» (текст), выписки про ашанти и др..</p> <p>13. «Экономика первобытной общины» выписки</p> <p>14. Выписки из «Люди риса».</p> <p>15. Яко выписки.</p> <p>16. «Народности группы бобо...» текст.</p> <p>17. L. Tauxier “Le Noir de Bondoukou” перевод?</p> <p>18. Материалы по куланго (выписки).</p> <p>19. Материалы по Nunuma.</p> <p>20. Материалы по моси.</p> <p>21. Материалы по таленсе, моро, дагари, догон и др.</p> <p>23. «Mande. Maninka, Vamana Diula»: всякое разное, Материалы по дьюла, Доклад 29.3.1962 П. Третьякова «преобразования в малийской деревне» с комментариями.</p> <p>24. Тезисы «Племя ка этнографическая категория» к научной конференции Института Этнографии 31.5–2.6.1947, записки от слушателей, текст доклада с примечаниями и приложение.</p>

№	Название	Содержание
11	XXIV Международный Конгресс Востоковедов. Мюнхен VII–IX 1957	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отчет Д. А. Ольдерогге об участии (письменный и печатный). 2. Записка о ходе конгресса (однообразность и скучность докладов, правда некоторые доклады вовсе не плохи). 3. Поездка Москва-Хельсинки 25.08 — 09.09.1957 — записи; также Мюнхен. 4. Отчет о поездке в Западную Германию (ФРГ) август-сентябрь 1957 г. 5. Постановление Президиума Академии наук об итогах участия советской делегации в конгрессе ориенталистов. 6. Olderogge D. A. Osman dan fodios aufstand und seine bedeutung. Vortag auf dem XXIV International Orientalistenkongress, Moskau 1957.
11	XXIV Международный Конгресс Востоковедов. Мюнхен VII–IX 1957	<ol style="list-style-type: none"> 7. Вырезка из газеты «Международный конгресс востоковедов в Мюнхене» «ЦО Правда» за 3 октября 1957. 8. Брошюра ЛОМАЛИТО — финский Союз организации отпусков.
12	—	<ol style="list-style-type: none"> 1. Письмо о статьях о культурах Нок и Ифе и сами статьи (для БСЭ 3-го издания). 2. Выписка о системе счета в языках гур. 3. Выписка (или черновик) о «гриква». 4. Выписка о «Митридат или всеобщее языковедение». 5. I экз.: сравнительная таблица числительных в языках гур. 6. II экз.: «Койсанский миф».
13	Кафедра 18-41-52 — раб. Осницкая	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поручения на 1957/1958 гг. по кафедре африканистики (по часам и курсам). 2. Опись литературы на кафедре по языкам к 1973 г. (тексты, словари, учебники, исследования). 3. Обращение Ольдерогге к И. П. Яковлевой со списком учебных пособий. 4. Темы научно-исследовательских работ на 1960 г.

№	Название	Содержание
13	Кафедра 18–41–52 — раб. Осницкая	<p>5. Дисциплины по специализациям (ист., эконом., геогр.).</p> <p>6. Рецензия на «Африканский этнографический сборник 1956 г» и ее перевод.</p> <p>7. Протокол о сотрудничестве между кафедрой африканистики Ленинградского университета и Семинаром африканских языков и культур Гамбургского университета на 1981–1985 гг.</p> <p>8. О лекциях профессора Л. Грехардта (гамбургский университет).</p> <p>9. Отчет о научно-исследовательской работе кафедры африканистики ЛГУ за 1958 г. и объяснительная записка.</p> <p>10. Распоряжение ректора от 27.09.1955 о научно-исследовательских работах.</p> <p>11. Выписка из протокола заседания Ученого Совета Восточного факультета о работах Яковлевой, Людковской, Мисюгина, Жукова; отчеты о работе Людковской, Яковлевой, Мисюгина.</p>
14	Термины родства	<p>1. Две иллюстрации вызова дождя.</p> <p>2. Выписки по: Sidama, Zaghawa, Dagu, Midob, Fur, Bari (РИСУНОК), Nuba (культы, ритуалы).</p> <p>3. Упоминание брака в пределах рода в Библии.</p> <p>4. Д. Ольдерогге «Род и община. Соотношение форм рода и типов общин», с. 1–12.</p> <p>5. Выписки к «Роду и общине»: литература, источники, «Проблема соотношения и структуры рода и типов общины», с. 1–4.</p> <p>6. Еще список источников.</p> <p>7. Выписки из Spiro, Murdock E. “Is the family universal?”</p> <p>8. стр. 20–23 (скорее всего — «Рода и общины»).</p> <p>9. стр. 4–8 (оттуда же).</p> <p>10. Схема родства Ekonde, Иинг, Гаро, Умуши, Мвуму, Мунваши, Мбумба; схемы матрилинейности и матри/патрилокальности.</p> <p>10. «социальная организация народа Ашанти».</p> <p>11. Род и домашняя община ил домохозяйство».</p>

№	Название	Содержание
14	Термины родства	<p>12. «Большая община и иерархия родовых структур».</p> <p>13. Газеты «За рубежом» 2–8 1966 и 24–30 1967, выписки: Самире Амине «Опыт развития трех африканских стран — Мали, Гвинеи и Ганы» (книга); «но без этого нельзя, по моему мнению, сделать без известной политической интеграции. Сохранять в современном мире наши микронации — это значит выставлять пуделя среди гигантских мамонтов и бронтозавров» в статье Жозефа Ки Зербо «Противоречивая современность».</p> <p>14. Схемы перекрещивания различных линий общ. развития у Сокала.</p> <p>15. Этн. Судана, «Большая патриархальная семья».</p> <p>16. Большая патриархальная семья догон.</p> <p>17. Описание и схемы по Бура.</p>
15	Дополнения и примечания к Зап. Судану	<p>1. Дополнения и примечания к «Западному Судану» (Mande Creation Myth, Salaga, другие выписки).</p> <p>2. Фульбе (выписки, теория происхождения фульбе, история фульбе).</p> <p>3. Выписки источников о манде, добыче соли и торговле.</p>
16	Ст. Григорьевой Т. Н. «50-летие писателя Мньямпалы (Танзания)»	<p>1. Оттиск статьи А. Л. Вассоевич «Загадка Амонрансонтера или примечание к третьему равилу Курта Зэте»// Вестник Древней истории 36. М., 1981.</p> <p>2. Текст статьи «50-летие писателя Мньямпалы» с фотографией.</p>
17	Язык хауса (систематический курс морфологии) начато: сентябрь 1952	<p>1. Генетивная связка N в языках хауса берберском и древнеегипетском.</p> <p>2. История изучения языка хауса.</p> <p>3. Положение языка хауса в срезе семито-хамитских языков (что-то наподобие словника, печатные статьи, сведения о других языках).</p> <p>4. Лексика (выписки, работа Б. З. Халидова по арабским заимствованиям в пушту).</p> <p>5. Verbum (система спряжений, другие языки).</p>

№	Название	Содержание
17	Язык хауса (систематический курс морфологии) начато: сентябрь 1952	6. Pluralis (способы образования множественного числа). 7. Participia/Adverdiva (образование прилагательных, participle passé). 8. Pronomen (личные местоимения, объектные, субъектные, притяжательные). 9. Nomen (словообразование, падежи, род). 10. Фонетика. 11. Genera Verbi. 12. Числительные. 13. Syntax.
18	«Положение языка хауса в семито-хамитской семье»	1. Текст «Положения языка хауса в семито-хамитской семье языков», 1953, стр. 1–36. 2. Второй экземпляр «Положения языка хауса в семито-хамитской семье».
19	Материалы — статья и заготовка «Происхождения языка хауса»	1. Доклады советской делегации на V международном конгрессе антропологов и этнографов. Д. А. Ольдерогге «Происхождение языка хауса» (с пометками и вкладышем). 2. Папка с выписками материалов о хауса. 3. Отдельные страницы с анализом языка. 4. Папка «Д. А. Ольдерогге, Положение языка хауса в семито-хамитской семье языков. 36 стр. 1952/1953»: рецензия Холодовича, рецензия Жданова, черновик статьи с правками. 19.04.1953. 5. «Образование глагольных форм. Производные формы — породы. Что такое города? Правильно ли удерживать название. Брокельман»: выписки и материалы по вопросам выше. 6. Выписки по числительным. 7. Выписка о берберях. 8. «Происхождение языка хауса. Тезис доклада» (с правками). 9. «Происхождение языка хауса. Тезисы доклада» и с. 2–14 (с пометками и вклейками). 10. «Следы именных классов в языке хауса. Именной класс людей» 6 стр.; отзыв от 11.10.1956.

№	Название	Содержание
19	Материалы — статья и заготовка «Происхождения языка хауса»	11. Аннотация к статье Д. А. Ольдерогге «Именной класс людей в языке хауса» (на русском и английском языках). 12. «Тезисы доклада «Следы именных классов в языке хауса. Именной класс людей ba-i// -wa.» 7.12.1955. 13. «Хауса, язык» и письмо Татьяне Владимировне. 01.10.1955. 14. Ещё больше выписок по языку и истории изучения, сравнение с арабским, древнеегипетским, берберским языками. 15. «Хауса в системе семито-хамитских языков» черновик с правками, с. 1—19; схема системы спряжения глагола в хауса. 16. Сравнительные таблицы спряжения глагола. 17. «Тезисы доклада «Положение языка хауса среди языков семито-хамитской семьи», с. 20—24. 07.01.1953.
20	Journal of the anthropological society of Oxford; Catalog of Africana	1. Journal of the anthropological society of Oxford; Catalog of Africana. 2. List of Periodical Articles, Issue No. 51., April-June, 1963. Institute of commonwealth studies, Oxford. 3. List of Periodical Articles, Issue No. 50., January-March, 1963. Institute of commonwealth studies, Oxford.
20	Journal of the anthropological society of Oxford; Catalog of Africana	4. Oxford University, Institute of commonwealth studies. Library accessions, October 1962 — March 1963. 5. List of Periodical Articles, Issue No. 49., October-December, 1962. Institute of commonwealth studies, Oxford. 6. Oxford University, Institute of commonwealth studies. Library accessions, April-June 1963. 7. Institute of commonwealth studies, Oxford. A list of the periodicals available in the library. February 1962 8. Catalogue of Africana. New Series No.1.

№	Название	Содержание
21	Персоналия. Биографии арабских авторов, писавших об Африке	1. Абу Джафар Мухаммед ибн Джарир ат-Табари. 2. Ат-Табари. 3. Мухаммед ибн Муса ап-Хорезми. 4. Сухраб ибн Серапион. 5. Биографии арабских авторов.
22	Новая история арабских стран. Конспекты работ: 1. «Сирия и Палестина под турецким правительством»; 2. George Haddad “Fifty years of modern Syria and Lebanon”; 3. Савельев «Восстание в Алеппо в 1850 г.»; 4. Луцкий В. Б. «Национальная революция 1925—1927 гг. в Сирии»; 5. Тихонов Н. «В Сирии и Ливане. Нов. Время.» №21. 1965 г.; 6. Вырезки из журнала «Східній Світ» 1930 г., № 4. 7.	1. Введение (отработано). 2. Управление наместников с целью выяснить взаимоотношения в среде арабов. 3. Об экономическом состоянии Северной Африки в VII веке во время арабского завоевания. 4. Хариджиты и мелкие государства. 5. Хариджиты: материалы о хариджитах, опись. Внутри: учение суффинов; хариджиты 6. Торговля Северной Африки с Суданом. 7. Материалы к последующим главам: к социальной организации; от главы «о кочевниках»; необходимость изучения средневековой истории Северной Африки; примечания к предисловию; к главе по географии; глава 3-я «Характер земледелия и его размещение»; глава 4-я; замечания которые были высказаны на обсуждении; миграции 1—35, факторы формирования народностей; обзор источников; этнические процессы; 6-я глава; оценка уровня об. развития в Аравии в VII в..
23	V Congrès des langues ouest africaines 5—10. IV.1965	1. “Études comparatives et historiques”: John T. Bendor-Samuel, W. A. A. Wilson, A Preliminary Glottochronology of Gur Languages. 2. Cinqueme Congrès des Langues Ouest Africaines.
24	Переводы труда Хинтце «Древнейшее население Африки»	Переписка с Хинтце через Потехина, переводы, экземпляры текста Хинтце.

25	Средние века. Конспект книг	<p>Конспекты книг:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Hitty Ph.K. History of the Arabs. 2. Якубовский А. Ю. Об испольных арендах в Ираке в VIII в. 3. Ирак на грани VIII—IX вв. 4. Бартольд В. В. Эпоха омейядов по новейшим исследованиям.
25	Средние века. Конспект книг	<ol style="list-style-type: none"> 5. Пигулевская Н. В. Общественные отношения в Неджране в начале VI в. н. э. 6. Голобарадько — Старая и новая Турция. 7. Савельев П. С. — «Аюбиды» в словаре Плюшара. 8. Григорьев В. В. — Алморавиды. 9. Хронологическая таблица. 10. Разные записи .
26	Chadic	<p>Abhandlungen und Vortrage: Beitrag zur Kenntnis der steinzeitlichen Korbflechtere, L. Pfeiffer// Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte/ Zeitschrift für Ethnologie, Berlin., Behrend & Co, 1910.</p>

Приложение 2. Иллюстрации

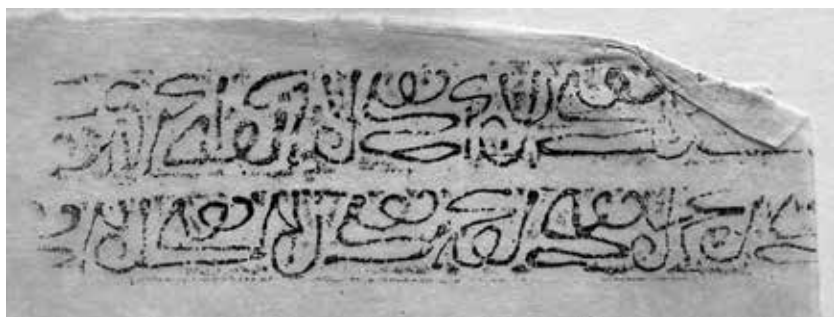

Рис. 1. Фроттаж гравировки на клинке

		von Baumann III.			9.
Наименование	a, b) Rossi		a	b	
Описание	a) Gurma (Schwede geilet).				
и	и, d) Tambora				
Назначение	c) Kabire.				
	e) 4 Lasso				
Материал	f) 4 Aume (1 mit Stiefeln, Ambrosia)				
Размеры	g) Fuhre (Muri)				
Форма	h) Benie				
Происхождение	i) 2. Dehamba (Wurfart) (Glauning)				
Примечание					
Литература					
Шкаф №		или Ветрана №	Регистровый №		

		von Baumann II.			9.
Наименование	Bija, Kibwa Kivanyi Klinge aufgelassen				
Описание	Hindland v. Lindi --- kind ---				
и					
Назначение					
Материал					
Размеры					
Форма					
Происхождение					
Примечание					
Литература					
Шкаф №		или Ветрана №	Регистровый №		

Рис. 2 и 3. Примеры карточек с описанием мотыг

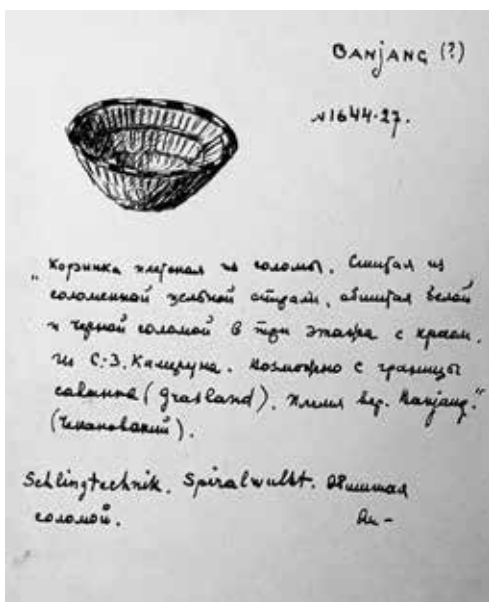

Рис. 4 и 5. Изображения корзин с комментариями

Рис. 6. Плетение корзины

Рис. 7. Изображение орнаментов (украшений) с комментариями

Рис. 8. Ритуальная фигура, народ чокве, ДРК

Рис. 9. Фигура танцора в маске, народ сенуфо, Кот-д'Ивуар

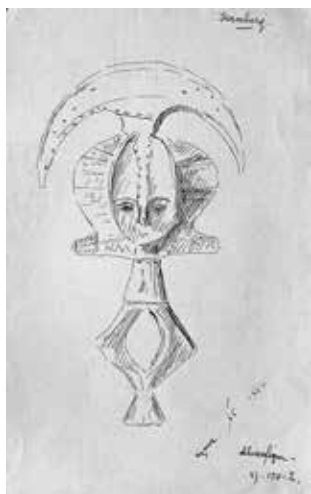
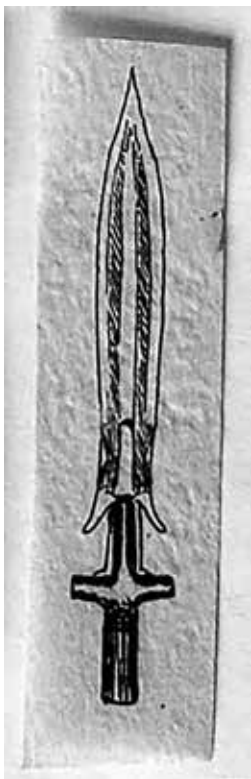

Рис. 10. Навершие реликвария, народ кота, Габон

Рис. 11. Резная дверь, народ басуто (сото), Южная Африка

*Рис. 12. Меч
(без подписи), ДРК (?)*

*Рис. 13. Страница
из «Искусства негров»
с пометками*

Рис. 14 и 15. Вырезка из музейного каталога с пометкой-вопросом о локализации

Dmitriy Alekseevich Olderogge Archive at the Department of African Ethnography, MAE RAS: An Experience of Description and Classification

Abstract: The article is dedicated to the description of the home archive of Dmitriy Alekseevich Olderogge in MAE RAS. It focuses on the classification, identification and systematization of the documents and papers represented and gives a review of sketches and drawings which are an important part of the archive.

Keywords: Dmitriy Alekseevich Olderogge, biography, archive, documents, sketches, MAE RAS, African collections.

В. Н. Семенова

О коллекции эфиопских магических свитков МАЭ РАН. Вклад Д. А. Ольдерогге

Аннотация: Статья посвящена деятельности Д. А. Ольдерогге как коллекционера и собирателя. Отдельное внимание уделено его эфиопской коллекции МАЭ № 6607, в частности, двум свиткам, приобретенным во время его поездки в Эфиопию в 1968 г. для награждения международной премией за вклад в развитие африканистики императором Хайле Селассие I. Свитки требуют детального описания и изучения, которое в данный момент затруднено из-за сохранности. Следуя предыдущим опубликованным описаниям и сверкам, известно, что свитки украшены хорошо исполненными рисунками и являются одним из ранних сохранившихся до наших дней. Тем интереснее выглядит история попадания этих предметов в руки Д. А. Ольдерогге, который специалистом в данной области не был. Поэтому отдельное внимание уделено собирательской и музейной деятельности заведующего Сектором Африки Института этнографии АН СССР, которая была крайне обширной и многосторонней. Всего за ним числится 13 коллекций из Западной, Центральной, Северной, Восточной Африки.

Коллекция магических свитков МАЭ РАН начала формироваться в начале XX в. Конечно, в первую очередь это собрание врачей русского отряда Красного Креста, отправленного по поручению

Николая II в помощь эфиопам во время итало-абиссинской войны 1895 г. Во вторую — это собрание академика Б. А. Тураева. Коллекция по численности небольшая, но представительная. В этом плане сбор Д. А. Ольдерогге не выглядит случайным, продолжая традицию музейного коллекционирования Отдела этнографии Африки Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого.

Ключевые слова: коллекция, МАЭ, Эфиопия, Ольдерогге, Хайле Селассие, магические свитки, XVIII в.

Д. А. Ольдерогге и фонды Африки МАЭ РАН (Кунсткамера)

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) больше полувека заведовал Сектором (сейчас — отделом) Африки Института этнографии АН СССР (сейчас — Музея антропологии и этнографии), а в 1937–1943 гг. был директором Института этнографии АН СССР. Он был первым из сотрудников Музея, посетившим Африку в советское время. Из научных командировок в Египет, Мали, Эфиопию Д. А. Ольдерогге привозил в дар Кунсткамере этнографические коллекции: МАЭ № 6469, 6541, 6542, 6607, 6610, 6614, 6620, 6621, 6642, 6684, 6733, 6749, 6818. Однако не все из этих коллекций привезены самим Дмитрием Алексеевичем. Коллекция МАЭ № 6610 поступила Д. А. Ольдерогге в марте 1969 г. Это вторая¹ эфиопская коллекция заведующего сектором Африки — пять земледельческих орудий. Однако собирателями являются сотрудники ВИР^а — Всесоюзного Института Растениеводства. «В ноябре 1968 г. в Аддис-Абебе находилась группа специалистов агрономов: в составе трех человек, которым было поручено выяснить различные заболевания культурных растений и для этого посетить все районы Эфиопии. В составе группы были: Берланд-Кожевников, Владимир Мильевич (ботаник, руководитель группы), Макаров, Виктор Матвеевич (представитель

¹ Первой поступила в 1968 г. коллекция МАЭ № 6607, которую Д. А. Ольдерогге собирал лично. О ней речь пойдет ниже, так как она включает магические свитки.

от Мин. Земледелия) и Федосеев, Владимир Петрович (переводчик). Они согласились по моему поручению закупить для меня сельскохозяйственные орудия в разных районах, причем я дал инструкцию каким образом собирать сведения о назначении орудий, их употреблении и т. д. Приобрести орудия им удалось только во время поездки на восток от Аддис-Абебы — в район Харрара. (...) Деньги на приобретение были даны ~~мне~~¹ из полученной премии Хайле Селассие I» (Опись коллекции МАЭ № 6610: лист 1). Коллекция была получена в дар и, действительно, включает этнические названия предметов, место приобретения и подробную информацию о способе употребления. Просьба Д. А. Ольдерогге понятна: он сам привез из Мали представительную коллекцию сельскохозяйственных орудий с подробными описаниями (МАЭ № 6541).

Коллекция МАЭ № 6459 привезена и собрана в Сенегале и Мали Д. А. Ольдерогге в марте 1961 г., всего 4 предмета (Опись коллекции МАЭ № 6469: лист 1). Коллекция МАЭ № 6541 собрана во время пребывания в республике Мали в декабре 1963 по март 1964 гг. (Опись коллекции МАЭ № 6541: лист 1). Это самый известный целенаправленный коллекционный сбор заведующего сектором — коллекция сельскохозяйственных орудий (всего 36 предметов, включая также маски и предметы быта). Коллекция МАЭ № 6542 — это сбор также в 1964 г. уже в Браззавиле (Республика Конго) — коллекция из 10 акварелей. Далее идут две эфиопские коллекции МАЭ № 6607 и 6610 (см. выше). Коллекция МАЭ № 6614 содержит один предмет — табурет — и поступила от Д. А. Ольдерогге, который получил ее в дар в 1968 г. от атташе Министерства культуры Республики Конго (Браззавиль) Андре Сеголо (Опись коллекции МАЭ № 6614: лист 1). Коллекция МАЭ № 6620 поступила «от заведующего сектором Африки Ин-та Этнографии АН СССР, чл.-корр. АН ССР Дмитрия Алексеевича Ольдерогге» 28 октября 1969 г. (Опись коллекции МАЭ № 6620: лист 1). Внизу титульного листа описи в разделе Примечание написано, что «Предметы коллекции были подарены историком, профессором

¹ Текст воспроизведен согласно описи, включая все пометки, зачеркивания, орфографию и синтаксис.

Жозефом Ки-Зербо, гражданином Верхней Вольты, во время его визита в сектор Африки Института Этнографии АН СССР в сентябре 1969 г.» (Опись коллекции МАЭ № 6620: лист 1). Это современные ремесленные изделия — металлические крашенные масляной краской фигурки (изображения музыкантов и танцоров в количестве 6 предметов). Коллекция МАЭ № 6621 также эфиопская коллекция по своему происхождению передана через Д. А. Ольдерогге Г. А. Папышевой (в замужестве — Балашовой), когда она работала в Политехническом Институте в городе Бахр Дар переводчицей в 1969 г. (Опись коллекции МАЭ № 6621: лист 1). В коллекции две корзины, четыре наконечника земледельческих орудий и книга в кожаном футляре. Коллекция МАЭ № 6642 поступила от Д. А. Ольдерогге в 1970 г., но собрана она была Алексеем Михайловичем Ермолаевым в 1969–1970 гг. во время географической экспедиции в Судане в горах Дар-Нуба и на Голубом Ниле. А. М. Ермолаев физик, преподавал в то время в Хартумском университете (Опись коллекции МАЭ № 6642: лист 1). Из экспедиции, очевидно, по просьбе Д. А. Ольдерогге и при его научном консультировании он привез два предмета — это земледельческие орудия. В описи хранится лист с черновыми записями Дмитрий Алексеевича и Зои Леонидовны Пугач, если смотреть по почерку¹. Вверху ее почерком написано, что собиратель был «у Нуба и потом на голубом Ниле» и что «там не употребляется Селуха», внизу почерком Д. А. Ольдерогге назван Михаил Михайлович Ермолаев, профессор, Географическое общество, который, может быть, и передал эти вещи заведующему сектором Африки (Опись коллекции МАЭ № 6642: лист 4). Эта запись свидетельствует, прежде всего, об интересе заведующего к теме земледельческих орудий. Насколько позволяли возможности Дмитрий Алексеевич, вероятно, через личные и рабочие контакты пытался целенаправленно укомплектовать фонд Африки Музея и показать вариативность земледельческих орудий по континенту. Следующая числящаяся за Д. А. Ольдерогге коллекция

¹ Автор статьи не является специалистом по почерку, но многолетняя работа с З. Л. Пугач и документами в Отделе Африки Музея позволяет определить, чьей рукой написана заметка или документ.

МАЭ № 6684 представляет собой сбор из предметов, которые привозили разные люди из стран Африки, где им посчастливилось быть. Сами предметы — деревянные резные фигурки и резной костяной нож — представляют собой образцы современного искусства Кении, Танзании и Судана, впоследствии получившего название — «аэропортное искусство». Вещи привезены в 1972, 1969 и 1967 г. соответственно (Опись коллекции МАЭ № 6684: лист 1–4). Стоит отметить, что в то время комплектование фонда Африки МАЭ носило такой «случайный» характер и целенаправленных этнографических экспедиций на континент не было. К такому типу сбора и по характеру предмета относится коллекция МАЭ № 6733 — это всего одна маска деревянная антропоморфная, подаренная Д. А. Ольдерогге В. П. Хабировым¹. Согласно описи и словам дарителя маска относится к скульптурной традиции байя и была приобретена в народной республике Конго (с 1991 г. — Республика Конго), «в районе к западу от Банги» на границе с Камеруном в 1974 г. (Опись коллекции МАЭ № 6733: лист 1). Следующая по нумерации коллекция МАЭ № 6749 уже из ряда «земледельческих» коллекций Д. А. Ольдерогге. В коллекцию включены две мотыги народа эве из Того, приобретенные С. Э. Кудоло, этнологом, в то время сотрудником ИЭ АН СССР, сейчас — постоянно проживающей в Того, и одна мотыга из Сенегала, приобретенная послом СССР Д. Никифоровым по просьбе Д. А. Ольдерогге в 1975 г. (Опись коллекции МАЭ № 6749: лист 1). Последняя, числящаяся за Д. А. Ольдерогге, коллекция — это МАЭ № 6818, ткань сомали. Поступила от преподавателя Одесского педагогического института Ж. А. Каневской, которой она была подарена одним из студентов сомали, обучавшихся в 1979 г. в этом вузе. Ткань традиционная домотканая, история бытования в культуре написана в коллекционной описи со слов студента сомалийца.

¹ По личности собирателя в дарственном заявлении Д. А. Ольдерогге упомянуто только, что Валерия Петрович Хабиров работал в Народной республике Конго и там приобрел эту маску. Заявление от 25.09.1975 хранится в отделе учета МАЭ РАН.

Коллекция Д. А. Ольдерогге МАЭ № 6607 и история ее поступления в фонды МАЭ РАН

Коллекция Д. А. Ольдерогге МАЭ № 6607, которая большей частью состоит из картин традиционной эфиопской живописи, включает всего два магических свитка, но богато украшенных. Тринадцать картин на холсте, представляющих собой светские сюжеты из жизни царского двора, и два свитки были собраны заведующим Сектором Африки в 1968 г. в Эфиопии и в этом же году подарены Музею, на тот момент Ленинградскому отделению Института Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Коллекцию описывал С. Б. Чернецов, поэтому описания картин подробны, надписи на амхарском языке переведены на русский язык, транслитерированы на русский язык имена эфиопских художников — Вэндуму Вэльдэ и Джэмбэрэ Хайлу¹, довольно известных художников 60–70-х гг. XX в. как в эфиопском обществе, так и в европейской научной и искусствоведческой среде.

В отечественной науке изучению эфиопской художественной традиции уделялось недостаточно внимания. Интерес к ней проявляли только Б. А. Тураев (Тураев, Айналов 1913; Тураев 1915), описавший совместно с Дмитрием Айналовым² коллекцию иконостасных изображений МАЭ № 2594 А. И. Кохановского, а также С. Б. Чернецов (Чернецов 1974; 1997; 2001; Chernetsov 1997; 1999). Однако живописная традиция африканских культур интересовала в том числе и Д. А. Ольдерогге, о чем свидетельствует его коллекция МАЭ № 6542, поступившая в марте 1964, а собранная в феврале того же года в столице республики Конго — Браззавиль. Это акварели художников из района Пото-Пото, впоследствии известного как раз своей художественной школой современной африканской живописи

¹ О Джэмбэрэ Хайлу см. (Chernetsov 1997; Silverman, Fisseha 1999).

² Дмитрий Власевич Айналов (1862–1939) — отечественный историк искусства, специалист по древнехристианскому и ранневизантийскому искусству. Его докторская диссертация и книга «Эллинистические основы византийского искусства» вышла в 1900 г. (Айналов 1900). На нее он часто ссылается при описании эфиопских икон МАЭ № 2594.

и графики, основанной в 1951 г. французом Пьером Лодсом. Всего 10 акварелей на красной и черной бумаге. Будучи человеком широких музееведческих интересов Д. А. Ольдерогге уделял внимание современным на тот момент времени художественным школам стран Африки, поэтому не удивительно, что в 1968 г. из Эфиопии он привез такую коллекцию. Не ясно, каким образом Дмитрий Алексеевич собирал эти вещи. Это была покупка с его стороны заранее определенных предметов или случайная «встреча» именно с этими предметами, музейную и научную ценность которых Д. А. Ольдерогге оценил очевидно сразу, хотя и не являлся глубоким специалистом по культуре и этнографии Эфиопии. Может быть, это был подарок. Так как каких-либо архивных документов — дневниковых записей, воспоминаний, фотографий — по вопросу истории собирания и приобретения не удалось обнаружить, ответ можно найти в характере самих предметов при их научной атрибуции и в истории поездки Д. А. Ольдерогге в 1968 г. в Эфиопию.

В ноябре 1968 г. Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге была вручена международная премия им. Хайле Селассие I за выдающиеся достижения в области изучения Африки. В Доме Африки императором были награждены также и другие выдающиеся африканисты — это «французский натуралист Теодор Моно, долгое время возглавлявший Институт Черной Африки в Дакаре, английский археолог Л. Лики, который сделал уникальные открытия в Восточной Африке, американский лингвист Дж. Гринберг — создатель получившей признание классификации африканских языков, знаменитый эфиопский художник Афэ Уорк Тэкле и другие» (Вальская, Жуков, Ягья 1991: 11).

С. Б. Чернецов полагал, что в решении эфиопского императора наградить Д. А. Ольдерогге сыграло свою роль издание сборника «Абиссиния», ответственным редактором которого стал Д. А. Ольдерогге (Ольдерогге 1936). Ему же принадлежала глава сборника «Население и социальный слой» (Чернецов 2002: 31–32). Решение об издании сборника было принято Ученым Советом Института Антропологии и Этнографии в связи с нарастающей итальянской

агрессией в отношении Абиссинии. Соответственно, и тексты сборника имели направленность на поддержку суверенной государственности страны, которая имеет древние корни. Однако вероятнее всего, что премия была вручена Дмитрию Алексеевичу по совокупности заслуг в области изучения конкретно Абиссинии. Император и заведующий Сектором Африки МАЭ РАН были знакомы лично. В 1935 г., в год начала итало-абиссинской войны в рамках поддержки далекого африканского народа была открыта абиссинская выставка, по которой Д. А. Ольдерогге издал путеводитель (Ольдерогге 1935). Сборник статей «Абиссиния» был издан в 1936 г.

Визит императора Эфиопии Хайле Селассие I в СССР в 1959 г. ознаменовался открытием в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР временной выставки полотен из коллекции А. И. Кохановского МАЭ № 2594 в рамках постоянной экспозиции сектора Африки того времени. Фоторепортаж визита императора в Музей хранится в архиве Кунсткамеры (см, например, KVI-1-43 1 ед. хр., 1 ном: Фотоотпечаток (или фотография). Посещение Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР императором Эфиопии — Хайле Селассие I. 7 июня 1959 г.).

В мае 1963 г. Хайле Селассие принимает в Аддис-Абебе саммит независимых африканских лидеров, на котором было принято решение об основании Организации Африканского Единства. Штаб-квартира Организации стала также располагаться в Аддис-Абебе. Это было серьезной победой эфиопского императора в сфере международных отношений, где он принял на себя роль старейшего государственного деятеля Африки, успешно боровшегося с колониализмом и итальянской империалистической агрессией. Скорее всего, в честь этого события в стенах Музея Антропологии и Этнографии с 1964 по 1967 гг. опять проводится временная выставка картин из коллекции А. И. Кохановского, но уже в рамках обновленной экспозиции «Народы Африки южнее Сахары», которая была создана под руководством Д. А. Ольдерогге и просуществовала без изменений до 2005 г. Эта экспозиция не представляла

Эфиопию (Абиссинию) как целый историко-культурный регион. Отдельной выставочное пространство было организовано лишь под тему «Коллекции русских путешественников по Эфиопии» (Голованова, Акишева, Калиновская 1964: 107–108). Выставка картин из коллекции А. И. Кохановского вызвана, прежде всего, профессиональным интересом заведующего сектором Африки Д. А. Ольдерогге к Эфиопии. Однако именно в этот период наблюдается и установление нормальных отношений с СССР (Clapham 2005: 1064). Хайле Селассие тогда находился в непростой ситуации, когда соседнее Сомали предъявляло территориальные претензии, а в Эритрее росло сепаратистское движение. В стране после неудавшегося переворота 1960 г. внутренняя напряженность тоже ощущалась. Император сосредоточил свои усилия на международной арене, где он был традиционно успешен. Установление премии собственного имени и вручение ее целому ряду видных ученых, внесших вклад в изучение истории и культуры Африки, способствовали закреплению его высокого и заслуженного статуса в системе международных отношений¹.

Таким образом, на фоне складывающейся геополитической обстановки и ввиду фактических заслуг заведующего сектором Африки Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР вручение премии именно Д. А. Ольдерогге выглядит понятным и обоснованным. После вручения премии в 1968 г. Дмитрий Алексеевич не сразу возвращается в СССР, а совершает путешествие по Северной Эфиопии, посетив, например, Аксум. (Вальская, Жуков, Ягья 1991: 11).

Что касается картин из коллекции МАЭ № 6607, то местом их приобретения является, скорее всего, Аддис-Абеба. Холсты большеформатные, ярко расписанные красками на сюжеты, характерные для эфиопской традиционной живописи, которая как отдельный жанр зародилась на рубеже XIX–XX вв. вследствие растущего интереса со стороны европейских путешественников и дипломатов.

¹ Нужно отметить, что разного рода знаки воинского отличия характерны для культуры христианской Эфиопии, но привычная нам система орденов и наград берет свое начало с середины XIX в. (Гусарова 2013: 200).

Джэмбэрэ Хайлу с 1948 г. жил и работал в Аддис-Абебе, где рос и развивался рынок коммерческого искусства (Silverman, Fisseha 1999: 158–159). Не удалось найти свидетельств о втором художнике — Вэндуму Вэльдэ, но и по манере письма и по сюжетам, очевидно, что это тот же круг художников, к которому принадлежал Джэмбэрэ Хайлу. В то время картины подобного жанра не часто становились объектом коллекционирования, поэтому в музейных собраниях их не так много, как может показаться на первый взгляд. Работы традиционных эфиопских художников стали цениться международной искусствоведческой и галерейной средой позднее, после государственного переворота 1974 г. Тем удивительнее обнаружить их работы в собрании МАЭ РАН. Стоит предположить, что хотя Д. А. Ольдерогге имел понятие о живописной традиции современной Африки и имел, очевидно, художественный вкус, скорее всего, ему эти холсты посоветовал приобрести или подарил кто-то из местной номенклатуры или научно-музейной среды. История с приобретением двух свитков выглядит еще более туманной.

Во-первых, они вполне могли быть куплены/подарены в Аксуме. Магические свитки являются материальными свидетельствами живой бытующей по сей день традиции в Эфиопии. Они включены в оборот повседневной жизни. В столице их просто так не увидишь. Проще их найти в сельской местности, где живет традиция их создания учеными-дэбтэра.

Во-вторых, их приобретение выглядит загадочным ввиду высокого художественного достоинства свитков и их относительно ранней датировки. Наиболее ранние сохранившиеся до наших дней свитки датируются только XVIII в (Balicka-Witakowska, Vausi, Bosc-Tiesse, Nosnitsin 2015: 158–159). Конечно, есть косвенные свидетельства того, что они были в обращении уже в XIV–XV вв. (Mercier 1979: 10). Сама традиция, очевидно, более древняя.

Появление свитков как класса предметов в коллекции Д. А. Ольдерогге не вызывает вопросов, так как МАЭ РАН обладает представительной коллекцией свитков, с которой Дмитрий Алексеевич был прекрасно знаком.

Коллекция эфиопских магических свитков МАЭ РАН. Краткая характеристика

Музей антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) обладает собственным собранием эфиопских магических свитков. Собрание небольшое, но представительное по содержанию текстов в свитках и разнообразию иконографических типов магических рисунков. Конечно, собрание МАЭ РАН уступает собранию Британской библиотеки и французским коллекциям¹. Но стоит напомнить, что эфиопское христианское искусство стало известно в Западной Европе после английского карательного похода генерала Роберта Нейпира против эфиопского царя Феодора II (время правления 1855–1868 гг.) в 1867–1868 гг., в результате которого царь застрелился, а его крепость Мэkdэла была захвачена. Собранные там эфиопские христианские рукописи, иконы и прочая параферналия вывезены в Великобританию. Эти предметы были представлены на выставке в Хрустальном дворце в Лондоне в 1868 г. Потом они разошлись по мировым музейным и частным собраниям (Семенова 2014: 495). В настоящее время эфиопское правительство, научное и музейное сообщество Европы занимаются поиском данных предметов с целью вернуть их законному владельцу — народу Эфиопии².

Однако самой большой коллекцией эфиопских магических свитков за пределами Эфиопии является коллекция библиотеки университета Принстон, Нью-Джерси, США — это более чем 500 свитков³. Самая лучшая часть эфиопских рукописей — это собрание немецкого филолога Энно Литтманна. Поступления магических свитков, в основном, дар Брюса С. Уиллси 1986 г.,

¹ См.: <https://www.bl.uk/collection-guides/ethiopian-collections>; дата обращения: 24.05.2023.

² В настоящее время проблемой реституции коллекций активно занимается голландский ученый Йос ван Берден. См. его работы, в частности, (Beurden, van 2017).

³ <https://library.princeton.edu/special-collections/topics/ethiopic-manuscript-collections>; дата обращения: 24.05.2023.

американского мецената. В Эфиопии — это собрание Института эфиопских исследований в Аддис-Абебе.

В Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) хранится 19 (девятнадцать) предметов:

1. МАЭ № 2103-21. Свиток пергаментный, содержащий послание Иоанна Богослова (I, 1–8). Длина — 79,5 см. Ширина — 9,0 см. Школьное пособие для обучения чтению (Платонов 1996: 67).

2. МАЭ № 2103-22. Свиток пергаментный. Молитвы против «зар» и других злых духов, дурного глаза, против страха ночного и дневного; отрывки из Евангелий. Длина — 179,0 см. Ширина — 7,0 см. Есть имена владельцев.

3. МАЭ № 2103-23. Свиток пергаментный с молитвой Разрешение заклинаний. Длина — 71 см. Ширина — 6,5 см. Свиток сильно пересох. Он хранится в свернутом состоянии. Возможно, его не стали разворачивать, и по этой причине нет его описания ни у С. Б. Чернецова (Чернецов 1975), ни у В. М. Платонова (Платонов 1996).

4. МАЭ № 2103-25. Свиток пергаментный с посланием Иоанна Богослова (I, 1–7). Длина — 43,5 см. Ширина — 7,3 см. Также школьное пособие для обучения чтению.

5. МАЭ № 2103-26. Свиток пергаментный с молитвой против глаза и злых духов. Длина — 65 см. Ширина — 5,5 см. Имена владельцев оставлены пустыми.

6. МАЭ № 2103-27. Свиток пергаментный с молитвами против болезни глаз и относительно языка человеческого. Длина — 114,5 см. Ширина — 4,5 см. Имена владельцев оставлены пустыми.

7. МАЭ № 2103-29. Свиток пергаментный с молитвой на разрешение заклинаний, с изображениями ангелов. Длина — 40,0 см. Ширина — 4,0 см. Имена владельцев оставлены пустыми.

8. МАЭ 3052-887 *а, б*. Два связанных свитка молитв. Послание Иоанна Богослова (I, 1–7) и амхарский силлабарий с цифрами. Длина, соответственно, — 31,5 и 30,5 см. Ширина — 9 см. Школьное пособие для обучения чтению.

9. МАЭ № 4055-3. Свиток пергаментный с молитвами против злых духов, против кровотечения и с молитвами Божеству. Длина — 200,0 см. Ширина — 9,5 см. Есть имя владелицы свитка.

10. МАЭ № 4055-4. Свиток пергаментный. «Разрешение чар». Длина — 217 см. Ширина — 10,0 см. Есть имена владельцев.

11. МАЭ № 4055-5. Свиток пергаментный. Молитва против слеза. Длина — 63,0 см. Ширина — 5,0 см. Молитва не закончена.

12. МАЭ № 4055-6. Свиток пергаментный. Молитва св. Сисисния и против злых духов, тексты Евангелий, величания архангелу Фануилу. Длина — 208,0 см. Ширина — 7, см. Есть имена владельцев.

13. МАЭ № 4055-7. Свиток пергаментный. Свиток оправдания. Длина — 205,0 см. Ширина — 11,0 см. Есть имена владельцев.

14. МАЭ № 4055-8. Свиток пергаментный. Тексты евангелий, молитвы о связывании бесов, против кровотечения, молитва св. Сисисния, Отлучение Сатаны и варианты Ограждения креста. Длина — 225,0 см. Ширина — 9,0 см. Есть имена владельцев.

15. МАЭ № 4055-9. Свиток пергаментный. Молитва против слеза, начало алфавитов — «духовного» и «псалтырного», величания арх. Фануилу, Асмат¹. Длина — 144,5 см. Ширина — 7,5 см. Есть имя владелицы.

16. МАЭ № 4055-10. Свиток пергаментный. Молитвы о связывании бесов, оборотней и воров. Молитва св. Сисиснию и Отче наш, Сеть Соломона и Отлучение сатаны, магическо-медицинские рецепты, Свиток оправдания. Длина — 190,0 см. Ширина — 13,0 см. Есть имя владелицы.

17. МАЭ № 4693-1. Свиток пергаментный. Молитвы о связывании бесов, против злых духов, оборотней, грабителей и кузнецов, молитва и величания св. Сисиснию. Длина — 157,5 см. Ширина — 7,8 см. Имя владельца (владелицы) оставлено пустым.

¹ Асмат (яз. геэз мн.ч. имена) — это заклинания «пречистыми и сокровенными именами Господа, находящимися в руке архангела Михаила — устрашителя врага» (Чернецов 1975: 224). Асмат бывает и заклинаниями не только именами Бога, но и именами демонов (Chernetsov 2003: 381).

18. МАЭ № 6607-14. Свиток магический. О текстах свитка см. ниже. Длина — 218,0 см. Ширина — 12,5 см. Есть имя владелицы.

19. МАЭ № 6607-15. Свиток магический. О текстах свитка см. ниже. Длина — 161,0 см. Ширина — 8,5 см. Есть имя владелицы.

Вторым по количеству собранием магических свитков в России является собрание Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге (11 свитков). История поступления отечественных коллекций принципиально отличается от европейских собраний. Как правило, это сборы частных лиц — дипломатов и врачей, которые они делали на месте, в Эфиопии. Коллекции МАЭ № 2103 и МАЭ № 4693 — сборы русских врачей, работавших в Абиссинии в первой половине XX в. Первая — доктора А. И. Кохановского (от самого собирателя в 1913 г.), вторая — Н. П. Бровцына (от дочери собирателя, В. Н. Бровцыной в 1944 г.). МАЭ № 3052 — от поручика Н. С. Леонтьева (передача в 1925 г. из Русского Музея).

Коллекция МАЭ № 4055 появилась в МАЭ РАН благодаря Государственному Эрмитажу. Она была составлена из коллекции академика Б. А. Тураева (1868–1920 гг.), принятой на хранение в Эрмитаж в 1923 г., и из коллекции бывшего Богословского института (1920–1923 гг.). Всего 19 номеров, 22 ед.хр. согласно акту были переданы в марте 1930 г. Со стороны «Музея Антропологии и Этнографии при Академии наук» акт о передаче в постоянное пользование подписал Д. А. Ольдерогге. Триптихи и диптих коллекции подтверждают нам имя собирателя коллекции — доктора А. И. Кохановского. Имя художника Касы, которым подписан диптих, указано также и на картинах коллекции МАЭ № 2594, которую А. И. Кохановский лично подарил МАЭ в 1912 г. после своего возвращения из Абиссинии. Сам Б. А. Тураев в своих статьях также говорит, что А. И. Кохановский привез ему абиссинские картины (Тураев 1915). В. М. Платонов указывает, что большая часть рукописной части коллекции приобретена самим Б. А. Тураевым в Египте в 1909 г. (Платонов 1996: 57).

Следующим и последним на данный момент стало поступление двух свитков от Д. А. Ольдерогге в 1968 г в составе коллекции МАЭ

№ 6607. Стоит отметить, что в отличие от американских собраний, которые пополнялись за счет больших даров меценатов на протяжении XX в, отечественное собрание по эфиопским рукописям после периода активных контактов между Абиссинией и Российской империей пополнилось только единичными экземплярами, большей частью, «случайными» дарами или привозами отдельных лиц.

Магические свитки из собрания МАЭ РАН попали в сферу особого интереса С. Б. Чернецова (1943–2005 гг.). Тексты свитков он подробно разобрал в своей кандидатской диссертации С. Б. Чернецов (Чернецов 1974). Помимо этого, коллекция была им полностью опубликована (Чернецов 1975), исключая магический свиток МАЭ № 2103–23. В отличие от В. М. Платонова (Платонов 1996), который специально оговаривает отсутствие датировок ввиду сложности точности и определенности в этом вопросе, С. Б. Чернецов в большинстве случаев дает варианты датирования по палеографическим признакам. К этому же жанру магической литературы с защитной функцией С. Б. Чернецов обоснованно отнес и два кодекса — МАЭ № 2103-19, 20. На это указывает их размер, соответственно, — 5,0 × 7,5 см и 3,0 × 4,5 см, а также характер текстов — величания Иисусу Христу и Богородице и текст Тайного учения (Чернецов 1975: 215–216).

Помимо формы свитков, более распространенной, встречаются и книжицы. Их легко отличить по маленькому размеру, так их можно носить с собой, как и свитки. Кодексы-амулеты также есть в собрании Национальной российской библиотеки и Института восточных рукописей. Магическая молитва Эф. 85 о прогнании бесов (Величания архангелу Рагуилу как «прогонителю бесов») представляет собой кодекс размером 5,9 × 4,9 см в переплете из простых дощечек без корешка, как и подобные предметы МАЭ № 2103-19, 20. Сюда же можно отнести и Эф. 104 Свиток оправдания размером 8,3 × 5,5 см также в переплете из дощечек. Магические амулеты обычно состоят из набора разных текстов. Исключением является Свиток оправдания, который настолько объемён и самодостаточен как отдельное произведение магической литературы, что

занимает весь свиток (например, МАЭ № 4055-7), хотя встречается и в ряду других текстов (например, МАЭ № 4055-10). Отдельно стоит отметить пергамен Эф. 84, сложенный «гармошкой», содержит молитву против злого языка и дурного языка. Размер 5,5 × 4,9 см. Редко, но в эфиопской христианской книжной культуре встречается и такая форма книги. Эф. н. с. 20 из ИВР РАН по размеру 12,5 × 8 см превышает упомянутые здесь кодексы-амулеты, но по содержанию — это магические тексты (молитвы против рези в животе, кровотечения и других недугов). Переплета тут нет. Листы просто сшиты (Платонов 1996: 8, 30–31, 35–37).

Датировки данных произведений С. Б. Чернецов приводит в своей статье 1975 г по палеографическим признакам. Ко всем вышеназванным, включая книжечки МАЭ № 2130-19, 20, это конец XIX — начало XX вв. МАЭ № 2103-22 — конец XVII в. — первая половина XIX вв. С датировкой концом XVII в исследователь ошибся. Все-таки ранее XVIII в свитки на данный момент не датируются. Свитки МАЭ № 2103-26, 27, 29 выполнены одним и тем же человеком и датированы второй половиной XIX в. МАЭ № 4055-6 по рисунку аналогичен МАЭ № 2130-22, по почерку конец XVIII — начало XIX вв. МАЭ № 4055-7 по почерку конец XVIII — начало XIX в. МАЭ № 4055-8 первая половина XIX в. МАЭ № 4055-9 — середина XIX в.

Проблему датирования С. Б. Чернецов оговаривает отдельно, указывая на ее сложность. Лингвистический и текстологический анализы мало что дают, так как язык геэз мертвый, а текст переписывается досконально вплоть до описок или ошибок. Попадающиеся в тексте слова разговорных живых языков — амхарского и тигринья — являются как правило названиями болезней и способны указать на место изготовления и бытования предмета (Чернецов 1975: 214–215). Палеографический критерий недостаточно верифицирован, что актуально до сих пор. Разработанная палеография эфиопских рукописей профессором Зигбертом Улигом (Uhlig 1988) была выполнена до датирования рукописей Абба Гарима IX в в 2000-е гг. Очевидно, что такая ранняя датировка для

эфиопской христианской рукописной традиции вносит изменения в палеографический метод.

Такова краткая характеристика петербургского собрания эфиопской магической литературы.

Магические свитки христианской Эфиопии:
культура бытования. Атрибуция свитков МАЭ
№ 6607–14 и МАЭ № 6607–15

Магические свитки представляют собой письменные амулеты, выполненные на грубо обработанной коже — пергамене¹. Обычно это три сшитые кожаными ремешками полоски выделанной кожи в ширину от 4,0 до 50,0 см и в длину от 40,0 до 250,0 см. Это христианские амулеты, которые пишут на заказ специально обученные люди — дэбтэра. Дэбтэра — писцы, которых в европейской и отечественной научно-популярной традиции часто называют «чернокнижниками» как раз из того, что именно они выполняют частные заказы на изготовление магических свитков, по функции, — амулетов. Дэбтэра не является духовным саном, это люди, которые получили религиозное образование, но не были рукоположены. Помимо переписывания текстов в обязанности дэбтэра входит еще счет звезд, знание духовной поэзии — кыне, литургического танца акауаум и различных песнопений (Амхарский словарь 1993: 465).

Само наименование «магический свиток» было дано описанным предметам западноевропейскими учеными — англ.яз. magic scroll. На амхарском языке используется слово кытаб — ካታብ /kətab/. Кытаб происходит от глагола кэтэбэ — ካተበ /kätäbä/, который озна-

¹ В старых хранительских карточках, описях и публичном интернет-пространстве можно встретить слово «пергамент». Между тем, С. Б. Чернецов всегда настаивал и сам употреблял слово «пергамен» как более точно характеризующее технический процесс обработки кожи в Эфиопии.

чает «писать»¹. Таким образом, согласно определению в амхарском толковом словаре, кытаб — это лекарство, свернутое и написанное на выделанном пергамене — бырана — или на бумаге, призванное защитит от злых плохих явлений и от болезней. Носится на шее или локте (Амхарский словарь 1993: 377).

Часто в западноевропейской научно-популярной литературе можно встретить наименование тэльсэм (русс. яз талисман). Тэльсэм ጠላሽጦ /ṭälsäm/ имеет два значения. Первое — украшение на шею для женщин, сделанное из серебра и других металлов. Второе — свертос из куска кожи — бырана — или бумаги, где написан Асма или предсказание, в котором есть различные рисунки (Амхарский словарь 1993: 535). В энциклопедии Этиопика авторы статьи про тэльсэм София Деге и Вольберт Шмидт определяют последний именно как определенного рода изображенный образ или рисунок, который можно видеть в магических свитках или амулетах, в рукописях, содержащих магические тексты (Dege, Schmidt 2010: 850). Слово происходит от арабского ṭilasm (греч.яз. télesma сильнодействующий предмет). Амхарское тэльсэм они предлагают понимать как «защитный образ», «магический образ», призванный противодействовать демонам, вызывающим болезни или неудачу и, одновременно, это лекарство от болезни, которая уже наступила. Таким образом, амхарский толковый словарь дает другую интерпретацию слова тэльсэм, обозначая им предмет, а не написанный образ.

По использованию свитки делят на два типа:

1. Малые, для частного использования как носимый с собой амулет, иногда и редко разворачиваемый, обычно состоит из трех полос пергамена со средней шириной примерно 8,0 см, длина зависит от того, сколько текстов и рисунков включает конкретный свиток.

2. Большие, шириной до 50,0 см и длиной более метра, сделанные специально для показа в развернутом виде на стене жилого дома. Такие широкие свитки называют «настенный амулет».

¹ Араб. яз. *kataba*. Стоит отметить, что первым значением этого амхарского глагола указывается «писать», иногда — «писать амулет», а вторым «делать прививку» (Kane 1990: 1430).

При изучении культуры бытования предмета в самой среде становится очевидным, что классификация по такому признаку является довольно условной. Более важным параметром выглядит оформление свитков, а именно — качество исполнения рисунков, их количество, тщательность при написании текстов. «Настенные амулеты» украшаются изображениями, в том числе и миниатюрами; текст обрамляется цветным орнаментом, почерк аккуратный. Краски яркие, насыщенные. Свитки же, предназначенные для ношения на шее, могут содержать только текст. Однако С. Б. Чернецов верно замечает, что свитки могут использоваться «и в одном, и в другом качестве» (Чернецов 1975: 210). Большие свитки, но богато украшенные и если позволяет ширина могут сворачиваться и носиться с собой. Малые свитки могут содержать изображения ангелов, крестов, «связанного дьявола», магические геометрические фигуры.

Таким образом, логичнее разделить свитки на две группы по их стоимости: простые и, соответственно, недорогие, и богато украшенные с прописанным текстом, но дорогие. В настоящее время следует еще сказать о появлении третьей группы по назначению и стоимости — это магические свитки, изготавливаемые теми же дэбтэра на продажу туристам. Эти свитки также могут быть разного качества — их можно найти в туристических лавках Аддис-Абебы, где они по внешнему виду текстов и иконографии приближены к подлинным. В монастырях и церквях горной Эфиопии — по дороге к ним или рядом — дэбтэра также пишут прямо на месте и продают часто у своих жилищ магические свитки. Часто такие свитки богато расписаны рисунками и иллюстрациями, нежели чем текстом или геометрическими фигурами (см. фото), что делается специально для более успешной реализации. Надо отметить, что такой подход работает и туристы, особенно из Западной Европы и США, с радостью покупают яркие экзотические полоски кожи. Конечно, они продаются не в свернутом виде.

С. Б. Чернецов, работая с эфиопскими свитками петербургских собраний, выделил схему написания такого свитка — более-менее стандартную (Chernetsov 2007: 642).

Свитки на продажу. Лалибела, Эфиопия, 07.03.2011

Автор фото Х. Турьинская

Верх занимает архангел Михаил или Гавриил в иконографическом типе защитника с мечом. Посередине свитка помещаются различные рисунки, призванные обозначить добрые и злые силы. В случае написания добрых сил это — изображения ангелов, солнце и луна по сторонам от креста — иконографический вариант Распятия без самого Распятия; эфиопский восьмиконечный крест либо иллюстрация к тексту — миниатюра, например, Св. Сиссиний верхом на коне протыкает ведьму Верзилю. Образы злых сил более условные и геометризованные: красное прямоугольное лицо с двумя «рогами» на каждой стороне — «связанный демон Злого Взгляда» по объяснению дэбтэра. Орнамент в виде решетки — «трон дьявола», включенный в текст, чтобы призвать дьявола вернуться на свой трон и оставить людей, который изображается или в середине

или в конце свитка. Такие рисунки обычно заключены в красные линии из магического текста, чтобы злые силы не вернулись.

Эта схема тоже условна, просто она встречается в большинстве случаев. Свиток МАЭ № 6607-15 из коллекции Д. А. Ольдерогге ей следует. В начале свитка образ ангела, в середине — лицо демона с рогами, в конце — сетка из магических квадратов («трон дьявола?»). Свиток МАЭ № 6607-14 «открывается» решеткой с вписанными в нее усатыми бесовскими ликами, что противоречит описанной выше схеме. Здесь следует отметить, что интерпретация многих магических рисунков остается под сомнением. По иконографии понять изображен демон или ангел часто сложно — это касается и ликов и фигур, изображенных в полный рост. Объяснения дэбтэра могут дать разные ответы. Книги-инструкции по написанию магической литературы, скорее всего, есть, это тоже рукописи. Но так как такие рукописи обычно плохого качества — и почерк, и пергамен, и переплеты — то в коллекционные собрания они не попадали и даже в самих монастырях долго не хранились. Ж. Мерсье подробно занимался вопросами интерпретации и атрибуции магической литературы, собирая материал и среди дэбтэра и по письменным источникам. Однако даже у него многие рисунки не интерпретированы либо интерпретированы со знаком вопроса (Mercier 1979: 7, 10, 14, 20, 24, 25). Поэтому описания С. Б. Чернецова (Чернецов 1975) и В. М. Платонова (Платонов 1996) некоторых магических рисунков следует перепроверить. В случае со свитком МАЭ № 6607-14 и его зачином в виде решетки именно с бесовскими ликами на данный момент сделать это сложно, так как свиток плотно свернут и при разворачивании может получить дополнительные трещины сильно пересохшей кожи.

Защитная сила магических свитков-амулетов направлена на определенного человека, чье имя написано в тексте. Однако обычным делом является смена владельца. Тогда имя прежнего владельца затиралось или просто перечеркивалось, а на его месте вписывалось новое, иногда поверх прежнего. В свитках, сделанных на продажу, место для имени владельца остается пустым (Chernetsov 2007: 642).

Использование эфиопских магических свитков такое же как у амулетов, поэтому в научной традиции принято и такое наименование. Сам факт ношения на шее, на локте, с собой в сумочке, факт простого владения, как и чтение таких текстов, дает нужную защиту от злых сил, несчастий и болезней. Тексты, используемые в магических свитках, это христианские тексты — канонические из Писаний или апокрифы, молитвы. Их достаточно, однако можно выделить определенное количество текстов, которое используются при написании свитка. Назовем самые распространенные — Легенда о Сисинии и Верзилье, Свиток оправдания, Сеть Соломона, Асматы, Ограждение Креста. Имея литературные корни, эти тексты имеют фольклорное хождение, а некоторые в какой-то степени фольклорное происхождение. При этом вычленив «первоначальный» текст и проследить его источник сложно как раз из-за сильного влияния устной традиции, которая модифицирует текст так, что он становится оригинальным.

Из-за такого промежуточного положения между классической геэзской христианской литературой и «полумифологической» устной сказительной по своему характеру традицией С. Б. Чернецов выделил магическую литературу в отдельный вид эфиопской христианской литературы (Chernetsov 2004). Кандидатская диссертация позволила ему также наметить основные черты этой литературы. Это защитная функция; форма написанного текста на языке геэз с именем владельца; сказительная часть ограничена фиксированным количеством тем; изготовление, когда текст копируется писцом. С. Б. Чернецов ничего не говорит про хронологические рамки обращения магических свитков в эфиопской христианской культуре, когда они в нее проникли, каким веком датируются самые ранние известные нам предметы. Однако он отмечает, что сама форма письменных амулетов древняя, а на предмет иностранных заимствований свитки не изучались и могут предоставить богатый материал (Chernetsov 2007: 643). При этом нет никаких свидетельств, что свитки в Эфиопии предшествовали кодексам как форма письменного документа (Balicka-Witakowska, Bausi, Bosc-Tiesse, Nosnitsin 2015: 158).

Свитки, привезенные в 1968 г. Д. А. Ольдерогге, относятся к разряду богато украшенных и дорогих. Как правило, такие свитки широкие и длинные, позволяющие разместить на коже яркие выписанные образы святых, витиеватые геометрические образы и орнаменты по качеству исполнения сходные с таковыми в рукописях.

Длина свитка МАЭ № 6607-14 — 218 см, ширина — 12,5 см вмещает два столбца и 626 строк. В начале свитка — полихромная орнаментальная решетка с вписанными в ее квадраты усатыми бесовскими (?) ликами; в середине — ангел во весь рост с обнаженным мечом в правой руке и с ножами — в левой. В конце — сетка из «магических квадратов», в центре которой помещены 15 строк размытого нечитаемого текста. Сам текст свитка заключен в красочную орнаментальную рамку красного, черного и фиолетового цветов.

Свиток МАЭ № 6607-15 длиной 161 см и шириной 8,5 смшит из трех полосок кожи, как и предыдущий свиток. В начале свитка изображен ангел во весь рост. В середине — «дьявольский лик» с восьмью рогами. В конце — сетка из «магических квадратов» и орнаментальная концовка. Текст в обоих свитках написан черным, как и положено. Красным шрифтом написаны имена святых и отдельные строки.

Свиток МАЭ № 6607-14 содержит молитву против злых духов с именами «бария», «легион» и других, вызывающих разные болезни и недомогания; Евангелие от Иоанна (1, 1–5) с добавленным текстом магического содержания в начале и в конце; Отлучение Сатаны; Аснат — в левом столбце. В правом — Разрешение чар (яз. геэз) Мэфтыхе Сырай и три (!) его варианта; Аснат и еще одно заклинание магическими именами — Аснат (?). Свиток МАЭ № 6607–15 в один столбец содержит Разрешение чар, Евангелие от Марка (1, 23–28), вариант Разрешения чар, Отлучение Сатаны, еще три варианта Разрешения чар, Сеть Соломона, вариант Разрешения чар, Аснат, варианты Разрешения чар, Отлучения Сатаны и опять Разрешения чар, Евангелие от Иоанна (1, 1–5) и Ограждение Креста. По происхождению текстов отметим наличие как евангельских библейских текстов, так и, очевидно, фольклорного происхождения, на что указывает большое

количество вариантов Разрешения чар и даже Асмата, в общем-то зафиксированного письменной традицией (?). По содержанию свитков очевиден характер заказа изготовления для определенного физического лица. В свитке МАЭ № 6607-15 много различных вариантов текста с одной защитной функцией — Разрешения чар. Заказчица тут женщина — имя Валатта Хыйвот. В первом свитке МАЭ № 6607-14 заказчица Валатта Сылласе. Дат никаких не указано. Однако очевидно, что столь богато расписанные свитки были предназначены не столько для ношения в свернутом виде, а скорее для разворачивания и чтения.

В. М. Платонов, описания которых тут приведены (у него подробнее), не выдвинул никаких предположений о датировании свитков (Платонов 1996: 77–79). Между тем, касательно этих свитков — это наиболее интересный вопрос.

С. Б. Чернецов отмечает, что характер рисунков приближается к книжным миниатюрам. По современному и мелкому почерку исследователь датирует свиток МАЭ № 6607-14 серединой XX в. (Чернецов 1975: 225). В свитке МАЭ № 6607-15 почерк архаический, угловатый, мелкий: по палеографии — рукопись конца XVIII — начала XX вв. (Чернецов 1975: 226). Однако при своем датировании, неточность которого С. Б. Чернецов подчеркнул отдельно, ученый не учитывает иконографию рисунков. Вернее сказать, иконографический метод атрибуции магических свитков не был разработан. Полностью разработанным и проверенным его нельзя назвать и сейчас. Тем не менее, изображения, выполненные во Втором Гондарском стиле — это XVIII и XIX вв, выделяются среди прочих и легко атрибутируются. К таковым относится и свиток МАЭ № 6607-14. Датировка второго свитка МАЭ № 6607-15 С. Б. Чернецовым концом XVIII в. кажется вероятнее, чем XX в. Оба свитка по своему рисунку можно отнести к XVIII в.

Приобретение Д. А. Ольдерогге столь ранних и действительно высоко художественных предметов вызывает удивление и наводит на мысль, что без признания заслуг отечественного ученого в области изучения Африки императором Хайле Селассие I ему не удалось бы приобрести подобные предметы в Эфиопии.

Список литературы

1. Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1900. 231 с.
2. Вальская Б. А., Жуков А. А., Ягья В. С. Д. А. Ольдерогге и географическое общество СССР // Цитируется по изд.: Страны и народы Востока. Вып. XXVII. (География, история, культура, экономика. 1991, С. 5–17.
3. Голованова И. П., Акишева З. П., Калиновская К. П. Новые экспозиции в Музее антропологии и этнографии // Вестник Академии Наук СССР (отдельный оттиск). М., 1964. 12. С. 106–108.
4. Гусарова Е. В. Награды в Эфиопии в правление царя Такла Гиоргиса I (по рукописи Orient. 821 из Британской библиотеки) // Африканский сборник 2013. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 200–212.
5. Ольдерогге Д. А. Выставка абиссинских коллекций (краткий путеводитель). М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1935.
6. Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй // Абиссиния. Сб. статей. М.; Л., 1936. С. 10–39.
7. Платонов В. М. Эфиопские рукописи в собраниях Санкт-Петербурга. Каталог. СПб: Издательство РНБ, 1996.
8. Семенова В. Н. История экспонирования эфиопских икон в музеях мира: краткий сравнительный обзор // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 493–500.
9. Тураев Б. А., Айналов Д. В. Произведения абиссинской живописи, собранные доктором А. И. Кохановским // Христианский Восток. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1913. Т. 2 (2). С. 199–215.
10. Тураев Б. А. Абиссинская политическая лубочная картина моего собрания // Христианский восток. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1915. Т. 3 (2). С. 195–196.
11. Чернецов С. Б. Эфиопские магические свитки (Опыт филолого-этнографического исследования): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Академия наук СССР, 1974. Количество листов — 180.

12. Чернецов С. Б. Описание эфиопских рукописных амулетов («магических свитков») из собрания МАЭ РАН // Из культурного наследия Америки и Африки. Сборник МАЭ. Т. XXXI, Л., 1975. С. 208–226.

13. Чернецов С. Б. Путешествие Александра Македонского из Иерусалима в рай и обратно (Народная картина из собрания Кунсткамеры) // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М., 1997. 3 (15). С. 27–29.

14. Чернецов С. Б. Редкая фотография Гебре Селасе (1844–1912), секретаря и историографа эфиопского императора Менелика II // Христианский Восток. Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб.; М., 2001. Том 2 (VIII). С. 284–299.

15. Чернецов С. Б. Из истории отечественной эфиопистики (краткие биографии). Дмитрий Алексеевич Ольдерогге // Манифестация. Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». № 3. СПб., 2002. С. 31–32.

16. Balicka-Witakowska E., Bausi A., Bosc-Tiesse C., Nosnitsin D. Ethiopic codicology // Comst. Comparative oriental manuscript studies an introduction. Hamburg, 2015. P. 154–174.

17. Beurden, van J. Treasures in Trusted Hands — Negotiating the Future of Colonial Cultural Objects. Leiden: Sidestone Press, May 2017.

18. Chernetsov S. B. Ethiopian Traditional Painting with special reference to the Kunstkamera collection of Ethiopian painting // St. Petersburg Journal of African Studies. St. Petersburg, 1997. Nr 6. P. 128–155.

19. Chernetsov S. B. The aerial Flight of Alexander the Great in Ethiopian painting and literature // Oriens Christianus. Hefte für die Kunde des christlichen Orients. 1999. Bd 83. P. 179–186.

20. Chernetsov S. Asmat // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. Vol. 1. P. 381.

21. Chernetsov S. Ethiopian “magic scrolls” from the MAE collection // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. St. Petersburg: Thesa Publishers, December 2004. Vol. 10. No. 4. P. 40–68.

22. Chernetsov S. Magic scrolls // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 642–643.

23. Clapham Ch. Haylä Sellase I // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Vol. 2. P. 1060–1066.

24. Dege S., Schmidt W. Ṭälsäm // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. Vol. 4. P. 850–852.

25. Kane T. L. Amharic-English dictionary. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1990. Vol. 1, 2.

26. Mercier J. Rouleaux Magiques Ethiopiens. Paris: Editions du Seuil, 1979.

27. Silverman, R. A., Fisseha G. Jembere and his Son Marcos. Traditional Painting at the End of the Twentieth Century // Ethiopia: Traditions of Creativity. East Lansing: Michigan State University, 1999. P. 157–181.

28. Uhlig S. Äthiopische Paläographie. Stuttgart, 1988. 848 s.

29. አማርኛ መዝገበ ቃላት. ቀንቀዎች ጥናትና ምርምር ማክከል, ኦዲስ አበባ ዮኒቨርሲቲ, የካቲት, 1993 / Амхарский словарь. Аддис-Абеба: Центр по изучению языков. Аддис-Абебский университет, 1993.

Источники. Учетные документы МАЭ РАН

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 2103.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3052.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 4055.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 4693.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6469.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6541.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6542.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6607.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6610.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6614.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6620.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6621.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6642.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6684.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6733.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6749.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6818.

Сокращения

МАЭ РАН Музей Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук.

About the Collection of Ethiopian Magic Scrolls of the MAE RAS. Contribution by D. A. Olderogge

Abstract: The article is dedicated to the professional activity of Dmitry A. Olderogge as a collector and gatherer with a special reference to his Ethiopian collection MAE No 6607, which includes two unique magic scrolls acquired by him during his visit to Ethiopia in 1968. In this year, Dm. A. Olderogge was awarded by the special prize of Emperor Haile Selassie I. These scrolls demand special study what is difficult now because of their safety. According to the previous descriptions of these items, they are decorated richly by the paintings of high level. Therefore, they appear to be early dated scrolls now known. The question is the circumstance of collecting such interesting objects by Dm. A. Olderogge who wasn't the specialist in the fields of Ethiopic art, esp. talismanic art. By this reason, some part of the article presents short abstract of his collections now kept at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS. Total number of 13 collections are from Western, Central, North and East Africa.

The collection of Ethiopian magic scrolls in the Museum is small, but representative. The first acquisition is of the beginning of the XX cent. Firstly, it was a gift of Russian physicians who worked in Abyssinia in 1896–1912. Secondly, it was a collection of the professor of Oriental studies Boris A. Turaev. From this point of view, the gathering of Dm. A. Olderogge seems not to be chance collection.

Keywords: collection, MAE, Ethiopia, Olderogge, Haile Selassie, magic scroll, XVIII cent.

И. Г. Татаровская

Вклад Д. А. Ольдерогге в изучение
эпического предания народов
Западной Африки

Аннотация: В статье анализируется вклад Д. А. Ольдерогге в изучение фольклора Западной Африки. Рассматриваются взгляды Д. А. Ольдерогге на африканский фольклор, его критика взглядов немецкого африканиста Лео Фробениуса. Основное внимание уделено «Эпосу о Сундьяте» — наиболее яркому примеру западноафриканского героического эпоса.

Ключевые слова: Д. А. Ольдерогге, устная традиция Африки, Лео Фробениус, эпос о Сундьяте.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — выдающийся отечественный историк, лингвист, литературовед, этнограф. Он является одним из основоположников современной африканистики. Ему принадлежит свыше 160 научных трудов по антропологии, истории, литературе, языкам и культуре. Среди научных интересов Дмитрия Алексеевича был фольклор народов Африки.

Устное народное творчество служит важным источником культуры любого народа. Африканские народы имеют богатый и самобытный фольклор. Большинство народов Африки не имели письменности, поэтому традиции, культурные ценности, исторические сведения, разного рода предания передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Примерно в XIII в. на территории Западной Африки возник институт профессиональных сказителей — гриотов. Легендарный гриот Мамаду Куяте говорил: «Иные народы пользуются письменностью, чтобы запечатлеть прошедшее, но это убивает их память, они не чувствуют прошлого, потому что у букв нет тепла человеческого голоса. Эти народы думают, что познали прошлое, но знание должно сохраняться в тайне»¹. Дмитрий Алексеевич Ольдерогге одним из первых познакомил российского читателя с устным народным творчеством африканцев. Путешествуя по Африке и общаясь с местными жителями, он вел дневник, благодаря которому, мы знаем, как работал и собирал материал ученый. Дмитрию Алексеевичу посчастливилось познакомиться с творчеством гриотов на их родине, услышать и увидеть мастерство народных профессионалов. Он также встречался с известными африканскими учеными. В своем малийском дневнике Д. А. Ольдерогге рассказывает о его встречах с историком, дипломатом, писателем, знатоком и собирателем африканского фольклора Амаду Хампате Ба. Дмитрий Алексеевич описывает теплый прием в доме Амаду Хампате Ба. Они много разговаривали и обсуждали разные научные темы. Он виделся с ним несколько раз во время своей командировки в Мали.

Д. А. Ольдерогге интересовали все жанры африканского фольклора. Он свободно владел английским, немецким, французским языками, а также суахили, зулу и хауса. Дмитрий Алексеевич собирал и переводил фольклорные тексты не только с европейских, но и с африканских языков. Например, он является одним из переводчиков таких произведений народного африканского творчества, как: «Сказки мандинго» (*Пер. с франц.*), «Сказки хауса»

¹ Сундьята. Мандингский эпос. М.; Л., 1963. С. 80.

(*Пер. с хауса*)¹. Под его руководством силами ленинградских африканистов были переведены на русский язык арабские хроники, китайские, суахилийские, суданские, хаусанские, абиссинские сочинения, а также переводы записей устных повествований с языка бамбара и «Африки» Льва Африканского.

Большая его заслуга перед отечественной африканистикой состоит в том, что он одним из первых стал издавать сборники сказок и мифов разных народов Африки. Ученый возглавлял редакционные коллегии таких известных фольклорных сборников, как «Приходи сказка! Сказки и поговорки народов Эфиопии и Судана» 1958; «Сказки народов Африки» 1959; «Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле» 1960; «Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи» 1962; «Заяц в башмаках. Сказки племени ираку» 1963; «Сказки хауса. Западный Судан» 1963; «Сказки Мадагаскара» 1965; «Сказки мампруси» 1966; «История Черной земли. Сказки и легенды Анголы» 1975; «Сказки народов Африки» 1976; «Амхарская народная сказка» 1979; «Сказки и повести Древнего Египта» 1979; «Мифы и сказки бушменов» 1983.

Область интересов Дмитрия Алексеевича не ограничивалась фольклором Африки. Он много лет был ответственным редактором и автором предисловия серии «Сказок и мифов Востока», куда вошли такие книги как: «Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки» 1964; «Проданный сон. Туркменские народные сказки» 1969; «Курдские народные сказки» 1970; «Сказки народов Вьетнама» 1970; «Сказки и мифы Океании» 1970. Он был ответственным редактором книги Б. Л. Рифтина «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. (Устные и книжные версии «Троецарствия»)» 1970.

Д. А. Ольдерогге является автором научных статей по фольклору, которые вошли как в сборники фольклорных текстов в виде предисловия к ним, так и в научные сборники. Это такие труды, как «Эпигамия. Избранные статьи» 1983, серия «Исследования по

¹ Сказки мандинго. Сказки хауса // Сказки народов Африки. М.; Л., 1959.

фольклору и мифологии народов Востока», сборник статей «Фольклор и литература народов Африки» 1970. Дмитрий Алексеевич был идейным вдохновителем и активным участником издания серии «Литературные памятники» в журнале «Советская этнография», в котором он состоял членом редакционной коллегии. Он был глубоко убежден, что без исследования языкового и фольклорного материала невозможно понять культуру и историю любого народа.

Д. А. Ольдерогге был одним из первых африканистов в нашей стране, кто стал изучать эпос африканских народов. До него исследование африканского фольклора ограничивалось, главным образом, составлением сборников сказок, пословиц и поговорок народов Африки. Такая традиция существовала не только в нашей стране, но и за рубежом. Первым, кто написал об эпосе у африканских народов, был немецкий этнограф Лео Фробениус. Он путешествовал по Западному Судану в 1907–1909 гг. По впечатлениям от этого путешествия он написал книгу «Типы культуры Западного Судана», в которой привел образцы героического эпоса сонинке, назвав их рыцарскими сказаниями. Главный герой эпоса предстает в образе благородного рыцаря. Он сражается с великанами и чудовищами, проявляет милосердие к поверженным врагам, он смел и бесстрашен, а совершает свои подвиги ради прекрасной «дамы». Лео Фробениус приходит к выводу, что эпическое предание сонинке не африканского происхождения, а скорее всего является привнесенным извне. Он полагал, что происхождение этого эпоса имеет много общего с героическим эпосом урало-алтайских народов. Л. Фробениус был убежден, что народное творчество африканцев ограничивается басней, сказками, рассказами о животных, пословицами и поговорками, а эпические произведения им недоступны. К сожалению, такого мнения придерживались многие известные африканисты Европы. Например, Карл Майнхоф считал, что в Восточной Африке эпос возник под влиянием арабов, а африканцы имели только некоторые его зачатки. Переводы с африканских языков фольклорных текстов отличались большой степенью европеизации. В середине XX в. стали выходить работы, которые

опровергали установившиеся взгляды, но они не смогли полностью опровергнуть сложившееся ложное мнение.

Д. А. Ольдерогге не разделял точку зрения Лео Фробениуса. Дмитрий Алексеевич пишет большую, обзорную статью «Об изучении эпоса народов Африки. Современное состояние». В ней он критикует книгу немецкого африканиста Л. Фробениуса «Типы культуры Западного Судана», в которой приведены образцы героического эпоса сонинке. Он доказывает, что предположение немецкого африканиста совершенно необоснованно и не выдерживает научной критики. Л. Фробениус опирается на произвольные сопоставления разных географических названий, сопоставления, недопустимые с лингвистической точки зрения. Известно, что немецкий ученый не владел ни одним африканским языком, но делал в своих работах слишком смелые заключения, не подтверждаемые наукой. «Рыцарские сказания в изложении Фробениуса, — пишет Д. А. Ольдерогге, — имели характер эпоса средневековой Европы, где выступали прекрасная Дама, отважный Герой, совершавший ради нее свои подвиги, и Певец с чертами Трубадура»¹. Дмитрий Алексеевич выступал против исправления оригинальных фольклорных текстов африканцев и их европеизации в угоду вкусам и теориям переводчиков. О знаменитом немецком ученом он говорил: «Er war kein akademischer Gelehrter, aber er war mehr als ein Gelehrter — er war ein Poet», т. е. «Он не был академическим Ученым, но он был больше, чем Ученый — он был Поэтом» (перевод с нем. — *И. Т.*)².

Дмитрий Алексеевич встречался со знаменитым немецким ученым во время своей научной командировки во Франкфурте-на-Майне. Он оставил свои воспоминания об этой встрече. «Не скажу, что он принял меня сердечно — он не столь открыт, — но дружелюбно, мы беседовали, точнее, я почтительно слушал, спрашивал, а он произносил монологи, торжественно, взмахнув рукой,

¹ Ольдерогге Д. А. Об изучении эпоса народов Африки. (Современное состояние) // Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983. С. 266

² Дмитрий Алексеевич вспоминает // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М., 2002. С. 188.

приказал Fräulein — какой-то из его сотрудниц — распахнуть дверцы шкафа и показал мне тысячи карточек — выписки из книг (die Zetteln), основу его атласа: «Все это в Вашем распоряжении. Я Вам разрешаю всем этим пользоваться»¹. Лео Фробениус приглашал Д. А. Ольдерогге в экспедицию в Южную Африку в горы Мамоно. К сожалению, этому не суждено было сбыться. По возвращении из командировки Дмитрий Алексеевич был арестован. Супруга Дмитрия Алексеевича Ирина Андреевна Осницкая вспоминает, что в течение жизни Д. А. Ольдерогге менял свои оценки научной теории Фробениуса. «От резкого осуждения его мистицизма и идеализма к внимательному рассмотрению его космогонической теории и отражению времени и пространства в культуре — и, конечно, всегда высоко ценил его экспедиционную деятельность»².

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге мечтает познакомить советских читателей с одним из знаменитых эпических произведений Западной Африки «Сундьятой». В предисловии к книге «Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры» он писал: «Однако чрезвычайно важные для историка эпические сказания об исторических личностях и героях, вроде Сундьята, Мари Джата, Фаран Бере, остаются по существу неизвестными. Одной из самых настоятельных задач, стоящих перед исследователями культуры народов Судана, несомненно является изучение богатого эпоса манде, сонгаев и фульбе»³.

Первые записи эпического предания «Сундьята» были сделаны арабскими путешественниками. До наших дней сохранились рукописи этих записей на арабском языке. В XIX в. появляется первая фиксация сказания на французском и немецком языках, сделанная европейскими путешественниками, солдатами, миссионерами,

¹ Там же. С. 188.

² Осницкая И. А. Послесловие к публикации фрагмента «Лео Фробениус» // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М., 2002. С. 206.

³ Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV–XIX вв. Очерки по истории и истории культуры». М.; Л., 1960. С. 4.

колониальной администрацией. Однако эти тексты представляют собой вольный пересказ всего произведения или отдельных его эпизодов.

Лео Фробениусом были переведены и изданы несколько эпических произведений африканских народов. Он был одним из первых европейских ученых, кто записал предание народов манде о Сундьяте. Его версия носит вольный литературный пересказ, далекий от устного оригинала. Обращает на себя внимание неразвернутая тема подвига эпического героя, сводимая им к перечислению сражений Сундьяты с царем кузнецов Сумаоро, в результате чего Сундьята становится царем Манде. Более того, дальнейшие завоевания Сундьяты, приведшие к расширению государства и созданию могущественной державы, по версии Л. Фробениуса были вызваны стремлением Сундьяты отомстить за нанесенные ему оскорбления. Сундьята версии Л. Фробениуса — скорее сказочный, чем эпический герой¹. Таким образом, вариант эпоса «Сундьята» Лео Фробениуса во многом уступает устным версиям знаменитых гриотов и версиям других африканских и европейских ученых как из-за снижения образа главного героя, так и всего пафоса предания.

Позднее сказание о великом герое Сундьяте было систематически изложено гвинейским историком Джibriлем Тамсиром Нианем и гвинейским писателем Камара Леем. Тексты версий обоих авторов во многом идентичны: сюжетная линия, действующие лица, географические реалии, хроника войны Сундьяты с Сумаоро. Вероятно, это две записи единой версии, но каждый автор внес свои коррективы. Текст, опубликованный Дж. Т. Нианем в 1960 г. в Париже на французском языке², записан им со слов гриота Мамаду Куяте в селении Джелиба Коро округа Сигири. Этот вариант наиболее близок устному оригиналу предания. Дж. Т. Ниань собрал несколько вариантов этого эпоса от гриотов области Диома и Хамана (Гвинея) и от гриотов деревни Кейла. Кроме издания эпического предания «Сундьята» перу гвинейского историка при-

¹ Котляр Е. С. Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985.

² Niane Dj. T. Soundiata ou l'épopée mandingue. P., 1960.

надлежат научные исследования и статьи, посвященные великому герою манденгов.

Версия Камара Лея была записана им в 1963 г. со слов гриота Бабу Конде из области Хамана округа Куруса. Она имеет яркую авторскую трактовку, большую исламизацию, а также беллетризацию текста. Этот красивый литературный пересказ героического эпоса является личным вкладом знаменитого писателя в увековечивании памятника устного народного творчества. Несмотря на это версия текста Камара Лея в отдельных эпизодах более выдержана в канонах официальной традиции. Автор перечисляет в тексте княжества, династии, сопровождая их исторической и генеалогической сводкой, что обязательно для устного исполнения. «В некоторых отношениях текст Камара Лея полнее текста Нианя — большая подробность в изложении отдельных мотивов, описаний эпизодов, ситуаций. Однако вышеупомянутые факторы, нарушая цельность изложения, снижают художественную ценность текста»¹. В настоящее время официально насчитывают более 60 версий «Сундьяты». К многочисленным собирателям и исследователям предания о Сундьяте можно отнести М. Делафосса, Ш. Монтея, Ж. Видаля, Г. Иннеса, М. Сидибе и др. Все эти авторы писали на европейских языках, поэтому исчезла стихотворная форма сказания. Оригинальный текст состоит из стихов, определяемых не рифмами, акцентами или определенным количеством слогов, а музыкальным ритмом, который должен сопровождаться игрой на струнных музыкальных инструментах. Тексты «Сундьяты» на европейских языках написан в прозе.

В 1963 г. в издательстве «Художественная литература» под редакцией Д. А. Ольдерогге выходит сказание манденгов «Сундьята» на русском языке. Дмитрий Алексеевич хотел познакомить отечественных читателей с жанром эпической прозы африканских народов.

¹ Котляр Е. С. Интерпретация эпического предания о Сундьяте сказителями манденгов (Западная Африка) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность. М., 1994. С. 255.

Вместе с В. Капраловой он переводит полный текст сказания о Сундьяте с французского языка. Д. А. Ольдерогге выбрал для перевода на русский язык версию, изданную Джбрилем Тамсиром Нианем, не случайно. Дело в том, что Дж. Т. Нианей в предисловии к преданию пишет: «Эта книга — прежде всего творение одного безвестного гриота из селения Джолиба Коро в округе Сигири в Гвинее. Ему я обязан всем»¹. Гвинейский историк не приписывает себе авторство, а является лишь переводчиком гриота. Дмитрий Алексеевич имел возможность услышать песни гриотов о Сундьяте и записать со слов потомков рода Канте Сумаоро сказания о Сумаоро грозном противнике Сундьяты. Дж. Т. Ниань в своем переводе постарался передать красоту стиля изложения гриота. Эта верность традиционному изложению была более близка Дмитрию Алексеевичу, чем версии европейских ученых.

В настоящем переводе он дает много сносок, которые помогают читателю открыть неизвестную культуру, быт, обычаи манденгов. К самой книге он написал предисловие, в котором дает описание истории создания «Сундьяты», приводит исторические, географические, этнографические сведения о стране Древнего Мандинго и его населении. Дмитрий Алексеевич считал, что эпические предания интересны прежде всего своими подробностями, которые во многом помогают понять историю народа.

«Сундьята» по праву является вершиной эпического жанра в фольклоре не только народов Африки, но и мирового фольклора. В этом произведении рассказывается о жизни и подвигах манденгского правителя средневекового государства Мали Сундиаты Кейта. В нем изображены реальные события, которые происходили в середине XIII в. на территории этого государства. Мали до Сундьяты представляло собой небольшое княжество, бывшее вассалом сначала средневековой Ганы, а затем царства Сосо. Расширение границ и возвышение Мали началось с царствования Сундиаты Кейта (1230–1255 гг.).

¹ Сундьята. Мандингский эпос. М., Л., 1963. С. 7.

Народная память хранит много рассказов о Сундьяте. Рождение героя было предсказано колдуном-охотником, который пришел к его отцу и объявил мансе Маган Кон Фатта, что он должен взять в жены чудесную девушку-буйволицу, которую приведут к нему два охотника. Она подарит правителю необыкновенного наследника, которому суждено стать великим правителем. Это предсказание вскоре исполнилось. Сундьята был рожден женщиной-буйволицей Соголон. Появление на свет легендарного героя сопровождалось рядом знамений: черные тучи закрыли небо, раздались удары грома и молнии, полил дождь. Ранее детство будущего «повелителя мира» было печальным. Сундьята был немощным калекой, не мог ходить и только волочил ноги по земле. Когда ему исполнилось семь лет, он чудесным образом исцелился и превратился в богатыря и великого охотника. «Рождение» богатыря сопровождается следующими действиями. Он просит принести ему самый тяжелый и крепкий посох. Шестеро кузнецов с трудом приносят его. Сундьята, опираясь на посох, сгибает его, и тот превращается в лук. Затем он вырывает с корнем баобаб и приносит его матери. Он стал вызывать зависть у других наследников и был вынужден бежать с матерью и сестрой из страны. В изгнании Сундьята в совершенстве овладел военным искусством и магией. Он возглавил борьбу с завоевавшим его страну царем-кузнецом Сумаоро, коварным и грозным противником. С помощью магии ему удалось победить колдуна, носившего одежды из кожи людей. Сундьята восстанавливает государство, расширяет его границы. Он остался в памяти народа как справедливый и мудрый правитель.

Предание о Сундьяте остается популярным произведением в Западной Африке. По мотивам эпоса снимают фильмы, ставят спектакли. Исследователи африканского эпоса различают «официальные» сказания и народные легенды. К «официальным» версиям предания относятся сказания о Сундьяте, хранимые гриотами. Они продолжают оберегать и передавать предание о великом герое Сундьяте. Существует много вариантов этого произведения. История не сохранила имя первого автора героического эпоса «Сундьята»,

потому что устные традиции не имеют авторства. Гриоты знают имена лишь выдающихся мастеров своего дела. Кроме того, каждое «прочтение» гриотом эпоса имеет свою вариацию, которая зависит от места исполнения, публики, времени, настроения и т. д. Они отличаются большей статичностью текста, а также стремятся быть более исторически правдивыми, чем народные легенды. Однако «официальные» версии предания о Сундьяте нередко существенно разнятся между собой. Главным отличием является список предков и потомков легендарного героя, которым начинается повествование эпоса. По мнению Е. С. Котляр это «объясняется в значительной мере тем, что различные школы традиционалистов согласовывали генеалогию клана, который они «обслуживали», с родословной Сундьяты, через его сыновей или других родственников»¹. Вторым большим отличием является отражение некоторых исторических событий, описанных в предании. В зависимости от региона, каждый гриот стремился не просто передать, а зачастую приукрасить те исторические события, которые происходили в родном ему краю. Необходимо отметить, что произведения гриотов не являются продуктом спонтанного творчества. Это произведения, созданные трудом искусных профессионалов. Если гриот обнаруживает высокий творческий потенциал и его мастерство высоко оценивается в кругу коллег, то его прочтение знаменитого эпоса принимает индивидуально-авторский статус, свойственный письменно-литературным произведениям. Российский африканист, специалист по языку и литературе фульбе Антонина Ивановна Коваль считает, что «язык профессиональной гриотской литературы с его развитым синтаксисом, богатейшим словарем, высоким уровнем метафоричности, теснейшим образом связанный как с народно-поэтической стихией, так и с традиционной классической ученостью, может служить готовым прообразом сублимированной языковой формы для авторов, предпринимающих первые попытки создания литературных и, особенно, литературно-художественных текстов»².

¹ Котляр Е. С. Эпос народов Африки южнее Сахары. М., 1985. С. 139.

² Коваль А. И. Эпос и литература фульбе. М., 1990. С. 4.

После выхода в свет книги «Сундьята», Д. А. Ольдерогге не оставил работу над эпосом манденгов. Им был собран обширный источниковый фонд. Не все из собранного материала было представлено во вступительной статье и в сносках книги. Работу над эпосом «Сундьята» Дмитрий Алексеевич продолжил, написав статью «Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки». В этой статье он пишет о положении кузнеца у народов Западного Судана. В настоящее время кузнецы составляют одну из низших каст в социальной иерархии народов Западной Африки. Они исключены из числа полноправных членов общества. Люди их боятся, но уважают. Дмитрий Алексеевич, предполагает, что такое отношение к ним есть результат исторических условий. «До появления ислама в странах Западного Судана кузнецы пользовались уважением, как и во всей остальной части Тропической Африки. Они были интеллигенцией тех времен, знатоками и хранителями традиций рода и племени, религиозными наставниками юношей. Однако с принятием ислама царями и знатью древних государств изменилось положение кузнеца»¹. В народной памяти сохранились сказания о том времени, когда кузнец был «первым человеком». Ярким примером служит сказание о Сундьяте. Одним из главных героев этого предания является царь кузнецов народа сосо Сумаоро. Людская молва приписывает ему много сверхъестественных способностей. Он неуязвим для железа, может внезапно исчезать и появляться в разных местах, умеет принимать 69 различных обликов. Сумаоро предстает в произведении антиподом Сундьяте. Он имеет неприятную внешность, скверный характер, он зол, завистлив и жесток. Сумаоро казнит людей, оскорбляет стариков, похищает женщин и девушек. В эпосе описывается борьба Сундьяты с Сумаоро, т. е. борьба добра и зла. После долгой и упорной борьбы Царь кузнецов превращается в скалу. Он не был побежден, а стал жертвой предательства. Дмитрий Алексеевич пишет: «Эта замечательная легенда доказывает, что Сумаоро не чужак, не представитель чужеземных завоевателей, но великий царь-кузнец.

¹ Ольдерогге Д. А. Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки // Эпигамия. Избранные статьи. М., 1983. С. 260.

Вся эта легенда представляется мне отражением борьбы двух начал — древней африканской культуры и новых общественных отношений, установившихся в Судане при переходе от древнего родового общества к государству»¹. Таким образом, Д. А. Ольдерогге на своем примере доказывает, что фольклор можно и нужно использовать для исследования доколониальной истории и культуры народов Западной Африки. На основе фольклорных текстов также можно проследить и выявить истоки рождения некоторых обычаев и обрядов.

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге был широко образованным человеком и талантливым ученым. Он оставил большой след в отечественной африканистике. Всестороннее и подлинно научное исследование трудов Дмитрия Алексеевича и его вклад в изучение культуры и мировоззрения африканских народов является предметом будущих серьезных исследований. К сожалению, переводы уникальных фольклорных текстов доколониальной Африки мало востребованы. Фольклорные тексты, изданные Д. А. Ольдерогге, давно не переиздавались. Многие из них редко можно найти в библиотеках страны. Хотелось бы пожелать молодым ученым обратить внимание на фольклор африканских стран и продолжить важное дело, начатое Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге!

Contribution of D. A. Olderogge to the Study of the Epic Tradition of the Peoples of West Africa

Abstract: The article analyzes the contribution of D. A. Olderogge to the study of West African folklore. The views of D. A. Olderogge on African folklore, his criticism of the views of the German Africanist Leo Frobenius are considered. The focus is on “The Epic of Sundyat”, the most striking example of the West African heroic epic poem.

Keywords: D. A. Olderogge, oral tradition of Africa, Leo Frobenius, epic about Sundyata.

¹ Ольдерогге Д. А. Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки. С. 262–263.

И. И. Филатова

Дмитрий Алексеевич Ольдерогге и извилистая история карасса

Аннотация: В статье автор делится своими воспоминаниями о многолетнем сотрудничестве с Д. А. Ольдерогге. В статье впервые публикуются три письма Д. А. Ольдерогге автору, в которых обсуждается произведение Курта Воннегута «Колыбель для кошки» и используемый в нем термин «карасс». Обсуждение затрагивает важные темы современной науки и отражает некоторые философские и личные взгляды Д. А. Ольдерогге на окружающую действительность.

Ключевые слова: Д. А. Ольдерогге, «Колыбель для кошки», «карасс», письма Д. А. Ольдерогге.

Я познакомилась с Дмитрием Алексеевичем в 1967 году. По окончании второго курса студентам Института восточных языков при МГУ полагалась производственная практика «в стране изучаемого языка». Я училась в группе суахили, и, поскольку возможностей попасть в какую бы то ни было из тех заветных стран, в которых на этом языке говорили, у нас не было, то Светлана Яковлевна Берзина, читавшая у нас курс этнографии и древней истории

Африки, организовала нам вместо Танзании или Кении поездку в Ленинград. Мы ходили по тем разделам Эрмитажа, в которых посетители обычно не задерживаются — палеолит, неолит, древность, нумизматика и т. д. Причем водили нас по ним не просто экскурсоводы, а хранители именно этих коллекций, чрезвычайно знающие и увлеченные люди.

Но главной целью поездки был, конечно, Этнографический музей¹, и прежде всего его африканские коллекции. Здесь нам разрешили не только смотреть, но и почти все потрогать, а кое-что и примерить и на некоторых инструментах поиграть. Это был полный восторг. Побывали мы, конечно, и на Востфаке Ленинградского университета, познакомились со своими будущими коллегами.

Апофеозом этого незабываемого месяца в Ленинграде был визит к Дмитрию Алексеевичу. Перед массивной дверью его кабинета мы оробели и долго не решались ее открыть, но хозяин был очень гостеприимен и доброжелателен. Сам он говорил мало, и экзамена ни по хамитской теории, ни по Гринбергу устраивать нам не стал. Усадил нас перед собой и начал подробно расспрашивать, кто и что нам читает, чем мы занимаемся, какие курсовые пишем. Я только что закончила тогда свою первую курсовую работу — «Религиозные верования зулусов». Дмитрий Алексеевич сказал по этому поводу: Южная Африка — это вообще-то не Африка, но зулусы — это все-таки Африка. Конечно, он выразил эту мысль куда более академично и изящно, но смысл был именно такой.

После этого я неоднократно слушала выступления Дмитрия Алексеевича на конференциях, но познакомилась с ним более близко лишь гораздо позднее, очевидно в середине 1970-х годов, когда я уже преподавала историю Африки на кафедре африканистики в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Обстоятельств этого знакомства я не помню, но подозреваю, что они были чисто практическими. Дмитрий Алексеевич часто приезжал отдыхать

¹ Музей антропологии и этнографии.

в Узкое, дом отдыха АН СССР, а Аполлон Борисович Давидсон, мой научный руководитель и коллега по кафедре, обычно ездил навестить его там. В середине 1970-х годов у меня появилась машина, и Аполлон Борисович, наверно, попросил меня отвезти его туда.

С этого времени мы встречались с Дмитрием Алексеевичем регулярно, хотя и не часто — и в Узком, и во время его других визитов в Москву, и во время моих поездок в Ленинград. Иногда это были прогулки по городу, иногда я бывала у Дмитрия Алексеевича и Ирины Андреевны дома, иногда они бывали у Аполлона Борисовича, и тогда он приглашал и меня. По крайней мере однажды Дмитрий Алексеевич был и у меня дома. Это всегда были очень приятные и интересные встречи. Дмитрий Алексеевич был остроумен, неформален, часто весел, иногда язвительен. Круг его чтения был феноменальным, а память — удивительной. Мог сказать, например: «Из меня лезет Блок», и потом минут сорок читать Блока на память. Было интересно слушать его пикировку с Давидсоном по поводу событий в Академии, его рассказы о ее прошлом, о Потехине, Шийке и многих других. О себе он говорил редко и мало, во всяком случае со мной; с Аполлоном Борисовичем, судя по его словам, был более откровенен.

Я никак не могу причислить себя к ученикам Дмитрия Алексеевича: его мало интересовала политическая история колониальной и постколониальной Африки, которой я тогда занималась, а меня совсем не интересовали африканские системы родства и языковые классификации африканских языков.

Но интересы несколько сблизилась в начале 1980-х годов, когда я начала заниматься социальной историей Кении второй половины девятнадцатого — начала двадцатого века, то есть перерастанием доколониальных общественных структур этого региона в колониальное общество. И разговоры, и переписка с Дмитрием Алексеевичем по этому поводу дали мне очень многое и помогли выработать свое видение колониализма и понимание этого явления.

О колониальном обществе и африканской государственности я потом писала немало, и тема эта интересует меня до сих пор. Конечно, Дмитрий Алексеевич пришел и к идее колониального общества как «особого типа социального развития», охватившего «целый век колониального порабощения Африки, в течение которого в колониях складывались условия предопределившие дальнейшие судьбы развития новых свободных государств», задолго до этих разговоров. Впервые единственная его статья на эту тему была опубликована в 1973 г.¹, но, как знать, может быть моя увлеченность этой тематикой и бесконечные разговоры на эту тему и подтолкнули его к решению включить ее в важный сборник 1983 г.²

Первые сохранившиеся у меня письма Дмитрия Алексеевича относятся к 1976 г., последние — к 1986-му. В этой выборке публикуются письма (одно полностью и два в выдержках), в которых Дмитрий Алексеевич упоминает тему «карасса». «Карасс» — термин из романа Курта Воннетуга «Колыбель для кошки», который я прочитала, очевидно, в 1983 г. и впечатлениями о котором поделилась с Дмитрием Алексеевичем. Тема эта задела его настолько, что после первого упоминания он возвращался к ней в разных контекстах еще дважды на протяжении двух следующих лет. Каждое из этих возвращений немало говорит о нем, как о личности и как об ученом.

Текст писем воспроизведен, насколько я могла понять почерк Дмитрия Алексеевича, точно, за одним исключением: знаки препинания, прежде всего, запятые, но иногда и точки, тире и кавычки пришлось расставлять «по уразумению» и в соответствии с правилами современной грамматики: Дмитрий Алексеевич их зачастую попросту игнорировал — то ли второпях, то ли не считая такие детали важными. Их отсутствие, однако, всерьез затруднило бы

¹ Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии народов Африки (постановка проблемы) // Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973. С. 3–11.

² Эпигамия. Избранные статьи. М.: Наук, ГРВЛ, 1983. С. 181–190.

понимание текста. Скобки воспроизводились в той форме оригинала, снова за единственным исключением: вместо квадратных скобок, которые я использовала для своих пометок в тексте (например, [?]), пришлось ставить косые (например, /мнение свое я напишу в конце/).

6-III-1983 г.

По поводу карасса. Это остроумное и верное замечание. Вообще этот американец — наблюдателен, остер, но — все это «наброски». Стиль журналиста.

Все же хотелось бы хорошего ростбифа с приправой — а здесь одна приправа — жгучая, острая, с намеками на ростбиф, но его нет — он подразумевается. М.б. это стиль *fin de siècle* (XX в.). Спешка, скорость почти сверхзвуковая — что-то недодумано, а я отдыхаю не на Диккенсе (имею ввиду замедленность действия), а на основательных рассуждениях оболганного у нас Канта, Шеллинга и В. Гумбольдта, которого у нас еще не знают по существу. Простите, что я сближаю литер. и философию, но опять-таки из-за краткости письма...

...Товарищ — обращение революционное, но связано с товарным производством, коллега — напротив, хотя и старомодно, но означает со-читатель, *lego* «читаю». Это по карассу ближе.

Ленинград

1-XI-1984 г.

Дорогая Ирина Ивановна!

В Узком — еще в начале года — на земле, помнится мне, что кое-где лежал снег — словом в апреле — у нас зашел разговор о мировых вопросах, в чем-то мы согласились, и Вы сказали — «мы одного карасса».

Слово это было мне неизвестно, хотя я смутно вспоминаю его, но в ином значении. Вы разъяснили мне, что оно употреблено и выдуманно одним американским писателем. Его имя я слышал, но никогда не читал. Вернувшись домой, узнал, что И. А. купила его книги — я узнал, в чем дело, но все это уводит меня в сторону. /Мнение свое я напишу в конце/.

Я долго вспоминал, почему слово это было мне знакомо, хотя этого писателя я не знал.

И вот по этому поводу пишу Вам. Это целая история, которая, быть может, будет Вам интересна. К тому же она покажет Вам, как переплетаются судьбы людей и в науке. Передо мною лежит оттиск из *Oxford Slavonic Studies* за 1975 г., полученный мною после переписки с одним лингвистом африканистом из Оксфорда:

The Sad and Curious Story of Karass 1802–1985 (by Jones, M. V., Lecturer in Russian, University of Nottingham.)

Началось с того, что я, желая восполнить недостаток наших сведений об исторической грамматике африк. языков, а это необходимое условие для ее построения, обратил внимание на списки слов, встречающихся в старинных путешествиях, отчетах, репортажах, описаниях Африки, начиная с португальских и испанских хроник вроде *Barros. Da Asia*¹, и т. д. Собирал их я давно, много лет подряд, кое-что напечатал, теперь краткие отражения этих работ в печати — вводная глава (неб. книжка, по существу) — об истории изучения африканских языков (в книге, сданной в изд-во «Языки Африки» <75 а. л.>).²

¹ Joao de Barros (1496–1570), один из первых португальских историков. Автор трехтомной истории португальцев в Азии (прежде всего, в Индии) и северо-восточной Африке, *Décadas da Ásia* («Decades of Asia»), 1552, 1553, 1563.

² Видимо, речь идет о книге: История изучения африканских языков. М.: Наука, 1990. Неясно, однако, почему книга, сданная в издательство в 1984 г. была опубликована только в 1990-м, уже после смерти Дмитрия Алексеевича.

Собирая все эти данные, узнал, что в Англии этим же занимается лингвист *Hair* — но он меня т. ск. «обогнал» — в его распоряжении Брит. Музей, рукописные собрания, и он работал в Лондоне, Хартуме, в Зап. Африке, и т. д. Как бы то ни было, и я нашел самый первый словарик языка суахили — остававшийся неизвестным английским языковедам, хотя он был издан в британском, *Naval Journal*^e за 1812 г. <там м. прочим нашел статью о том, что войска Наполеона взяли Москву — в разделе «новостей»>. Нашел его по списку в архиве Крузенштерна, издал статью в ФРГ <потом его изд. и у нас>¹. Словом, *Hair* узнал обо мне и просил навести справки: он изучал язык сусу, а первый миссионер, занимавшийся им и описавший его — был отозван из миссией в Лондон и направлен на Сев. Кавказ, где ему <точнее, руководству миссией> была разрешена проповедь англиканства среди «дикарей» Кавказа. Вся история эта имела свои сложности духовно-политического характера. Словом, мой шотландец сусувед приехал в Россию, и в окрестностях Пятигорска обосновалась миссия, надавала какие-то переводы богослужебных книг, и т. п. Затем этот [?] африканский миссионер — там и скончался. *Hair* попросил меня навести справки.

Действительно, около Пятигорска до наших дней сохраняется местечко, называемое Шотландкой. Почему — ? Никто не знал. Литературоведы знали, что эту Шотландку навещал М. Ю. Лермонтов, интересовавшийся шотландскими своими предками. Я послал своего сотрудника — поискать там следы кладбища. Увы! Все разрушено, осталось несколько плит с англ. надписями фамильными, прочесть что-либо трудно, книги церковные — исчезли, а храм превратился в кино². Снимок этот я не решился послать *Hair*'у, сообщив, что кладбище после войны, да и все вокруг разрушено, есть несколько могил, но гробницы автора грамматики яз. сусу — найти невозможно.

Оказывается, Шотландка — это бытовое название, а селение, где эта миссия находилась, называлось Karass.

¹ Так в оригинале.

² На поле, напротив этого предложения — вставка: «Он сделал несколько фотографий — вид ужасный!»

Это название и вспоминалось мне, когда Вы заговорили о карассе.

На картах и в отчетах писали о миссии в Карассе. Все это я сообщил моему коллеге и получил от него в изъяснение благодарности книгу *Language and History in Africa*¹, книгу, которой нет у нас в библиотеках и кот. оказалась очень полезной.

Вот примерно на этом я мог бы кончить. Но потом на мое имя для лермонтоведа В. А. Мануйлова² пришел отгиск с просьбой передать ему — история Карасса, Лермонтова и шотландцев миссионеров.

Вот какие неожиданные связи и воспом. возникли у меня в связи с Вашим американским писателем.

Вероятно слово это он выдумал, а м.б. нашел его где нб. и применил его к своим писаниям.

Мнение мое о его сочинениях. Начало интересно, но далее фантазия его иссякает, и он начинает нагнетать ужасы безвкусно, и к нему вполне можно отнести слова Л. Н. Толстого по поводу Леонида Андреева — «он пугает, а мне не страшно»³.

Перечитал я Чехова (Припадок, Скучная история, Невеста, Архиерей...). Насколько американец этот кажется наивным и детским со всеми его ужасами. Дело в том, что ужасы в обыденной жизни, они вокруг нас, и мы не видим их, а это ужасы. Фантазия современная — смешная пошлость, в большинстве случаев.

P. S.

И летучие мыши, и Шекспир, и Овидий
для того, кто их слышит,
для того, кто их видит.

¹ Скорее всего, речь о книге: Dalby D., ed. *Language and History in Africa: Collected Papers Presented to the London Seminar on Language and History in Africa* (Library of African Language & Literature). London: Frank Cass, 1970.

² Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987). Советский литературовед, специалист по творчеству М. Ю. Лермонтова.

³ Считается, что эта часто цитируемая фраза передает скорее отношение Л. Н. Толстого к творчеству Леонида Андреева, чем прямую цитату: по словам специалистов в его архиве таких слов нет.

Оттого все на свете
и грустят о поэте.

(Гумилев.)

Написано по памяти и не вполне точно. Первая строка — м. б. двумя. Что-то пропускаю.

28/XI/85 Ленинград

...Итак, я избежал упрека в невежливости, оборвав это письмо, только из-за того, что лист кончился. Другое дело, когда нечего — ну это дело другое¹ (хотя может быть еще худшее?) А тут как на зло есть многое, о чем можно написать, и чтобы закончить достойно, разрешите обратить Ваше внимание на одно место из Мыслей Паскаля: «Люди, будучи не в силах подчиняться справедливости, нашли справедливым подчиняться силе».

Основание дано у него в оригинале точнее: «Справедливость всегда вызывает споры, сила же всегда бесспорна. Не найдя возможности установить господство справедливости, люди пришли к соглашению признать силу справедливостью».

Мысль удивительная, я перечитал потом его жизнь — жизнь сложная — Фронда, Ришелье, Мазарини, Людовики etc. Сказал мне об этом (т. е. «мыслях») один коллега по клинике, с которым мы проговорили немало часов о философии. Таким образом, в глазной клинике я исцелил не только глаз, но и поучился кое-чему. Паскалевы мысли были давно у меня, но я не находил там ничего выходящего за рамки взглядов Пор Руаяля² и его идео-

¹ Так в оригинале.

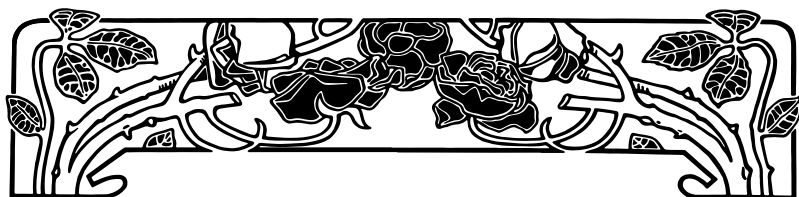
² Так в тексте. Аббатство Пор-Рояль было центром янсенизма, движения в католицизме в XVII—XVIII вв., ассоциировавшегося с анти-абсолютизмом и выступавшего против ультрамонтанизма, т. е. полного подчинения светских властей католической Европы власти папы. Янсенисты не признавали, однако, полной свободы и воли личности. Янсенизм преследовался и был позже осужден как ересь. Паскаль был видным идеологом янсенизма.

логии. А вот и там оказались весьма примечательные слова. Это много лучше американского «карасса». Глубже и выстрадано им — Паскалем.

Dmitry Alekseevich Olderogge and the Meandering History of Carass

Abstract: In the article, the author shares his memories of many years of collaboration with D. A. Olderogge. The article for the first time publishes three letters by D. A. Olderogge to the author, which discuss Kurt Vonnegut's work "Cradle for a Cat" and the term "karass" used in it. The discussion touches on important topics of modern science and reflects some philosophical and personal views of D. A. Olderogge on the surrounding reality.

Keywords: D. A. Olderogge, "Cradle for a cat", "karass", letters of D. A. Olderogge.

РОССИЙСКАЯ
АФРИКАНИСТИКА:
НАСЛЕДИЕ
ОЛЬДЕРОГГЕ

А. Ю. Желтов

Африканистика в Ленинграде-Петербурге

Аннотация: Статья представляет собой попытку проанализировать истоки, развитие и специфику ленинградской-петербургской африканистики. В первой части статьи представлен краткий исторический очерк истории африканистики в Ленинграде-Петербурге, взаимодействие музейной, научной и университетской африканистической традиции. Во второй части делается попытка проанализировать проблемы африканистики в исторической перспективе и в наши дни, проследить преемственность этапов развития изучения Африки и определить их связанность с общественно-политическим дискурсом.

Ключевые слова: африканистика, Д. А. Ольдерогге, история африканистики, Ленинград — Петербург, проблемы африканистики и современность.

1. Краткий исторический очерк

Петербург является заметным центром африканистики не только для России, но и в более широком масштабе: петербургская африканистика представляет собой один из очень немногих научно-академических кластеров, в котором объединяются

музейные коллекции, научный отдел и университетская кафедра, специализирующиеся на изучении Африки — таких центров во всем мире очень немного. При этом их история тесно связана друг с другом и с именем Д. А. Ольдерогге, сыгравшего важную роль в образовании и развитии ленинградского-петербургского центра африканистики. Принимая во внимание историческую взаимосвязь всех институций ленинградской-петербургской африканистики, представляется целесообразным представить их в контексте общего взаимодействия и развития.

Известно, что африканистика, как правило возникает в ситуациях, когда есть определенный политический запрос на изучение Африки: основные центры африканистики возникают в академических центрах европейских метрополий. И в российской истории были попытки проникновения в Африку с политическими целями. Еще в 1723 г. Петр Первый отправил два корабля российского флота под общим командованием Вице-Адмирала Даниэля Вильстера из Ревеля на Мадагаскар (и, если удастся, далее в Индию) с целью установления контактов с одним из пиратских вождей, обосновавшихся на острове и искавших покровительства сильных европейских держав, в частности, соперника Петра в Европе — шведского короля Карла. Однако шторм не позволил кораблям выйти из Балтийского моря, и экспедиция была отложена, а, в итоге, так и не состоялась (Россия и Африка 1999: 11–12). Российские корабли в первый раз пересекли экватор только в начале XIX в. В конце XIX в. Н. И. Ашиновым была предпринята попытка основать колонию «Новая Москва» в районе нынешнего государства Джибути, но и она потерпела неудачу (см., например, Гусарова 2019). В этом же контексте можно привести цитату из докладной записки Российского Императорского Министра-резидента в Абиссинии К. Н. Лишина от 12 июня 1902 г. по поводу возможности опеки российского правительства над организованным там российским искателем приключений отставным гвардии поручиком Н. С. Леонтьевым коммерческим обществом, законность деятельности которого была весьма сомнительной: «Эксплуатация нами богатств

Экваториальных провинций без законного на это права могла бы иметь некоторый материальный успех, но нанесла бы страшный удар нашему моральному воздействию на Абиссинию. Кроме того, Императорское правительство, руководимое принципами законности и справедливости, не может допустить нарушения этих принципов Обществом, находящимся под его покровительством.» (Россия и Африка 1999: 229) Таким образом, получается, что «геополитические» проекты в Африке у России не очень получались, что, возможно, очень положительно отражалось (и отражается) на образе России в Африке в стратегической перспективе. Приведенная выше цитата представляется актуальной и в наше время.

Таким образом, научный интерес к Африке в России и, прежде всего, в Петербурге не был связан с какими-то политическими запросами. Отечественная наука проявила интерес к африканским языкам уже в XVIII в. В одной из рукописей М. В. Ломоносова, посвященной родству языков, упоминается «готтентотский язык»; есть сведения, что ученый интересовался системой эфиопского письма. В знаменитом четырехтомном издании «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный» содержится материал по 33 языкам народов Африки (Сравнительные словари 1787–1789).

Начало преподавания африканских языков можно отнести к первой трети XIX в., когда в 1829 г. в Харьковском университете Б. А. Дорн (1805–1887) ввел курс древнеэфиопского языка геэз. В дальнейшем развитие эфиопской филологии связано с Петербургским университетом, профессором которого стал академик Дорн. Традиции эфиопистики мирового уровня развивали далее такие выдающиеся ученые как академик Б. А. Тураев, академик И. Ю. Крачковский. С изучения эфиопского языка начинал свою творческую деятельность известный гебраист и семитолог П. К. Коковцов. Российская наука по праву гордится достижениями в области египтологии и коптологии. Огромную роль в мировой науке сыграли В. С. Голенищев, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук О. Э. Лемм, начавший

в 1887 г. преподавание египтологических дисциплин и коптского языка, его ученик Б. А. Тураев, возглавивший созданную впервые в России в 1918 г. специальную университетскую кафедру египтологии. Деятельность этих (и других) ученых не только создала основу для дальнейших исследований в области египтологии и эфиопской филологии, но и позволила на этой основе перейти к изучению языков и культур Тропической и Южной Африки (Olderogge 1993: 113–123). Таким образом, российская африканистика зародилась в недрах классического востоковедения. Нельзя не отметить и российские экспедиции в Африку, главным образом, северо-восточную, В. В. Юнкера, А. К. Булатовича, Н. С. Гумилева, В. А. Догеля. Африканский поэтический цикл Н. С. Гумилева оказал влияние на формирование своеобразного «романтизированного» взгляда на Африку у российской интеллигенции.

Интересно, что важные этапы развития петербургской африканистики, действительно, не были связаны с какими-то политическими событиями, а интерес к Африке имел, прежде всего, научный характер. Первое поступление африканских этнографических предметов в Кунсткамеру относится к 1838 году. Позже африканские коллекции постоянно пополнялись, но только в 1911 г. на работу был принят их первый профессиональный куратор Я. В. Чекановский (известный антрополог, участник экспедиции в Центральную Африку в 1906–1909 гг.), который занялся регистрацией африканских коллекций и написал путеводитель по залу Африки (1912). Сейчас африканский фонд Музея насчитывает более 13 000 предметов и более 5000 единиц хранения фотоиллюстративных коллекций. Значительная часть коллекции оцифрована. Экспозиция зала Африки включает около 1300 единиц хранения.

Научный отдел Африки был учрежден в МАЭ 2 ноября 1929 г., и руководителем его был назначен Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987), ставший впоследствии одним из ведущих создателей научной школы отечественной африканистики. Главные усилия своих сотрудников и учеников Д. А. Ольдерогге направил, во-первых, на изучение и издание письменных источников по

истории и этнографии Африки южнее Сахары доколониального периода (арабские — В. В. Матвеев, Л. Е. Куббель и М. А. Толмачева, китайские — В. В. Вельгус, испанские и португальские — О. С. Томановская, античные — Ю. К. Поплинский, эфиопские — С. Б. Чернецов, суахильские — В. М. Мисюгин, А. А. Жуков, хаусанские — Н. А. Добронравин), а во-вторых, на изучение живых африканских языков (К. И. Поздняков, В. Ф. Выдрин). К. И. Поздняков оказал большое влияние на формирование африканской лингвистики в Ленинграде-Петербурге как уже вполне самостоятельной научной области, а также сыграл важную роль в установлении плодотворного творческого взаимодействия с московскими лингвистами. Шла активная работа по составлению словарей как источников для изучения культуры народов Африки. В 60-х годах XX века вышли суахили-русский и хауса-русский словари, работа в этой области была продолжена: в 1999 г. вышел первый том манден-русского и манден-английского словарей. В 2008 году опубликованы два словаря языка дан — восточного дан (В. Ф. Выдрин, Кесе Моньан) и западного дан (А. В. Эрман, Ло Жафэ). С 1970-х годов в отделе начинаются углубленные исследования проблем этносоциальной истории Африки в контексте теории Д. А. Ольдерогге о колониальном обществе как этапе в этническом развитии народов Тропической Африки (Д. А. Ольдерогге, Н. М. Гиренко), изучение феномена родства (Н. М. Гиренко, В. Р. Арсеньев, В. А. Попов), роли традиции в современном социуме (В. В. Бочаров). Не остается без внимания и работа по изучению музейных коллекций и истории их собирания (З. Л. Пугач, А. В. Эрман, В. Н. Семенова, А. Ю. Москвитина (Сиим)). Еще одна традиция отдела Африки — внимание к проблематике межэтнических конфликтов и поисков их предупреждения (Н. М. Гиренко, В. Г. Узунова). Н. М. Гиренко был не только выдающимся экспертом в области межнациональных отношений и противодействия национализму, но и автором целого ряда научных концепций (стадиальная гетерогенность, дихотомия культурного и социального), которые сохраняют актуальность и в наши дни.

Следует также упомянуть публикации эфиопских средневековых хроник и книг по истории и культуре Эфиопии С. Б. Чернецовым, заведующим отделом Африки в 2001–2005 гг.

Таким образом, для научных исследований ленинградской-петербургской африканистики традиционно характерен междисциплинарный историко-филологический подход. Правда, сфера его применения в Африке к югу от Сахары ограничивается тремя основными регионами, где до прихода европейцев существовала письменная традиция: Эфиопия, восточноафриканское побережье (суахили), район Северной Нигерии (хауса). Неслучайно, что именно амхарский, суахили и хауса были первыми языками Африки к югу от Сахары, преподавание которых началось в Ленинградском университете. Именно здесь по инициативе известного ассириолога и специалиста по общему языкознанию А. П. Рифтина (1900–1945), лингвиста, арабиста и семитолога Н. В. Юшманова (1896–1946) и египтолога Д. А. Ольдерогге (1903–1987) в 1934–1935 учебном году в преподавание впервые были введены африканские языки (суахили, хауса, амхарский) и другие учебные дисциплины, связанные с Африкой. В 1939 г. состоялся первый выпуск профессионалов-африканистов в нашей стране. В 1944/45 учебном году в Ленинградском университете был воссоздан Восточный факультет. В его составе была организована кафедра египтологии и африканистики, которую возглавил член-корреспондент Академии наук, профессор Н. В. Юшманов. После его безвременной кончины (2 апреля 1946 г.) по представлению академика И. Ю. Крачковского заведующим кафедрой стал Д. А. Ольдерогге, впоследствии член-корреспондент Академии наук (1960 г. — Дмитрий Алексеевич стал первым членом-корреспондентом — африканистом). В первые трудные послевоенные годы им удалось привлечь в Университет крупных ленинградских египтологов, а также своих учеников. Вместе с Т. Л. Тютрюмовой и И. П. Строгановой они создавали, по существу, новую кафедру, которая вскоре получила нынешнее название — кафедра африканистики.

В рамках классической филологической традиции находится и интерес к различным письменным источникам об Африке, работа

над которыми была инициирована Д. А. Ольдерогге. Крупным специалистом по суахилийской словесности, сочетавшей интерес к языку, письменным памятникам и литературе, был А. А. Жуков, который заведовал кафедрой африканистики ЛГУ/СПбГУ после Д. А. Ольдерогге с 1987 по 2006 годы. Очевидно, что данная традиция остается актуальной и в наше время.

Однако традиционная филология в ее применении к африканскому материалу имеет очевидные ограничения. Подавляющее большинство регионов и языков оказываются за рамками данного метода — отсутствуют письменные памятники. Понимание данной проблемы привело к инициированному еще Д. А. Ольдерогге интересу к исследованию этнографии, фольклора и языков — дисциплин, которые существенно меньше, чем, например, филология или история, зависят от наличия письменных источников. Это нашло свое отражение в большом количестве языковых занятий в учебных планах кафедры, созданию словарной группы в Кунсткамере. Интерес к этнографии подкреплялся существовавшей в России традицией этнографического описания народов Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Определенным этапным моментом было введение на кафедре африканистики преподавания языков манде. Именно это направление, основанное С. И. Томчиной, является и сейчас наиболее развитым с собственно лингвистической точки зрения, главным образом, благодаря руководимой В. Ф. Выдриным лингвистической экспедиции в Западную Африку, которая работает с 2001 г. В 2012–2014 гг. под руководством А. Ю. Желтов проходила лингвистическая экспедиция в Нигерию по изучению языков и культур адамауа — гипотетическая семья малоизученных языков в составе макросемьи нигер-конго. В ходе работы был собран материал по языкам и культуре нескольких этнических групп провинции Адамауа, приобретены интересные объекты для пополнения африканской коллекции МАЭ РАН. В лингвистическом направлении африканских исследований заложен большой потенциал — в Африке распространено около 2000 языков (около 1/3 всех языков мира), многие из которых не описаны, или недо-

статочны описаны. При этом собственно лингвистический подход небесполезен и для языков с относительно старой письменной традицией — возможность классического филологического анализа текстов на хауса, суахили или амхарском не исключает необходимости тщательного анализа, например, системы тонов в хауса, суахилийской именной классификации или амхарского синтаксиса.

Сейчас кафедра африканистики СПбГУ готовит специалистов по истории, этнографии, фольклору, искусству, литературам, языкам Африки. Кафедра включает четыре специализации: отделение языков и культуры Восточной Африки (эфиопистика), отделение языков и культуры Восточной Африки (суахили), отделение языков и культуры Западной Африки (хауса), отделение языков и культуры Западной Африки (языки манде)

В качестве основных языков преподаются амхарский, бамана, суахили, хауса, а в качестве дополнительных — геэз, манинка, киньяруанда; также на всех специализациях изучается арабский язык. На кафедре преподавали (или преподают) Т. Л. Тютрюмова, Г. А. Балашова (Папышева), С. Б. Чернецов, В. М. Платонов, В. С. Ягья, В. Н. Семенова, С. А. Французов (эфиопистика), И. П. Строганова, И. П. Яковлева, В. М. Мисюгин, А. А. Жуков, Н. М. Гиренко, А. Ю. Желтов, А. С. Зданевич, А. Ю. Москвитина (Сиим) (суахили), Н. С. Людковская, Н. А. Добронравин, А. В. Ляхович, Е. С. Власенкова (хауса), С. И. Томчина, В. Ф. Выдрин. О. Ю. Завьялова, А. В. Давыдов (языки манде). Работают на кафедре и носители африканских языков: Мэдхын Тефери Айеле (амхарский) и Валенс Манирагена (киньяруанда). Курсы по антропологии читают В. В. Бочаров и В. А. Попов.

Видимо, можно сказать, что формирование африканистики в Москве больше находилось под влиянием политических событий, но, очевидно, что следует говорить лишь о некоторой тенденции, а не о жестком противопоставлении. На современном этапе противопоставление московской и петербургской африканистики, в принципе, вряд ли целесообразно. Гораздо важнее личностный фактор и традиции определенных направлений. Для лингвистов

подобное противопоставление, например, вообще не характерно, да и вряд ли возможно. Между кафедрами африканистики в Москве и Петербурге установились тесные дружеские отношения.

По инициативе Д. А. Ольдерогге с 1959 года начал регулярно выходить «Африканский этнографический сборник», где публиковались статьи сотрудников отдела этнографии Африки и кафедры африканистики. Эта традиция возобновилась после 16-летнего перерыва в 2008 г. с выходом «Африканского Сборника — 2007» (сборник выходил 1 раз в 2 года). Его формирование было приурочено к Читаниям памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге, проходящим в Санкт-Петербурге раз в два года, но не было привязано жестко к программе конференции. Данное издание представляет собой синхронный срез современных российских исследований в различных областях изучения Африки и открыто для всех научных и академических центров российской африканистики. К 2019 г. вышло 7 сборников (последний сборник вышел в 2019 г. в новом формате — как специальный выпуск журнала «Кунсткамера»). С 1993 по 1997 г. вышло 6 номеров англоязычного журнала «St. Petersburg Journal of African Studies» под редакцией В. Ф. Выдрина. При участии отдела этнографии Африки МАЭ РАН в 2020 году начал выходить регулярный международный журнал «Language in Africa» (13 выпусков к настоящему моменту).

Петербургское сочетание африканистических институций уникально для России (в мире подобным комплексом обладают, пожалуй, только Париж, Лондон и Гамбург) и создает возможности для тесного сотрудничества музея, академической и университетской науки и образования (все сотрудники отдела преподают в университете и являются выпускниками кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ). Данная практика реализуется на протяжении десятилетий и была заложена Д. А. Ольдерогге. Опора на кафедральные кадры и привлечение специалистов из смежных дисциплин позволила Д. А. Ольдерогге собрать большой коллектив, способный осуществлять масштабные (например, словарные и источниковедческие) проекты, охватывающие различные регионы, культуры и языки Африки. Опора на фундаментальное

образование, поддержание международных контактов и слабая зависимость от идеологического прессинга (классики марксизма не писали об Африке) позволила многим коллегам активно включиться в общественную проблематику в период распада СССР и после него, внося в общественные дискуссии научный подход.

2. «Африканистика Ольдерогге» и «африканистика после Ольдерогге»: динамика проблем

Уход из жизни Дмитрия Алексеевича совпал с революционными переменами в нашем обществе, которые, в значительной степени, повлияли и на африканистику. Практически вся жизнь Д. А. Ольдерогге пришлась на советский период нашей истории, который, по сути, закончился как раз в конце 80-х годов прошлого века. Таким образом, внутренняя периодизация ленинградской-петербургской африканистики, связанная с личностью Ольдерогге, накладывается на периодизацию внешних общественных событий, что позволяет сравнить характер проблем африканистики для этих периодов.

Очевидно, что общественная среда оказывала существенное воздействие на деятельность Д. А. Ольдерогге и руководимые им институции. С одной стороны, биография Д. А. Ольдерогге включает службу в Красной Армии, с другой — дворянское происхождение, кадетский корпус, отец в эмиграции и расстрелянный в 1931 г. дядя — известный генерал Красной Армии.

Важным моментом в научной биографии Д. А. Ольдерогге была научная стажировка в Германии и Бельгии в 1927–1928 гг., в ходе которой он встречался с известными африканистами Лео Фробениусом и Дитрихом Вестерманом. Подобная международная школа и установленные связи оказали влияние на сохранение некоторых международных контактов, получение иностранной литературы даже в годы т.н. «железного занавеса», что было важным для формирования ленинградской-петербургской африканистики.

Сложность академической среды в сталинский период (среди многих репрессированных ученых были и африканисты — Эндре

Шик, Г. К. Данилов, И. Л. Снегирев, М. Б. Рабинович и др. (Давидсон 2011)), с одной стороны, существенно осложняло публикационную деятельность Дмитрия Алексеевича (в некоторые годы он не публиковался совсем), а, с другой стороны, способствовало выбору научной тематики, избегавшей острых тем современности, и концентрации на изучении традиционного общества, доколониальных культур, языков, текстов, что не только позволяло избегать прямой конфронтации с доминирующим общественным дискурсом (что облегчалось крайне незначительным интересом классиков марксизма-ленинизма к Африке), но и создавало определенную академическую «глубину» исследований.

Наиболее успешные годы в деятельности Ольдерогге пришлись на период «оттепели», который совпал с резко возросшим интересом к Африке на фоне получения африканскими странами независимости. Именно на эти годы приходится подавляющее большинство зарубежных поездок Д. А. Ольдерогге, включая поездки в Африку (Египет, Сенегал, Мали, Эфиопия). В 1960 г. он первым из африканистов получает звание члена-корреспондента АН. Существуют разные гипотезы, почему после 1968 г. Дмитрий Алексеевич стал «невыездным» (высказывания о событиях в Чехословакии во время конференции в Японии в 1968 г., не санкционированная остановка в Европе после вручения ему премии Хайле Селассие в Эфиопии в том же году). В его архиве есть письмо в Академию наук, в котором он пытается узнать о причинах его уже очередного «недопуска» на международную конференцию. Но несмотря на личные сложности, ему удается сохранять научность и неангажированность тематики ленинградской африканистики и некоторые международные контакты.

К сложностям советского периода относятся и проблемы в доступе к полевым исследованиям в Африке: сегодня студентам трудно объяснить невозможность свободного выезда за границу, но для африканистов советского времени такой возможностью были лишь поездки с практическими, а не научными целями — в качестве переводчиков, сотрудников культурных центров и т. д. С другой

стороны, политическая неангажированность и отсутствие свободного доступа к полевому материалу способствовали тенденции серьезных теоретических дискуссий, которая характеризует поколение учеников и младших коллег Дмитрия Алексеевича. Я еще студентом застал переходный этап от советской африканистики к новой российской, и могу засвидетельствовать, что никакого «слома научной парадигмы», характерного для гуманитарной науки периода «перестройки» в ленинградской африканистике не требовалось — она и так была вполне независимой и, в каком-то смысле, «свободной». Не случайно многие африканисты оказались вовлечены в бурный поток открывшихся политических дискуссий, внося в него свои научные взгляды и подтверждая идею о том, что, изучая Африку, мы очень многое понимаем и про самих себя, и про нашу социально-политическую реальность.

Новое время открыло новые возможности: с трудом поддерживаемые международные контакты превратились в полноценное вхождение в мировой научный процесс, открылась возможность полноценной полевой работы в Африке. В годы, когда считалось, что Россия из Африки «ушла» (имелось в виду сокращение и ослабление политических контактов и интереса к Африке), научная африканистика, наконец, до Африки «добралась» — появилась возможность полноценной полевой работы, конечно, осложняемая проблемами с финансированием. Это способствовало большей специализации — естественному процессу развития научного знания. Оказалось, что российские африканисты (по крайней мере в сфере африканской лингвистики) вполне востребованы и конкурентноспособны в глобализированном научном пространстве. При этом экономические сложности вызывали серьезные проблемы с оттоком научных кадров, что, впрочем, компенсировалось высоким уровнем мобильности и свободой передвижения. В какой-то степени, доступность полевого материала и необходимость его обработки вызывали проблемы в разработке новых теоретических идей и концепций. Африканистика, в некоторой степени, «атомизировалась», что отражает естественный процесс научной специализации

при накоплении нового материала для научного осмысления. В контексте все большего внимания к «наукометрии» африканские исследования сталкиваются с проблемой невозможности высокой «цитированности» при серьезном превышении числа изучаемых языков, культур и этносов над числом ученых-африканистов.

Следует отметить, что, пока петербургские африканисты рефлексировали над сопоставлением африканистики «эпохи Ольдерогге» с «африканистикой после Ольдерогге», которая воспринималась как «сегодняшний день», маятник общественных процессов в очередной раз «качнулся», возвращая африканистику, в какой-то степени к временам Ольдерогге. На смену отношения к Африке как к периферии мирового политического процесса пришел серьезный интерес к ней со стороны акторов мировой политики. Этот процесс должен бы вызывать чувство удовлетворения — я долгое время пытался объяснять, что в современном мире единого информационного пространства (как бы не относиться к глобализации, информационная глобализация — это реальность) проблемы Африки касаются всех. Однако очень хотелось бы, чтобы этот интерес не рассматривал Африку, ее страны и народы как «мячик» в очередном турнире по «геополитическому футболу»: Африка — это, прежде всего, люди нашего не очень большого общего мира со своими судьбами, историей, культурой, языками, про которые мы знаем еще далеко не все, а не источник ресурсов и голосов в ООН. Мне кажется, что именно подобный подход является продолжением традиций африканистики, заложенных Д. А. Ольдерогге.

Список источников и литературы

1. Гусарова Е. В. Воспоминания капитана Нестерова об экспедиции Ашинова в Абиссинию. Кунсткамера, № 4(6), 2019. С. 81–88.
2. Давидсон А. Б. Репрессированная африканистика. Африканский сборник — 2011, СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 14–20.
3. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. 1960 г. Т. 1. М., 1999.

4. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные деснищей всевысочайшей особы. Санкт-Петербург, 1787–1789.

5. Olderogge, D. A. The study of African languages in Russia. St. Petersburg Journal of African Studies, 1993. № 1. P. 113–123.

African Studies in Leningrad-Petersburg

Abstract: The article is an attempt to analyze the origins, development and specifics of Leningrad-Petersburg African studies. The first part of the article presents a short historical essay on the history of African studies in Leningrad-St. Petersburg, the interaction of the museum, scientific and university African studies tradition. In the second part, an attempt is made to analyze the problems of African Studies in the historical perspective and today, to trace the continuity of the stages of development of the study of Africa and determine their connection with socio-political discourse.

Keywords: African studies, D. A. Olderogge, history of African studies, Leningrad-Petersburg, problems of African studies and modernity.

А. С. Балезин

Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН

Аннотация: Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН был создан А. Б. Давидсоном 1 декабря 1971 г. как сектор истории Африки. Основными направлениями исследований сотрудников Центра были и остаются источниковедение и историография стран Тропической и Южной Африки, история российско-африканских связей и африканские колониальные общества. Под руководством академика А. Б. Давидсона за полвека своего существования сотрудники Центра выпустили более 70 индивидуальных и коллективных монографий, провели множество научных конференций. Прочитали множество лекций в России и за рубежом. Работы центра отличает объективность и научная честность.

Ключевые слова: Центр африканских исследований, А. Б. Давидсон, история Африки, африканистика.

Вот уже более полувека Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН создает труды — индивидуальные и коллективные, которые получают высокую оценку коллег в нашей стране. Вот как видится вклад этого научного коллектива из-за рубежа:

«Центр африканских исследований ИВИ и созданные им труды редко упоминаются в зарубежных исследованиях советской и пост-советской африканистики, хотя являются ее большой и важной составляющей. Видимо, они не укладываются в стереотип «советского африканиста». Да и пост-советского тоже. Особость центра — в устойчивом противостоянии идеологическим доминантам, политическим веяниям и академическим модам разных эпох, которые он пережил, от «классового подхода» до постмодернистского новояза. На протяжении пяти десятилетий своего существования центр выбирал для своих исследований и публикаций темы и направления, в которых мог сказать и сделать что-то новое и значимое. И подходил к ним с максимальной объективностью и научной честностью, без которых невозможна профессия историка. Подогнать этот вклад в африканистику под стереотипы «советской и пост-советской африканистики» трудно (Филатова 2021: 58–59).

История Центра началась 1 декабря 1971 г., когда в Институте всеобщей истории АН СССР под руководством профессора А. Б. Давидсона был создан сектор истории Африки. Так в Отделении истории Академии Наук вновь появилось научное подразделение, занимающееся проблемами истории Африки.

Создание Института Африки в 1959 г. подразумевало, что историей Черного континента будут заниматься именно в этом научном учреждении. В частности, в Институт Африки в полном составе был переведен из Института востоковедения созданный там в 1956 г. Отдел Африки. Однако, возникнув в составе Отделения истории АН СССР, в 1962 г. Институт Африки был переведен в Отделение экономики, и исторические исследования оказались вне магистрального направления его развития.

Это и подвигло Аполлона Борисовича на мысль о создании научного подразделения по изучению истории Африки в недрах отделения истории Академии Наук, а именно в Институте всеобщей истории — том самом, где он когда-то закончил аспирантуру. В этом институте, а вернее — в Институте истории АН СССР, из которого он выделился, существовали некоторые традиции по

изучению Черного континента, так что возник сектор Африки там не на пустом месте (Давидсон 2006).

При создании Сектора истории Африки его заведующий выдвинул несколько главных принципов, сформулированных на основе негативного опыта его работы в Институте Африки как бы от противного. Этих принципов он старался, насколько это было возможно, твердо придерживаться и впоследствии:

- не заниматься проблематикой, непосредственно связанной с политической конъюнктурой, например, такими темами, как «некапиталистический путь развития» или «социалистическая ориентация» в Африке;
- исследовать проблемы истории африканских народов, опираясь на возможно широкий круг первоисточников;
- формировать состав сектора из людей, получивших специальную африканистскую подготовку и, как правило, владеющих африканскими языками.

Тогда же сформировались основные направления работы нового научного коллектива, в рамках которых и до сих пор ведут свои индивидуальные и совместные исследования его сотрудники:

- источники и источниковедение африканской истории;
- историография Африки;
- Россия и Африка;
- Африканские колониальные общества.

Первыми сотрудниками сектора стали Р. Р. Вяткина, на много лет ученый секретарь и Г. В. Цыпкин. Георгий Викторович Цыпкин, видный специалист в области истории Эфиопии, выпускник ИСАА, владеющий амхарским языком, и поныне остается действующим сотрудником Центра африканских исследований. А. Б. Давидсон же стал единственным беспартийный заведующим сектором в гуманитарных институтах Академии Наук.

Сейчас в Центре африканских исследований работают начавшие свой путь с аспирантов выпускники кафедры африканистики ИСАА А. С. Базезин и С. В. Мазов. Среднее поколение представляют Л. В. Иванова, также выпускница кафедры африканистики

ИСААА, и А. В. Воеводский. Младшее — аспиранты К. И. Попова, А. В. Лазарев и Н. В. Боркунов.

Последние несколько лет своей жизни проработала в нем Гера Ивановна Потехина (1926—1979), наш известный африканист-литературовед, первой в мире поставившая университетский курс истории литератур Черной Африки. Ее труд присутствовал практически в каждой публикации тех лет, даже если там и не стояла ее фамилия.

С 1976 по 2009 г в Центре работал В. П. Городнов (1929—2009), который предпочел должность старшего научного сотрудника у нас должности заведующего сектором Юга Африки в Институте Африки РАН. В разный период в секторе работали В. Е. Овчинников, А. М. Пегушев, И. Е. Синицына, Б. А. Шабаев и Н. Г. Щербаков.

Активное участие в работе сектора принимала И. И. Филатова, в те годы — преподаватель, а затем профессор ИСАА при МГУ, зав. Кафедрой африканистики. Ныне И. И. Филатова живет в ЮАР, но продолжает активное сотрудничество с нами, заслуженно получив официальный статус ассоциированного члена нашего научного коллектива.

В 1977 г. появилась первая коллективная работа сектора — «Источниковедение африканской истории» (Источниковедение...1977). В этой книге проводился анализ доступных для отечественных африканистов типов и видов источников, с особым вниманием к источникам на важнейших африканских языках, издавна имеющих письменность — суахили, хауса и амхарском. Характерно, что книга открывается статьей патриарха нашей африканистики Д. А. Ольдерогге (1903—1987) об африканских языках как особом историческом источнике (Ольдерогге 1977). К его научному наследию мы постоянно обращаемся до сих пор. Едва успев выйти, книга тут же стала бестселлером.

Такая же судьба была уготована и следующей коллективной монографии сектора «Историческая наука в странах Африки» (Историческая... 1979). Эта книга была посвящена анализу взглядов на историю африканских народов ученых в самой Африке и получила, как и первая, высокую оценку коллег.

Сотрудники молодого сектора и сами в основном были молоды и неопытны, они называли себя «Клубом тридцатилетних», и в работе над первыми двумя книгами вокруг сектора сложилась группа более опытных друзей и соавторов. С нами сотрудничали известные ученые, начиная с Д. А. Ольдерогге, а также Н. А. Ерофеев (1907–1996), Л. Е. Куббель (1929–1988), С. Я. Берзина (1932–2012), Л. О. Голден (1934–2010), Н. Б. Кочакова (1932–2014), В. А. Бейлис и другие.

Помимо общих работ в те годы выходили и индивидуальные монографии — Р. Р. Вяткиной (Вяткина 1976), Г. В. Цыпкина (Цыпкин 1980) и другие. Их авторы проходили целую школу работы над рукописью на всех стадиях, и всегда очень много сил вкладывал в этот процесс ответственный редактор А. Б. Давидсон. Сам он в те годы выпустил в соавторстве с В. А. Макрушиным две книжки о русско-африканских дореволюционных связях (Давидсон, Макрушин 1975, 1979), открывших новое направление исследований сектора — Россия и Африка.

Мне принадлежит честь быть первым очным аспирантом сектора: пришел я туда осенью 1975 года. Время было не самое лучшее — в частности, в институте прошла кампания по осуждению его сотрудника А. М. Некрича за крамольную по тем временам книгу «1941, 22 июня». Однако атмосфера внутри сектора резко отличалась от довольно мрачной общеинститутской. Обсуждались интересные темы, приходили сотрудники других секторов Института, зарубежные историки-африканисты, в том числе из самой Африки, африканские политические деятели, оказавшиеся в Москве. Приглашались самые разные люди, побывавшие в Африке: такие поездки были тогда большой редкостью, и рассказы о них помогали сотрудникам сектора быть ближе к реальностям континента.

На исходе 1970-х годов, однако, в связи с изменением обстановки в институте, жизнь сектора, складывавшаяся так удачно и плодотворно была прервана. На расширенном заседании партбюро направления научной деятельности сектора объявлялись неправильными. Сотрудники сектора пытались возражать, но однажды они были поставлены перед фактом: сектор истории Африки был перефор-

мирован в сектор истории колониализма, «доукомплектован» лояльными начальству сотрудниками из других подразделений Института и получил нового заведующего — германиста Б. М. Туполева. От него мы с удивлением узнали, например, что «нет такой науки — африканистики». А. Б. Давидсон перешел на работу в Институт востоковедения, где заведовал сектором национальных проблем.

В течение четырех с лишним лет жизнь бывших сотрудников сектора Африки осложнялась различными испытаниями — трудностями с защитой диссертаций, с утверждением трудов к печати, отказом в приеме на работу аспирантов, даже «политическим» персональным делом. Они пытались протестовать, дошли до Отдела науки ЦК КПСС.

Когда новой дирекции стал очевидна бесплодность сектора колониализма, африканистов рассредоточили по разным секторам. Но все мы сохраняли верность своим научным и человеческим идеалам и старались не утратить веру в торжество справедливости.

Благодаря усилиям А. Б. Давидсона в 1984 году Сектор истории Африки был восстановлен почти в прежнем составе и с прежней научной программой под руководством его создателя. Затем статус сектора постепенно повышался: он стал Отделом истории Африки, а позднее — Центром африканских исследований. Сотрудники сектора продолжили свою работу, публикуя для начала все то, что сделано было за эти тяжелые для них годы. (Цыпкин 1984, 1985, Овчинников 1986, Балезин 1986).

В 1985 г. вышел коллективный труд «Изучение истории Африки. Проблемы и достижения» (Изучение... 1985), составленный в секторе истории колониализма в значительной части из статей и переводов работ африканистов из ГДР, подготовленных сотрудниками сектора истории Африки.

Своеобразным итогом исследований колониальной истории ряда стран Африки стала вышедшая в 1993 году книга группы сотрудников Центра «Колониальное общество Тропической Африки» (Колониальное общество... 1993). В этом коллективном труде развивается выдвинутая Д. А. Ольдерогге идея о колони-

альном обществе как особом типе социальности — выяснилось, что на самом разном африканском материале получены сходные результаты, которые мы и попытались обобщить¹. Оформление тома подчеркивало его преемственность с первыми двумя коллективными трудами сектора, но сделан он был уже практически без привлечения внешних маститых авторов — за прошедшие годы мы сами набрались знаний и опыта.

За годы, прошедшие с момента воссоздания сектора, вышли и индивидуальные монографии его сотрудников — часть из них явилась осуществлением результатов работы в прежние годы, а часть — результатом новых исследований. (Цыпкин 1988, Гордонов 1989, Давидсон 1992, Мазов 1993 и др.)

А. Б. Давидсон участвовал в крупном и престижном международном проекте — восьмитомной Всеобщей истории Африки, изданной под эгидой ЮНЕСКО. Он был одним из всего трех наших соотечественников, удостоившихся этой чести. Его перу принадлежит раздел в седьмом томе, посвященном периоду 1880–1935 гг. (Davidson 1985).

В эти годы была заложена новая традиция регулярного проведения конференций по истории Африки, которые поначалу назывались рабочими совещаниями. Тема первого такого рабочего совещания, посвященного памяти Г. И. Потехиной (апрель 1986 г.) — «Африканская интеллигенция: исторические судьбы и общественная роль».

Значительным событием в этом ряду стала международная конференция «Африка в мировой истории», состоявшаяся в конце мая 1990 года. Она была проведена Сектором совместно с Кафедрой африканистики ИСАА, Союзом Советских обществ дружбы и Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки. Это была первая в нашей стране конференция, специально посвященная именно истории Африки. На ней впервые присутствовало очень много зарубежных ученых-африканистов — до 70 человек, и впервые в нашу страну приехала представительная (более 10 человек) делегация ученых из ЮАР.

¹ См. подробней (Балезин 2021)

В условиях рыночной экономики мы все же находили возможности регулярно проводить международные конференции, вызывавшие научный резонанс. Начиная с конференции 1999 г., приуроченной к 70-летию А. Б. Давидсона (Евроцентризм 2000), мы стали публиковать их материалы.

Изменения в жизни нашего Отечества открыли для нас все новые и новые возможности для исследования истории Африки. Во-первых — широкий доступ к зарубежным центрам африканистики, как на Западе, так и в самой Африке. Так, А. Б. Давидсон, получил возможность вести исследовательскую работу в Йельском университете США и Университете им. Родса в г. Грэхемстаун в самой ЮАР. Г. В. Цыпкин работал в Эфиопии и был первым иностранцем, познакомившимся с материалами Национального архива этой страны еще на стадии его формирования. С. В. Мазов работал в Национальных архивах США и Соединенного королевства. А. С. Балезин дважды работал в архивах Намибии и в Танзанийском национальном архиве, а также в европейских хранилищах документов — Федеральном архиве ФРГ, Заморском архиве Франции и Архиве Берлинского миссионерского общества. Результатами таких поездок стали как индивидуальные монографии, так и разделы в коллективных трудах. (см., напр., Балезин 1996, Мазов 2008).

Большую роль в расширении научных связей сотрудников Центра со странами Юга Африки сыграл Центр российских исследований Кейптаунского университета, организатором и директором которого в 1994—1998 гг. был А. Б. Давидсон. Благодаря деятельности этого Центра наши сотрудники получили и другие, не менее важные возможности. Так, появилась возможность работать в архивах ЮАР и использовать их материалы в своих публикациях в России и за рубежом, а также публиковать свои работы в Южной Африке по-английски. В частности, в 1998 г. там была издана объемная, прекрасно иллюстрированная книга А. Б. Давидсона и И. И. Филатовой «Русские и англо-бурская война 1899—1902» (Davidson, Filatova 1998). Эта книга получила самые высокие оценки коллег как в ЮАР, так и в нашей стране.

Большое значение для Центра африканских исследований имело открытие ряда фондов отечественных архивов, и его сотрудники стали проводить много времени в РГАНИ, Архивах МИД России — дореволюционном и послереволюционном, Госархиве Российской Федерации (ГАРФ) и других. «Пилотной публикацией», отражающей некоторые результаты этой работы стал специальный выпуск «Вестника МГУ»: «Архивные документы по истории Африки и российско-африканских отношений» (Архивные документы, 1996)

Затем последовали более весомые издания документов: «Россия и Африка. Документы и материалы в двух томах» (Россия и Африка... 1999) и недавний фундаментальный третий том, посвященный 1960-м годам (Россия и Африка... 2021). Новым воплощением использования возможностей работы как в отечественных, так и в зарубежных архивах стали книги «Коминтерн и Африка» (Коминтерн... 2003), изданная на русском языке в России и двухтомный фундаментальный сборник документов «Коминтерн и Южная Африка» (South Africa... 2003), вышедший на английском языке в Великобритании.

Важным итогом многолетней работы Центра африканских исследований стало издание трехтомной «Истории Африки в документах» (История Африки... 2005–2007). Эта фундаментальная публикация материалов, в том числе архивных документов, в частности, из африканских архивов и в переводах с африканских языков, охватывает узловые моменты истории Африки с 1870 по 2000 год и дает источниковую базу для не одного поколения будущих историков-африканистов

С получением доступа к архивным документам в Центре нашла дальнейшее развитие и тема истории российско-африканских связей. Была подготовлена и издана книга А. Б. Давидсона, С. В. Мазова и Г. В. Цыпкина «СССР и Африка. 1918–1960 (Давидсон 2002). Большой отклик получили монографии С. В. Мазова «(Мазов 2008, 2015), в частности, значительная часть монографии С. В. Мазова 2008 г. была издана в США в английском переводе (Mazov 2010). В 2010–2012 гг. вышли книги А. Б. Давидсона

и И. И. Филатовой по истории российско-южноафриканских связей (Давидсон, Филатова 2010, Филатова, Давидсон 2012). Немудрено, что это фундаментальное исследование вызвало большой интерес в Южной Африке. Там была издана на английском языке сделанная на его основе книга И. И. Филатовой и А. Б. Давидсона «Скрытая угроза. Россия и Южная Африка в советскую эпоху», на обложке которой приведена ее оценка крупным ученым Дэвидом Вэлшем «Заметное исследование, заслуживающее стать классикой» (Irina Filatova, Apollon Davidson 2013).

Вершиной разработки сотрудниками Центра африканских исследований тематики российско-африканских отношений можно назвать фундаментальный коллективный труд — «Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки», вышедший в 2019 г. (Африка в судьбе... 2019) получивший множество положительных откликов — как устных, на презентации книги в магазине «Библио Глобус», так и письменных (См. Кривушин 2019).

Еще одним фундаментальным коллективным трудом Центра стала вышедшая в 2012 году «История Африки в биографиях», общим объемом в 95 печатных листов под общей редакцией академика А. Б. Давидсона (История... 2012). Издание представляет собой очерки о почти 200 африканских и афроамериканских политиках, мыслителях, деятелях культуры, европейских путешественниках и колониальных администраторах — тех, кто создавал современную Африку южнее Сахары, начиная со второй половины XIX в.

Особой гордостью Центра является кропотливый интерес к нашим предшественникам — африканистам, привитый А. Б. Давидсоном. О них наши сотрудники издавна писали отдельные статьи (см., напр. Вяткина 1993), а в 2003 г. вышла фундаментальная коллективная монография «Становление отечественной африканистики». (Становление... 2003). В этой книге не только рассказывается о судьбах, порой трагических, советских африканистов в 1920-е — начале 1960-хх гг., но и анализируются достижения и заблуждения тех лет. Почетное место в книге естественным образом занимает статья А. Б. Давидсона о Д. А. Ольдерогге,

дополненная публикацией ряда интересных документов из архива МАЭ и семейного архива Дмитрия Алексеевича (Давидсон 2003).

Итогом многолетних исследований проблем исторической самоидентификации африканцев, их отношений с Западом и Россией стал коллективный труд «*Rac Africana: континент и диаспора в поисках себя*» (Rac Africana... 2009). Своеобразным продолжением исследования особенностей африканской исторической мысли и ее национальных ветвей в их конфликте и взаимодействии с западной исторической традицией явилась еще одна коллективная работа сотрудников Центра — «*Африка: история и историки*». (Африка... 2014). Новым продолжением исследования этой проблематики, в частности — изучения особенностей исторической памяти и исторической политики стала инициированная сотрудниками Центра и в значительной мере состоящая из их статей коллективная монография «*История-поле сражений*» (История — поле... 2015).

Центр африканских исследований не остается в стороне и от новых коллективных проектов Института всеобщей истории, появившихся в недавние годы и выходящих далеко за рамки нашего Института. Это, в частности, новое издание «*Всемирной истории*», новое издание «*Исторической энциклопедии*», а также — масштабный и перспективный проект, осуществляемый Институтom всеобщей истории совместно с Государственным академическим университетом гуманитарных наук — Электронный научно-образовательный журнал «*История*».

Еще один интересный и перспективный проект — Альманах «*Под небом Африки моей*», который Центр африканских исследований выпускает совместно с кафедрой африканистики ИСАА МГУ. Альманах рассчитан на широкую читающую публику и в этом смысле продолжает еще одну традицию Центра африканских исследований — знакомить широкого отечественного читателя с африканской историей, культурой и литературой. С 2000 года вышло уже десять выпусков альманаха. (Под небом... 2000–2022).

По заложенной издавна традиции практически все сотрудники Центра читали спецкурсы и отдельные лекции по истории

Африки на Кафедре африканистики Института стран Азии и Африки МГУ. Еще в прошлом веке, со времени основания этой кафедры в 1960 г. А. Б. Давидсон, а затем Г. В. Цыпкин и А. С. Балезин преподавали новую и новейшую историю Тропической и Южной Африки — основной курс для студентов-африканистов. Г. В. Цыпкин читал также лекции по истории Африки в РУДН и Военном институте Министерства обороны. Ныне А. Б. Давидсон является профессором Высшей школы экономики, А. В. Воеводский преподает в этом учебном заведении и в РАНХиГС, а А. С. Балезин — на работающем на базе ИВИ РАН историческом факультете Государственного академического университета гуманитарных наук.

Сотрудников Центра приглашают читать лекции для студентов и преподавателей многих зарубежных стран. Они выступали в крупнейших университетах Германии, Великобритании, США, а также Эфиопии, Танзании, Намибии, Зимбабве и практически всех университетах ЮАР. Следует особо отметить, что сотрудники Центра читают такие лекции по-английски, по-немецки или на соответствующих африканских языках.

Естественным образом сотрудники Центра африканских исследований участвуют и в подготовке учебных пособий по истории Африки. Практически все они написали разделы для «Истории Африки в 1918–1988 гг.», вышедшей в ИСАА при МГУ (История тропической... 1989). В 2008 г. вышло учебное пособие по новой и новейшей истории Африки А. С. Балезина (Балезин 2008), а в 2010 г. под его редакцией — коллективное учебное пособие «История тропической Африки в новое и новейшее время» (История тропической... 2010), авторами которого были все сотрудники Центра. К 45-летию Центра под редакцией А. С. Балезина, С. В. Мазова и И. И. Филатовой вышло в свет выросшее из этих книг объемное — в 35 печатных листов — издание «Черная Африка: прошлое и настоящее» (Черная Африка... 2016), которое мы позиционируем не только как учебное пособие для студентов, но и как книгу для всех гуманитариев, интересующихся историей Африки.

Центр продолжает организовывать конференции. Среди наших гостей были крупные ученые, представлявшие историческую африканистику Великобритании, Германии, Франции, Восточной Европы и Южной Африки. Из недавних упомяну, в частности, «Миролюбие и миротворчество в Африке 2018 года. В 2019 г. выпустили сборник статей под этим названием, посвятив его 90-летию юбилею Аполлона Борисовича Давидсона (Миролюбие... 2019). К 60-летию Года Африки мы провели научную конференцию под названием «Перелом в истории Африки: ожидания и реальность», а затем вышла коллективная монография под этим же названием (Перелом... 2021). К полувековому юбилею Центра в 2021 году нами была организована конференция «Проблемы истории Африки и Российско-африканских отношений». Ее материалы опубликованы в Электронном научно-образовательном журнале «История» (Проблемы истории... 2022). Наконец, в 2022 г. к юбилеям Г. В. Цыпкина, И. И. Филатовой и А. С. Балезина мы приурочили Всероссийскую научную конференцию «Источники по истории Африки: проблемы, тенденции, перспективы изучения и использования», материалы которой еще ждут публикации.

Сотрудники Центра активно участвовали и участвуют и в конференциях, устраиваемых другими научными центрами у нас в стране и за рубежом¹. С особым удовольствием мы участвуем в Ольдерогговских чтениях, проводимых Кафедрой африканистики СПбГУ каждые два года..

Мы стараемся дать нашим изысканиям некий выход в практику — в преддверии саммита «Россия — Африка» 2019 г. провели совместно с ВШЭ круглый стол под углом зрения уроков, которые можно извлечь из отношений нашей страны с молодыми африканскими государствами в 1960–1970-е гг. А на первом Международном научном форуме «Россия-Африка: политика, экономика,

¹ Об этом, как и о ряде индивидуальных монографий, опубликованных сотрудниками Центра в последние годы см. сетью Балезина «История Центра Африканских исследований» (Балезин 2021), сокращенным и переработанным вариантом которой является данный материал.

история и культура (ноябрь 2020 г.) мы организовали секцию «Россия-Африка: взаимные связи в истории и современности». (Россия- Африка... 2020)¹ На втором и третьем Казанских форумах (октябрь 2021 г. и октябрь 2022 г.) уже его организаторы оставили за нами секцию под таким названием.

Центр Африканских исследований встретил свой полувековой юбилей не только научной конференцией, о которой уже говорилось. В ознаменование этого события Государственная публичная Историческая библиотека организовала выставку коллективных и индивидуальных монографии, выпущенных сотрудниками Центра за 50 лет. А их набралось за эти годы немало свыше семи десятков.

Кроме того, вышла в свет приуроченная к юбилею Центра книга «Мы и Африка» (Мы и Африка 2021) Книга содержит не только научные статьи сотрудников Центра, но и поздравления коллег и друзей, а также воспоминания о непростом пути нашего научного коллектива. Завершает ее полный список книг, выпущенных центром за полвека.

Екатеринбургский профессор А. В. Антошин в своем приветствии Центру подчеркивает: «Противопоставляя работу в архивах пропагандистской легковесности, сотрудники Центра африканских исследований не боятся обращаться к острым темам. Писать не о конъюнктурных, а о подлинно актуальных проблемах. Именно это и ценится в глобальной науке, поэтому А. Б. Давидсон и его ученики — признанные в научном мире специалисты... Добившись статуса одной из ведущих структур в мировой африканистике, сотрудники Центра не «забронзовели», а по-прежнему, как и 50 лет назад: щедро делятся своими знаниями с провинциальными коллегами, помогая последним заниматься популяризацией Африки в регионах нашей страны» (Антошин 2021: 99).

¹ См. «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет 2020,

Список литературы

1. Антошин А. В. Об Африке — интересно и подлинно научно.: к 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН // Мы и Африка. К 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 97–99.
2. Архивные документы по истории Африки и российско-африканских отношений. Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1996. № 3.
3. Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 606 с.
4. Африка: история и историки. Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
5. Балезин А. С. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма. 1862–1962). М.: Наука. ГРВЛ, 1986.
6. Балезин А. С. Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии. 1814–1990. М.: ИВИ РАН, 1996.
7. Балезин А. С. Тропическая и Южная Африка в новое и новейшее время: люди, проблемы, события. Учебное пособие. М.: Университет Книжный Дом, 2008.
8. Балезин А. С. Концепция «колониального общества» Д. А. Ольдерогге и ее развитие африканистами школы академика А. Б. Давидсона // Африканистика в МАЭ РАН: к юбилейным датам. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. LXVIII. СПб., 2021. С. 13–21.
9. Балезин А. С. История Центра африканских исследований // Мы и Африка. К 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 17–42.
10. Вяткина Р. Р. Создание Южно-Африканского Союза. М.: Наука, ГРВЛ, 1976.
11. Вяткина. Р. Р. Имя за псевдонимом. Г. Е. Гернгрос // Азия и Африка сегодня, 1993. № 7.
12. Городнов В. П. Черные жители «белого» города. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.

13. Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилева. М.: Наука, ГРВЛ, 1992.

14. Давидсон А. Б. Африканистика в Институте всеобщей истории — итоги исследований // Новая и новейшая история, 2006, № 5. С. 57–69.

15. Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Облик далекой страны., М.: Наука, ГРВЛ, 1975.

16. Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

17. Давидсон А. Б. Патриарх (Д. А. Ольдерогге) // Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 19670-х. Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. С. 55–73.

18. Давидсон А. Б., Мазов С., Цыпкин Г. СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. Под редакцией Аполлона Давидсона. М.: ИВИ РАН, 2002. 320 с.

19. Давидсон А. Б., Филатова И. Россия и Южная Африка: три века связей М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.

20. Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. Б. Давидсона // Под ред. А. С. Балезина. М.: ИВИ РАН, 2000.

21. Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.

22. Историческая наука в странах Африки. М.: Наука, ГРВЛ, 1979.

23. История Африки в документах (1870–2000 гг.) // Под ред. А. Б. Давидсона. Т. 1 (1870–1919 гг.) ред. Г. В. Цыпкин. Т. 2 (1919–1960 гг.) ред. С. В. Мазов. Т. 3 (1961–2000) ред. В. П. Городнов. М.: Наука, 2005–2007.

24. История Африки в биографиях. Под общей редакцией академика РАН Аполлона Давидсона. М.: РГГУ, 2012.

25. История — поле сражений // Отв. ред. академик РАН Аполлон Давидсон. М.: Собрание, 2015.

26. История Тропической и Южной Африки. 1918–1988 // Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.

27. История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время: Учебное пособие // Отв. ред. А. С. Балезин. М.: ИВИ РАН, 2010.

28. Источниковедение африканской истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.

29. Колониальное общество Тропической Африки: взаимодействие цивилизаций? // Отв. ред. А. С. Балезин и И. И. Филатова. М.: Наука, ГРВЛ, 1993.

30. Коминтерн и Африка. Документы // Сост. В. Городнов. Ред. А. Давидсон. СПб.: Алетейя, 2003..

31. Кривушин И. В. О взаимовлиянии России и Африканского континента. Рец. на книгу: Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63. № 4. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 214–218.

32. Мазов С. В. Парадоксы образцовой колонии. М.: Наука, ГРВЛ, 1993. .

33. Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке. Неизвестные страницы холодной войны М., 2008.

34. Мазов С. В. Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис. 1960–1964. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.

35. Миролюбие и миротворчество в Африке. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона. Сборник статей. М.: Весь Мир, 2019.

36. Мы и Африка. К 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. М.: ИВИ РАН, 2021.

37. Овчинников В. Е. История Танзании в новое и новейшее время. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 289 с.

38. Ольдерогге Д. А. Язык как исторический источник // Источниковедение африканской истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. С. 8–37.

39. Перелом в истории Африки: ожидания и реальность. М.:ИВИ РАН, 2021.

40. Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки. Под ред. А. С. Балезина и Н. В. Громовой. Вып. 1. М., 2000; Вып. 2. М., 2003. Вып. 3. М., 2005. Вып. 4. М, 2009. Вып. 5. Африканистика и африканисты в Институте восточных языков и Институте стран Азии и Африки МГУ. М., 2010. Вып. 6. М., 2012. Вып. 7. М., 2015. Вып. 8. М. 2018; Вып. 9. М: 2020. Вып. 10. М., 2022.

41. Проблемы истории Африки и российско-африканских отношений. Электронный научно-образовательный журнал «История», Вып. 3 (113). Т. 13. М.: ГАУГН-пресс, 2022.

42. Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. Т. 1–2. М.: ИВИ РАН, 1999.

43. Россия — Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет 2020 (электронное издание)

44. Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

45. Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х. Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Наука, 2003.

46. Филатова И. И. «Сектор Давидсона»: заметки постороннего// Мы и Африка. К 50-летию Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 43–59.

47. Филатова И, Давидсон А. Б. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

48. Цыпкин Г. В. Эфиопия: от раздробленности к политической централизации. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

49. Цыпкин Г. В. Национальные особенности учащихся из социалистической Эфиопии. М., 1984.

50. Цыпкин Г. В. Эфиопия в антиколониальных войнах. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

51. Черная Африка: прошлое и настоящее. Под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова и И. И. Филатовой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

52. Davidson A. Politics and Nationalism in Central and Southern Africa.//General History of Africa. Vol. VII. Africa under Colonial Domination. 1880–1935. Ed by A. Boahen. UNESCO, 1985. P. 673–711. With A. Isaacman and R. Pelissier

53. Davidson A, Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human&Rousseau, 1998.

54. Filatova I., Davidson A. The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg& Cape Town: Jonathan Ball Publishers, 2013.

55. Mazov S. *A Distant Front in the Cold War. The USSR in West Africa and the Congo, 1956–1964*. Woodrow Wilson Center Press, Stanford University Press, 2010.

56. *Рак Африкана: континент и диаспора в поисках себя*. Сборник научных статей. Отв. ред. А. Б. Давидсон. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2009.

57. *South Africa and the Communist International: a Documentary History*. Eds: Davidson A., Filatova I., Gorodnov V., Johns Vol. I–II. London, 2003.

Center For African Studies of the Institute of World History of RAS

Abstract: The Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences was established by Apollon Davidson on December 1, 1971.7 as the Sector of African history. The main research areas of the Center's staff have been source studies and historiography of the countries of Tropical and Southern Africa, the history of Russian-African relations and African colonial societies. Under the leadership of Academician Apollon Davidson, over half a century of its existence, the Center's staff has published more than 70 individual and collective monographs, held many scientific conferences. They have given many lectures in Russia and abroad. The center's work is distinguished by objectivity and scientific honesty.

Keywords: Centre for African Studies, A. B. Davidson, History of Africa, African Studies.

Н. В. Громова

Африканистика в МГУ

Аннотация: Статья посвящена истории африканистики в Московском университете, этапам ее развития и современному состоянию. В статье описываются трагическая судьба первых московских африканистов, история возникновения кафедры африканистики и этапы ее научной и педагогической деятельности. В статье также подробно рассматриваются достижения сотрудников кафедры в создании научной и учебно-методической литературы в области изучения Африки и ее языков.

Ключевые слова: история африканистики в Москве, кафедра африканистики, ИСАА, Московский университет, африканские языки.

Важной вехой в истории отечественной африканистики стал 1934-й год. В январе 1934 г. состоялась первая в истории конференция под названием «Совещание по африканским языкам при НИАНКП»¹. Хотя в начале тридцатых годов прошлого века совет-

¹ НИАНКП — Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся им. И. В. Сталина.

ские вузы еще не приступили к преподаванию африканских языков, но на совещании был принят план, в котором предусматривалось создание новых словарей и научно-практических пособий для изучения африканских языков. Таким образом, в нашей стране в 1930-е годы планировалось создание серьезной материально-технической базы для преподавания африканских языков. И в сентябре 1934 г. в Ленинградском государственном университете впервые в преподавание были введены африканские языки (суахили, хауса, амхарский) и другие учебные дисциплины, связанные с Африкой.

Москве в этом плане трагически не повезло. Инициатор исследования, изучения и преподавания африканских языков в Москве, главный организатор конференции профессор Г. К. Данилов в конце 1934 г. был исключен из партии якобы «за троцкистскую пропаганду», а в 1937 г. расстрелян. Волна репрессий смела практически все образовательные и исследовательские учреждения, занимавшиеся изучением языков и актуальных политических и социально-экономических проблем Африки. Африканисты-языковеды и историки, работавшие в НИАНКП, уволены или арестованы. И только спустя четверть века в Москве вернулись к изучению истории и филологии Африки (подчеркнуто мною — *Н. Г.*): был создан в рамках Академии наук комплексный Институт Африки, где начали заниматься также изучением языков, литератур и культур Африки. Кстати, курсы по общему языкознанию вел профессор П. С. Кузнецов, в тридцатые годы изучавший язык суахили в Лингвистической секции Африканского кабинета НИАНКП.

Отсчет своей деятельности кафедра африканистики ИВЯ/ИСАА МГУ ведет с 1960 года, когда была набрана первая группа студентов-африканистов. Создание кафедры африканистики совпало с массовым освобождением африканских стран от колониализма в 1960 г. («Годом Африки»). Задача кафедры — сформировать у обучающихся целостное представление об исторических, культурных, лингвистических, социальных, этнических, конфессиональных, литературных и прочих особенностях стран Африки, подготовить специалистов-африканистов, которые своей профессиональной

деятельностью должны способствовать укреплению связей между Россией и Африкой в сфере культурного и делового сотрудничества.

Создание кафедры африканистики, по существу, и было началом широкого и систематического изучения истории культуры, языков и литератур народов Африки в рамках МГУ. При этом следует отметить, что кафедра создавалась не на «пустом месте»: африканистика в Московском государственном университете имеет довольно длительную историю. Еще М. В. Ломоносов в середине XVIII в. интересовался африканскими языками и даже заказал наборщику вырезать по представленному изображению «абиссинские или эфиопские слоги» для готовящейся им к печати «Российской грамматики». Впервые раздел по Африке вошел в университетский курс лекций по землеведению (в основном географического и этнографического характера), читавшийся выдающимся русским ученым Д. Н. Анучиным в последние годы XIX века. Материалы по культуре африканских народов в начале XX века использовали в своих лекциях по общей этнографии В. и Н. Харузины. Отдельным сотрудникам естественного отделения университета в начале XX века удавалось даже проводить полевые исследования фауны в Африке (зоологи И. И. Пузанов, В. В. Троицкий в Восточной Африке в 1910–1914 гг.)

В 30-е годы XX столетия начало изучению африканской проблематики в Москве положили исследователи, работавшие в Африканском кабинете НИАНКП. Лингвисты Г. К. Данилов и П. С. Кузнецов впервые приступили к изучению «живых» африканских языков, в частности крупнейшего языка Африки южнее Сахары — суахили (впоследствии на филологическом факультете МГУ профессор П. С. Кузнецов читал спецкурс по типологическому изучению языка суахили). Историки Африканского кабинета Э. Шик, И. И. Потехин, А. З. Зусманович, Ф. С. Гайворонский и др. занимались изучением «современного состояния социально-экономической структуры африканских народностей по данным этнографических материалов (по конкретному опыту) на основе марксистско-ленинского учения о социально-экономической

формации в непосредственной увязке с практикой революционной борьбы трудящихся африканских колоний»¹.

При изучении истории Африки, таким образом, прежде всего анализировались проблемы колониализма и национально-освободительного движения африканских народов. Именно в этом ключе были построены лекции по истории Африки в курсе «История колониальных и зависимых стран», который читался в таком виде до 60-х годов прошлого века. Первым лектором этого курса в 1939–1940 гг. на историческом факультете МГУ был один из основоположников отечественной африканистики Э. Шик. В 1940-е годы на историческом факультете лекции по Африке входили в курс общей этнографии, читавшийся С. П. Толстовым, а затем С. А. Токаревым. В 1950-е годы сведения об Африке содержались в курсах по всеобщей истории, этнографии, географии и экономгеографии, читавшихся в МГУ.

Усиление интереса к странам «третьего мира» в конце 1950-х — начале 1960-х гг. привело к созданию в 1956 г. Института восточных языков при МГУ, (позже переименованного в Институт стран Азии и Африки — ИСАА), где и была организована кафедра африканистики.

Надо отметить, что немалая заслуга в создании этой кафедры принадлежит И. И. Потехину. Созданный им Институт Африки, целью которого было всестороннее и комплексное исследование африканистических проблем, нуждался в высококвалифицированных специалистах-африканистах. И. И. Потехин неоднократно подчеркивал необходимость подготовки таких специалистов в рамках Московского государственного университета.

Итак, кафедра была создана. До 1979 г. ею руководил доц. Н. Г. Калинин, историк-арабист, затем кафедрой заведовали д. и. н. Г. В. Фокеев (с 1981–1983 гг.), к. ф. н. Э. Б. Ганкин, филолог-амхарист (с 1984–1989 гг.), д. и. н. И. И. Филатова, историк-африканист

¹ Подробнее об Африканском кабинете НИАНКП см. «Африканское языкознание в России. 30-е годы» (сост. и автор вводной статьи Н. В. Громова). М., 1998. Изд. центр ИСАА при МГУ.

(с 1989—1992), д. ф. н. Н. В. Громова (с 1993 г. по настоящее время). В первые годы после создания кафедры заместителем заведующего была доцент Н. В. Охотина, выпускница кафедры африканистики ЛГУ, которая фактически осуществляла кадровую политику кафедры и сумела создать действенный коллектив из лучших африканистов того времени.

Н. В. Охотина читала теоретические курсы по бантуистике, руководила работой многочисленных аспирантов, обучавшихся не только в МГУ, но и в академических институтах и других вузах столицы, которые в 1960-е годы приступили к массовому описанию и исследованию африканских языков, культур и литератур. В течение ряда лет Н. В. Охотина совмещала работу на кафедре с заведованием сектором африканских языков в Институте языкознания РАН (созданного в 1965 г.), сближая таким образом университетскую и академическую науку и создавая московскую школу африканского языкознания.

Первых студентов-африканистов, изучавших язык суахили, Институт восточных языков принял в 1960 г. В 1961 г. была набрана группа студентов-амхаристов, в 1962 г. — группа студентов, изучавших язык хауса. Таким образом, в течение трех лет кафедра африканистики поставила преподавание крупнейших африканских языков. Первыми преподавателями суахили были Н. В. Охотина и Н. В. Громова (выпускница кафедры африканистики ЛГУ), амхарского языка — Кебеде Дэста (гражданин Эфиопии), В. Иванова (выпускница ЛГУ) и Э. Б. Ганкин, языка хауса — Ю. К. Щеглов и Г. П. Коршунова.

В отличие от других кафедр, занимавшихся проблемами стран Азии и опиравшихся в своей работе на богатые традиции отечественного востоковедения, кафедре африканистики очень многое приходилось делать впервые, несмотря на то, что в Ленинградском университете родственная кафедра африканистики существовала фактически с 1934 г. Отсутствовали учебники и учебные пособия по основным дисциплинам. Исследований по истории, экономике и литературам Африки, которые можно было бы использовать

при чтении курсов, также было еще очень мало. Фонотека была довольно скудной. Некоторые лингвисты начали преподавать сразу после окончания учебы в вузах, одновременно учась в аспирантуре. Они изучали новый для них африканский язык и готовили диссертации. Тем не менее, в короткий срок кафедра смогла поставить преподавание основных африканистических дисциплин.

Большинство теоретических курсов в первые годы работы кафедры стали читаться в нашей стране впервые: введение в африканистику, теоретическая грамматика, лексикология, история и диалектология изучаемых африканских языков (Н. В. Охотина, Н. В. Громова, Ю. К. Щеглов, Э. Б. Ганкин и др.), история африканских литератур (Г. И. Потехина), древняя и средневековая история Тропической и Южной Африки (Н. Г. Калинин), история Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время (Н. Г. Калинин, А. Б. Давидсон, Л. А. Фридман), география и экономика стран Тропической и Южной Африки (Л. А. Фридман). Читались также впервые в МГУ курсы археологии и этнографии Африки (С. Я. Берзина), религий Африки (Б. И. Шаревская) и др.

Многие преподаватели, работавшие на кафедре в первые годы ее существования, внесли заметный вклад в развитие отечественной школы африканистики, их имена широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом. Это — Наталья Вениаминовна Охотина (1927–1999), заложившая основы преподавания и изучения африканских языков, Гера Ивановна Потехина (1926–1979), автор первых в стране очерков современной литературы Африки, Аполлон Борисович Давидсон, авторитетнейший специалист в области исследования новейшей истории Африки.

Как и все студенты института, студенты-африканисты изучали широкий круг гуманитарных дисциплин, в том числе общее языкознание, всеобщую историю, историю стран Востока, историю литератур стран Азии и Африки и т. д. Кафедра была комплексной, она объединяла всех африканистов института — лингвистов, литературоведов, историков, экономистов.

Постепенно круг языков и африканистических дисциплин, изучаемых на кафедре, расширялся. В институт пришли новые преподаватели, многие из которых являлись выпускниками кафедры (филологи А. Р. Бронецкий, И. А. Тогоева — язык бамана, Г. В. Зубко — фула, Л. А. Карташова — малагасийский язык, А. Л. Бочин, И. Н. Топорова — лингала, Н. Г. Федорова — суахили, А. К. Игнатенко, М. Р. Урб — африкаанс, Г. Л. Капчиц — сомали, А. Д. Луцков — язык зулу, историки Э. С. Львова, К. А. Мелик-Симонян, Н. Г. Щербаков, Г. В. Цыпкин, А. С. Балезин, А. Л. Емельянов, литературоведы Е. Я. Суровцев, М. Д. Громов).

С усложнением структуры института, созданием новых кафедр и нового, социально-экономического отделения (наряду с первоначально существовавшими историческим и филологическим отделениями) преподавание экономических дисциплин было распределено по нескольким кафедрам социально-экономического отделения. Кафедра африканистики обеспечивает в настоящее время преподавание африканских языков, литературы, культуры, этнологии и исторических дисциплин.

За шестьдесят с лишним лет существования кафедры африканистики в ИСАА преподавались в качестве основных 10 крупных африканских языков (суахили, хауса, амхарский, бамана, лингала, сомали, зулу, фула, малагасийский, африкаанс). Были годы, когда одновременно кафедра набирала по две языковых группы. Сейчас из-за переживаемых страной экономических трудностей круг преподаваемых африканских языков заметно сузился: на кафедре преподаются всего четыре языка — суахили (Н. В. Громова, В. С. Шатохина), амхарский (С. Л. Кравченко), хауса (Ю. Г. Суетина), африкаанс (М. Р. Урб). В качестве дополнительных студенты могут изучать языки зулу, суахили, арабский и оромо.

Специфика и сложность работы лингвистов кафедры состоит в том, что эти языки принадлежат к разным языковым семьям, опыт обучения одному не всегда может быть распространен на другой. Тем не менее, кафедра дает не только практическое знание языка (и без ложной скромности надо сказать, что наши выпускники

неплохо владеют письменно-разговорной речью, и рекламаций до сих пор кафедра не получала). Кафедра старается привлекать к преподаванию носителей языка. В течение ряда лет амхарский язык преподавал посол Эфиопии в России К.-Г. Хыйвот и другие сотрудники посольства. К преподаванию языков суахили, хауса и африкаанс периодически привлекаются сотрудники соответствующих посольств и африканские студенты, обучающиеся в Москве.

Для студентов-лингвистов помимо общих курсов предлагаются разнообразные спецкурсы, зачастую не имеющие аналогов в близких по профилю учебных институтах. Они ориентированы на научные интересы самих студентов. По всем основным языкам преподавателями кафедры подготовлены и регулярно обновляются программы общих и теоретических курсов и спецкурсов, учебники и учебные пособия, словари и другие учебно-методические материалы.

Первым литературоведом кафедры была Г. И. Потехина, которую по праву считают одним из пионеров изучения африканских литератур в нашей стране. Ее монография «Очерки современной литературы Западной Африки» открыла новое направление в отечественной африканистике. К. ф. н. В. Я. Суровцев, а затем к. ф. н., д. ф. н. М. Д. Громов продолжали традиции своих предшественников. В рамках курса по литературе анализируются основные тенденции литературного процесса в странах Африки, освещается творчество крупнейших африканских писателей. Для чтения спецкурсов привлекаются ведущие специалисты из академических институтов.

Для студентов-историков помимо общих курсов по истории Африки (древней, средневековой, новой и новейшей) читаются также специальные курсы по актуальным проблемам современной Африки. При чтении курсов по истории и культуре Африки материал излагается по проблемно-региональному принципу. Содержание и проблематика курсов меняются в зависимости от специализации групп студентов по основным изучаемым регионам и языкам. Для чтения отдельных спецкурсов привлекаются специ-

алисты из академических институтов. На семинарских занятиях анализируются письменные источники, в том числе и на местных африканских языках.

Со временем все читаемые курсы по африканской филологии и истории совершенствуются и модернизируются, используются видео-, кино- и фотоматериалы, интернет-ресурсы. Активизируется работа со студентами путем ведения дискуссий и «круглых столов», презентаций и обсуждения студенческих рефератов и докладов по определенным темам.

Студенты-лингвисты проводят экспериментальные обследования фонетических и морфологических закономерностей изучаемого языка, занимаются описанием грамматического строя языка и выявлением свойственных ему грамматических категорий, исследуют способы словообразования, вопросы терминовтвочества, неологии, заимствования, сопоставляют родственные языки и т. д.

В своих работах студенты-историки обязательно используют источники на изучаемых африканских языках, материалы местных хроник, литературные произведения и научные публикации на африканских языках. Тематика работ охватывает также и те страны, языки которых на кафедре в настоящее время не изучаются, — Анголу, Зимбабве, Намибию, Маврикий, Сейшельские и Коморские острова, Мозамбик, Руанду, Сенегал, Сомали, Уганду и др.

Деятельность преподавателей ИСАА связана с такой важной и специфической отраслью африканистики как разработка учебников и учебных пособий. К числу наиболее значительных работ такого рода, подготовленных лингвистами кафедры, относятся учебники языков суахили, малагасийского, африкаанс, зулу, фула, хауса и амхарского языков. Составлены новые учебные пособия по различным аспектам преподавания изучаемых африканских языков (см. Приложение). Регулярно обновляются фонотеки, вводятся в преподавание видеоматериалы и информация из интернета.

Лингвисты кафедры ведут большую работу по составлению и обновлению словарей. Практически все словари, опубликованные преподавателями университета, являются первыми в отечественном

языкознанию и наиболее полными в мире, например Амхарско-русский и Русско-амхарский словари, Фула-русско-французский. В последние годы подготовлены новые Суахили-русский и Русско-суахили словари, Суахили-русский фразеологический словарь.

Историками кафедры были написаны разделы по Тропической и Южной Африке во всех изданных учебных пособиях по общему курсу истории стран Азии и Африки. За последние годы опубликованы также специальные учебники и сборники документов по истории Африки, учебные пособия по этнографии и культурам Африки, которые используются во всех университетских центрах страны. Наши преподаватели участвуют также в написании учебных пособий для школ. Историки кафедры принимали участие в составлении хрестоматий по всеобщей истории, в том числе по истории средних веков, по новой и новейшей истории (см. Приложение).

Тематика работ преподавателей-историков охватывает актуальные проблемы современного социально-экономического и политического развития стран Тропической и Южной Африки, важнейшие проблемы истории континента, а также источниковедения и историографии африканских стран.

Литературоведы в своих работах освещают особенности творчества крупнейших африканских писателей, разрабатывают вопросы типологии африканских литератур, исследуют фольклор и эпос африканских народов.

Преподаватели кафедры ведут научные исследования практически по всем основным направлениям современной африканистики. Результаты этих исследований обобщены в индивидуальных монографиях, коллективных трудах и в отдельных статьях.

Коллектив филологов кафедры проводит большую научно-исследовательскую работу по различным теоретическим аспектам африканского языкознания и африканских литератур. Многообразие структур и типов исследуемых языков и литератур представляет интерес как для частного, так и для общего и сравнительно-исторического языкознания и литературоведения. Тематика статей во многом определяется потребностями преподавания. Проблемы,

которые решают африканисты-филологи, обширны и многоплановы. Как правило, это конкретные лингвистические и литературоведческие вопросы, слабая изученность которых так или иначе тормозит процесс преподавания.

Историки кафедры африканистики анализируют несколько научных направлений по различным периодам истории Африки южнее Сахары. Одним из них является исследование проблем антиколониальной борьбы, колониализма и неоколониализма, идеология современного расизма. Много внимания уделяется изучению проблем социально-экономического и политического развития стран Африки после провозглашения независимости. Большое внимание уделяется также публикации уникальных материалов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах. Преподаватели кафедры работают также над новой для мировой африканистики темой — национальная историческая наука в странах Африки.

Сотрудники кафедры африканистики поддерживают тесные научные контакты с коллективами других научных центров России, работающими над африканской проблематикой, в частности ИВИ РАН, ИЯз РАН, МГИМО-Университет, РГГУ, РУДН и др.

Сотрудничество с зарубежными африканистами успешно развивается. Подписан ряд соглашений с зарубежными партнерами о сотрудничестве и обмене преподавателями и студентами. Расширение научных связей с европейскими африканистами позволило нам в последние годы провести стажировки студентов, аспирантов и преподавателей кафедры во Франции (Сорбонна), ФРГ (в Байрейтском, Берлинском и Франкфуртском университетах) и принимать коллег из этих африканистических центров.

Научные связи с африканскими странами развиваются, хотя и не столь успешно, как этого хотелось бы. Подписаны соглашения о сотрудничестве и обмене преподавателями и студентами с рядом африканских университетов в Танзании, Кении, Уганде, Эфиопии. В настоящее время рассматривается возможность заключения подобных соглашений с университетами ЮАР и Намибии. Преподаватели кафедры публикуют свои работы в журналах, издаваемых

научными центрами африканских стран, а работы африканских коллег публикуются в наших изданиях.

Ряд студентов и преподавателей кафедры проходили стажировку в африканских странах — Танзании, Намибии, ЮАР, Кении, Уганде, наши выпускники в последние годы работали в качестве сотрудников посольств в Эфиопии, Нигерии, ЮАР, Мадагаскаре, Уганде, Кении, Намибии и др., возглавляли Центры науки и культуры России в Замбии, Республике Конго, Танзании, Эфиопии, ЮАР и Намибии.

Сотрудники кафедры неоднократно выступали с докладами на всероссийских и зарубежных конференциях, в том числе и в Африке, проводили исследовательскую работу в странах Африки (Эфиопия, Танзания, ЮАР, Нигерия, Камерун и др.). Кафедра выступала как организатор ряда международных конференций по актуальным проблемам филологической и исторической наук.

В настоящее время кафедра африканистики разрабатывает перспективный проект «Этнокультурные процессы в Африке», позволяющий объединить работу как историков, так и филологов. В рамках реализации этого проекта выпускается научно-популярный альманах **«Под небом Африки моей. История, культура, языки народов Африки»** (2000, 2003, 2005, 2009, 2010, 2015, 2018, 2020, 2022)», рассчитанный на широкую читательскую аудиторию, и коллективная монография **«Культурно-языковые процессы в Африке»** (2015, 2017, 2019, 2022).

При кафедре активно работает студенческий Африканский клуб. Кафедра также является соучредителем ряда клубов по интересам: Клуб друзей Мадагаскара, Московский клуб суахили, Российско-эфиопское общество дружбы, Общество дружбы между Россией и Танзанией. Выпускники и преподаватели кафедры ведут огромную работу по распространению знаний об Африке, ее цивилизациях и культуре, выступая с лекциями перед школьниками, широкой общественностью, печатаясь в журналах и материалах СМИ.

За время своего существования кафедра выпустила около 300 специалистов, которые работают в качестве переводчиков,

редакторов, журналистов, референтов и т. д., занимают ответственные посты в различных государственных учреждениях и общественных организациях (Г. Б. Карасин — заместитель министра иностранных дел РФ, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Великобритании, сенатор Российской Федерации с 2019 г.; В. И. Уткин — чрезвычайный и полномочный посол РФ в Уганде (2004–2008), Эфиопии (2010–2014) и Намибии (2017–2022); Д. И. Сучков — начальник управления международных проектов ПАО «Банк ВТБ», исполнительный секретарь Координационного комитета по экономическому сотрудничеству со странами Африки к югу от Сахары (АфроКом), представитель Российского экспортного центра в Южно-Африканской Республике и многие другие).

Многие выпускники занимаются преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, работают в научно-исследовательских институтах, в том числе в Институте Африки, Институте языкознания, Институте всеобщей истории, Институте мировой литературы РАН и др. Ряд кандидатских диссертаций, защищенных на кафедре, был подготовлен представителями африканских стран. 35 выпускников кафедры африканистики защитили кандидатские диссертации, 15 — докторские. Имена наших выпускников-докторов наук широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом (В. Я. Порхомовский (1945–2022) — профессор, главный научный сотрудник Отдела африканских языков ИЯз РАН, член редакционных комитетов журналов «Восток—Oriens», «Afrika und Übersee», «Linguistique arabe et sémitique», «De KEMI à BIRIT NARI. Revue Internationale de l’Orient Ancien», «Language in Africa»; И. И. Филатова — профессор-исследователь НИУ ВШЭ, заслуженный профессор университетов Дурбан-Вествил и Ква-Зулу Натал; Г. М. Дерлугьян — доктор философии, профессор Нью-Йоркского университета в Абу-Даби, профессор-консультант РАНХиГС при Президенте РФ и другие).

Выпускники кафедры африканистики имеют в настоящее время хорошие перспективы и возможность выбора различных направлений деятельности как теоретического, так и практического харак-

тера. Они востребованы во многих организациях, поддерживающих деловые и культурные связи с Африкой.

Деятельность кафедры африканистики ИСАА МГУ продолжается в неразрывной связи с поколениями наших выпускников и отражает творческое содружество африканистов из университетских, академических и практических центров.

Приложение

(труды учебного характера сотрудников кафедры африканистики, начиная с 2000 г.):

2000 — Зубко Г. В. Учебник языка фула; Игнатенко А. К. Учебник языка африкаанс; Львова Э. С. История Африки в лицах;

2001 — Н. Г. Федорова. Учебное пособие по теории и практике перевода и реферирования. Язык суахили.

2002 — Балезин А. С. Архивные источники по новой и новейшей истории Африки на языке суахили (учебное пособие);

2003 — Львова Э. С. Этнография народов Северной Африки; Давидсон А. Б., Громова Н. В. и др. Становление отечественной африканистики, 1920-е — начало 1960-х..

2004 — Громова Н. В., Петренко Н. Т. Учебник языка суахили; Львова Э. С., Пименов В. В., Никишенков А. А. Народоведение, кн. 1, кн. 2..

2005 — Львова Э. С., Пименов В. В. Этнология.

2006 — Суетина Ю. Г. Учебник языка хауса.

2008 — Громова Н. В., Федорова Н. Г. Суахили-русский фразеологический словарь.

2009 — Львова Э. С. Эта многоликая Эфиопия. Очерки по истории, культуре и этнографии Эфиопии.

2010 — Урб М. Р. Учебное пособие по лингвострановедению: язык африкаанс; Балезин А. С., Щербаков Н. Г. и др. История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время. Учебное пособие.

2011 — Громова Н. В. Хрестоматия языка суахили. Учебное пособие по экстенсивному чтению; Львова Э. С. Этническая экология.

2012 — Громова Н. В., Мячина Е. Н., Петренко Н. Т. Суахили-русский словарь; Кравченко С. Л. Сборник упражнений по амхарскому языку; Емельянов А. Л. и др. Экологические проблемы стран Азии и Африки.

2013 — Суетина Ю. Г., Каплун М. И. Тон хауса: традиции и реальность; Урб М. Р. Хрестоматия языка африкаанс. Учебное пособие по экстенсивному чтению; Львова Э. С. Всемирная история в средние века; Львова Э. С. Эта многоликая Эфиопия, 2-е издание.

2014 — Львова Э. С. The history of precolonial Africa South Sahara through personalities.

2015 — Суетина Ю. Г. Лингвострановедение: учебное пособие по языку хауса для студентов II и III курсов; Громова Н. В., Урб М. Р. Сказки ндонде и их соседей; Громова Н. В., Урб М. Р. Словник ндонде-русско-суахили, русско-ндонде; Емельянов А. Л. и др. Восток и политика: политические системы, политические культуры, политические процессы. Изд. 2-е.

2016 — Львова Э. С. Зрелищная и музыкальная культура народов Африки южнее Сахары; Давидсон А. Б., Емельянов А. Л., Щербаков Н. Г. и др. Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки; Емельянов А. Л. и др. История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. Т. 1, т. 2 (учебник для академического бакалавриата); Емельянов А. Л., Ахунов А. М., Ахмадуллин В. А. Ислам в мировой политике в начале XXI века.

2017 — Громова Н. В., Петренко Н. Т. Русско-суахили словарь; Кравченко С. Л. Амхарский язык. Учебник для первого года обучения; Давидсон А. Б. Иже именуется Африка. Вести из русской старины; Давидсон А. Б. Письма с мыса Доброй Надежды; Емельянов А. Л. и др. Внешняя политика России. 1991–2016: коллективная монография; Емельянов А. Л. и др. Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective.

2019 — Львова Э. С. Очерки по истории религий Африки южнее Сахары; Емельянов А. Л. и др. Страны и регионы мира в мировой политике. В двух томах. Т. 2: Азия и Африка; Емельянов А. Л. Доколониальная история Африки южнее Сахары: учебное пособие. Ч. 1; Емельянов А. Л. и др. Вопросы источниковедения и историографии в современном востоковедении.

2021 — Громова Н. В., Петренко Н. Т. Учебник языка суахили; Суетина Ю. Г. Учебник языка хауса; Кравченко С. Л. Хрестоматия амхарского языка: учебное пособие по экстенсивному чтению; Емельянов А. Л. Доколониальная история Африки Южнее Сахары: учебное пособие. Ч.2.

2022 — Емельянов А. Л. Доколониальная история Африки южнее Сахары: учебное пособие. Ч. 3: Вождества; Щербаков и др. Память о Второй мировой войне за пределами Европы: коллективная монография.

African Studies at Moscow State University

Abstract: The article is devoted to the history of African studies at Moscow University, the stages of its development and the modern state. The article describes the tragic fate of the first Moscow Africanists, the history of the emergence of the Department of African Studies and the stages of its scientific and pedagogical activities. The article also details the achievements of the department staff in creating scientific and educational literature in the field of the study of Africa and its languages.

Keywords: History of African Studies in Moscow, Department of African Studies, IAAS, Moscow University, African languages.

Х. М. Турьинская

Музейно-этнографическая
африканистика в Москве:
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Аннотация: В статье представлено описание истории возникновения и собирания африканской коллекции ИЭА РАН от первых поступлений до последних приобретений африканских артефактов. Подробно описан научный путь недавно ушедшей К. П. Калиновской, ученицы Д. А. Ольдерогге и основателя африканистики в ИЭА РАН.

Ключевые слова: африканистика, этнография, африканская коллекция ИЭА РАН, К. П. Калиновская.

Одним из центров африканистики в России является Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН) в Москве. В структуру ИЭА РАН входит

Этнографический кабинет-музей им. Н. Н. Чебоксарова (ЭКМ), в фондах которого хранятся коллекции из разных регионов мира и в том числе из Африки. Африканское — относительно небольшое, но ценное для Москвы собрание. ЭКМ ведет работу по комплектованию, регистрации, описанию, хранению и введению в научный оборот вещевых коллекций, а также исследовательскую, экспозиционную, экскурсионную, методическую и популяризаторскую деятельность. Решение о создании в структуре ведущего профильного научного учреждения — Института этнологии и антропологии РАН собственного музейного подразделения было принято в 1991 г. Штатное оформление ЭКМ получил в 1992 г. Организатором музейного дела в ИЭА была ученица Д. А. Ольдерогге Клара Петровна Калиновская (1934–2020), многолетний сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР и ИЭА РАН, доктор исторических наук, специалист по истории и этнографии Восточной Африки, исследователь проблем первобытности, хозяйства и социальной структуры скотоводческих народов, музейный работник, популяризатор науки.

Клара Петровна родилась в Ленинграде. В 1958 г. она окончила кафедру африканистики Восточного факультета ЛГУ, по образованию филолог-эфиопист (языки геэз и амхарский). В августе 1958 г. была принята в Ленинградскую часть Института этнографии АН СССР (ныне МАЭ — Кунсткамера) научно-техническим сотрудником. С этого времени началась научная и практическая музейная деятельность Клары Петровны. С 1960 по 1972 гг. она работала старшим научно-техническим сотрудником. Под руководством Д. А. Ольдерогге участвовала в работе коллектива создателей экспозиции «Африка» в МАЭ, была одним из авторов-составителей путеводителя по постоянной экспозиции. С 1972 по 1979 гг. Клара Петровна — младший научный сотрудник, с 1979 по 1982 — старший научный сотрудник в ленинградской части ИЭ. Основной сферой научных интересов К. П. Калиновской были теоретические проблемы номадизма и возрастных систем, этнографическая африканистика, музееведение. В 1972 г. она защитила диссертацию на

тему «Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции» на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В начале 1960-х Клара Петровна работала в Восточной Африке, проводила полевые исследования в Эфиопии, включая территорию ныне независимой Эритреи. Впоследствии продолжала изучение традиционного образа жизни скотоводов в экспедициях по регионам Советского Союза — на Северном Кавказе, в Карпатах, Горном Алтае, Туркмении, Восточном Казахстане и др. Выезжала в командировки для работы в музеях и архивах по темам исследований и для участия в конференциях. Вела научно-организационную, общественную, просветительскую работу; читала лекции в университетах Ленинграда и Москвы (ЛГУ и МГУ), а также в столицах союзных республик в советский период. По линии Общества «Знание» ездила в разные уголки СССР на предприятия, в трудовые коллективы с популярными лекциями об Африке.

В 1982 г. К. П. Калиновская переехала в Москву. С 1982 по 1991 гг. она работала в Московской части Института этнографии АН СССР старшим научным сотрудником Сектора истории первобытного общества. Защитила докторскую диссертацию по теме «Хозяйство и общественный строй скотоводов Восточной Африки в XIX — начале XX вв.». С 1991 г. Клара Петровна — ведущий научный сотрудник, с 2001 г. — главный научный сотрудник ИЭА РАН. С 1992 по 2010 гг. Клара Петровна заведовала ЭКМ ИЭА РАН, который был задуман и оформлен как самостоятельное подразделение в структуре Института — научно-учебный музей по этнографии народов мира и в то же время как методический кабинет. Расположен ЭКМ с коллекциями в помещениях ИЭА РАН в здании РАН на Ленинском проспекте, 32А.

Таким образом, с 1992 г. Клара Петровна параллельно с текущей научной работой продолжила и свою музейную деятельность, уже в Москве. В ЭКМ приходилось выполнять тяжелую физическую и рутинную работу, вплоть до уборки в музейных

помещениях. Далеко не всегда у Клары Петровны были помощники, не всегда в кабинете был штатный технический сотрудник, лаборант. А нужно было ездить принимать коллекции, регистрировать вновь поступающие коллекции, своими силами разрабатывать и монтировать временные выставки и затем постоянную экспозицию, обустраивать рабочий кабинет-хранилище. Необходимо было постоянно вести документацию по коллекциям, следить за их сохранностью, проверять музейные вещи на моль, кожееда, древоточца и др. вредителей, реставрировать, чистить, обрабатывать средствами защиты, химикатами. В начале работы кабинета ощутимая поддержка приходила из Музейного совета РАН. С реформой РАН (с 2013 г.) Музейный совет упразднен. Между тем, проблема музейного статуса для ЭКМ, проработка путей решения музейного вопроса в ИЭА шла и в девяностые, и в нулевые, и в десятые годы. Система регистрации новых поступлений в вещевой фонд ИЭА РАН была организована Klarой Петровной по образцу МАЭ РАН, в соответствии с ленинградской музейно-этнографической, кунсткамерской традицией. Каждому предмету присваивался двойной идентификатор: номер коллекции — номер предмета. Первостепенное внимание уделялось подлинным предметам культуры и быта, их атрибуции, подробному музейному описанию.

В середине девяностых в собраниях ЭКМ числилось свыше 2,5 тыс. единиц хранения — этнографических предметов по народам мира. Значительная часть экспонатов — весьма ценные в научном и музейном отношении. В июле 1996 г. ЭКМ был выделен отдельный экспозиционный зал, началось его оформление, разработка концепции экспонирования этнографических коллекций, этикетаж. С февраля 1998 г. в этом помещении располагается музейная экспозиция «Культуры народов мира». За годы работы временных выставок и постоянной экспозиции их посетили несколько тысяч человек, и это в условиях особого режима прохода в здание РАН. Приходили в музей экскурсионные группы и одиночные посетители, школьники, студенты, аспи-

ранты, взрослые, интересующиеся этнографией, коллеги-исследователи, гости института. Клара Петровна вела экскурсионную и консультационную музееведческую работу, пропаганду знаний в области материальной и духовной культуры народов мира, по африканистике, делилась опытом с коллегами, помогала им в научном росте.

Как ученый-африканист и музейный деятель Клара Петровна сотрудничала с МГУ, в т. ч. с кафедрой этнографии/этнологии истфака, с академическими институтами — Африки, Востоковедения и др. Она осуществляла научное руководство студентами и аспирантами, среди которых были африканцы. К началу 1990-х состояла в Обществе дружбы «Судан — СССР». Являлась членом Научного совета РАН по проблемам Африки. В 1991 г. была избрана иностранным членом-корреспондентом Лондонского института заморских исследований (Overseas Development Institute).

Весь свой научный, музейный и просветительский опыт Клара Петровна применяла в работе в ЭКМ, в том числе и в составлении африканского вещевого фонда. Основная масса африканских этнографических предметов в музее относится к Восточной Африке, включая Эфиопию, и к Западной Африке. Тематический спектр собрания широк — от предметов быта, обихода, сувениров до костюмов, масок, скульптуры. Традиционная африканская пластика, резьба по дереву входят в состав крупных собраний Чебоксаровых и Алениковой. Коллекции по народам Африки пополнялись также дарами от студентов и аспирантов МГУ и ИЭА РАН, а также коллег-африканистов.

Один из ценных в научном и зрелищном плане предметов коллекции — маска *кпелле*, подаренная кабинету-музею Салифом Траоре из Республики Мали в 1992 г. Это ритуальная антропоморфная маска, предназначенная для обряда посвящения у сенуфо; на стилизованном человеческом лице — изображение татуировок/скарификации. Семантика таких масок связана с комплексом религиозно-магических представлений сенуфо — с культом предков, с аграрными культурами. Во второй половине 1990-х гг.

в собрание музея поступали предметы культуры сусу (Республика Гвинея) от гвинейца Умара Камара, обучавшегося в РФ. В их числе предметы одежды, украшения, деревянная скульптура, бытовые и культовые предметы, например, школьная дощечка для писания сур Корана; деревянный ксилофон с калекбасами-резонаторами; рога антилопы — атрибут охотничьей магии.

В 2007 г. состоялась передача музею дара от видного экономиста-международника, дипломата, организатора науки, в 1964–1976 гг. — директора Института Африки АН СССР, члена-корреспондента РАН В. Г. Солодовникова. В состав этой коллекции входят привезенные им в 1960–1980-е годы африканские предметы культуры — мужской костюм, боевой меч в ножнах и патронташ (туареги, Мали), оружие, декоративные маски и щит (Замбия), барабан (амхара, Эфиопия), а также книги по африканистике.

В. Ф. Выдрин из своих экспедиционных сборов в Гвинею 2009 г. передал два образца железных денег, используемых народом лома при совершении различных обрядов, включая брачные.

К ценным материалам по Африке в музейном собрании относятся также предметы, полученные от члена-корреспондента РАН М. Л. Бутовской по результатам ее экспедиций 2007–2011 гг. в северные районы Танзании: предметы культуры хадза, среди которых курительная трубка из камня, мужские и женские украшения — ожерелья и браслеты — из игл дикобраза, дерева и бисера, детская металлическая погремушка, дощечка для разжигания огня трением, охотничий лук со стрелой. В состав коллекции также входят медный браслет, какие носят мужчины и женщины датог, а также металлическое клеймо для мечения скота и детские игрушки датого — фигурки коров.

В 2011 г. поступила вещевая коллекция из Эфиопии, собранная нами в ходе специальной экспедиции и состоящая из 42 единиц хранения. Поездка была осуществлена совместно с коллегой из МАЭ РАН — Валерией Семеновой. Относящиеся к коллекции фотографии и текстовая документация представляют ценный

источник, дополняющий вещевое собрание. В состав коллекции входят предметы обихода, хозяйственный инвентарь, денежные знаки, посуда, одежда и головные уборы, украшения, культовые и другие предметы из ряда регионов Эфиопии — и общеэфиопские, и представляющие культуру различных народов страны (амхара, оромо, тыграй, гураге, харари, афар и др.). Коллекция включает предметы как старые, единичные, так и новые, представляющие современные, стандартизированные формы материальной культуры жителей Эфиопии, а также сочетающие в себе современность и традицию. Например, зонт из Дыре-Дауа, используемый и священниками во время праздников и церковной службы, и всеми, для защиты от солнца. Это фабричный зонт китайского производства, покрытый синтетическим бархатом с бахромой и блестками. Особого упоминания заслуживает костюм эфиопского священника, приобретенный в Аддис-Абебе и переданный в дар музею почетным доктором медицины Тебебе Йемане Бырханом и его супругой. В коллекции имеется традиционный женский костюм — платье *кэмис*, пояс, накидка *нэтэля* — из фабричной хлопчатобумажной ткани «марлевка» белого цвета, с каймами узорного тканья и с ручной вышивкой. Такие костюмы носят амхара, тыграй и др. жители страны и по праздникам, и в будни, в том числе и в городах. Часто накидка (на голову, на плечи) надевается с современной европейской одеждой. Костюм приобретен на рынке в Аддис-Абебе.

Из бытовых предметов упомянем корзину для хлебных лепешек *hamat mot* (солома, плетение, кожа, раковины каури), характерную для культуры харари. Приобретена в г. Харэр внутри исторического центра города, Джуголя. Такая корзина традиционно изготавливается невесткой для свекрови в качестве подарка к концу первого года замужества. В коллекции представлены такие предметы повседневности как, например, деревянные зубочистки. Для музея приобретен мусульманский мужской головной убор — шапочка фабричного изготовления, китайского производства. Предмет современный, новый, общеэфиопский. Приобретен в Аддис-Абебе на рынке

Меркато, недалеко от мечети. В коллекции имеются несколько нательных крестов разных стилей, а также крест священника. При собирании этой коллекции учитывался состав уже имеющегося в этнографическом музейном фонде ИЭА РАН эфиопского собрания, формирование которого началось в 1990-х годах и проходило при участии граждан Эфиопии и российских коллег (Калиновская К. П., Турьинская Х. М. Этнографическому кабинету-музею ИЭА РАН — 20 лет // Музеи Российской академии наук: альманах. Вып. 9. М.: Таус, 2012. С. 229–241).

В 2013 г. из экспедиционной поездки в Танзанию и Кению нам удалось привезти для музея несколько этнографических предметов: масайский нож в кожаных ножнах из Олдувая; ступка с пестом из Додомы; из Аруши детский футбольный мяч в виде свернутых в клубок листьев; с Занзибара мужской мусульманский головной убор местного производства, с машинной вышивкой; из Дар-эс-Салама картина тинга-тинга с изображением бытового сюжета; головное бисерное украшение хадза и проч.

Среди недавних приобретений (2019 г.) в африканский коллекционный фонд ЭКМ необходимо отметить дар М. Л. Бутовской — украшенный бисером женский костюм из коровьей кожи, предмет культуры датога. Происходит из Северной Танзании, региона Аруша, района оз. Эяси, местности Мангола, поселка Горофани. Костюм состоит из платья и юбки. Платье могут носить только взрослые женщины. Оно сшито для дарительницы в 2007 г. ее подругой, женщиной-датога из клана Каока. Обычно платье готовит для девушки ее мать или ближайшая родственница, в период, когда девушка переходит в статус невесты и может вступать в брак. Юбку носят только замужние женщины. Она сделана для дарительницы в 2008 г. другой женщиной-датога, из клана Баджута. Вообще, юбку готовит потенциальная свекровь и вручает ее невесте, перед свадьбой приходящей жить в дом к матери будущего мужа.

В целом, вещевые комплексы в фондах ЭКМ характеризуют хозяйство, материальную и духовную культуру охотников,

собирателей, земледельцев и скотоводов разных регионов Африки. Так, предметы из эфиопского собрания — одежда из домотканого хлопка, глиняные кофеварки, плетенные из соломы и покрытые кожей зебу сумки-коробки, другая домашняя утварь и предметы повседневного быта — иллюстрируют самобытную земледельческо-скотоводческую культуру эфиопов. А образцы деревянной скульптуры в коллекциях — маски, фигурки людей и животных, декоративные изделия — отражают традиционные и современные черты африканского пластического искусства (Калиновская К. П., Турьинская Х. М. Традиция и современность в культуре народов Африки в коллекциях Этнографического музея Института этнологии и антропологии РАН // Развитие Африки: возможности и препятствия. XI конференция африканистов. Москва, 22–24 мая 2008 г. Тезисы. М.: Институт Африки РАН, 2008. С. 151–152). Д. А. Ольдерогге высказывал мысль о том, что африканская деревянная пластика в основе своей является реалистической, но реализм ее чрезвычайно своеобразен. Культовое, магическое назначение скульптуры в Африке определило высокий удельный вес условно-символических мотивов в ее образах. Мотивов, традиционно понятных каждому члену племени (Ольдерогге Д. А. Искусство народов Тропической и Южной Африки // Всеобщая история искусств. Т. 2. Кн. 2. М., 1961. С. 509).

Африканские коллекции ИЭА РАН пополняются подлинными, уникальными этнографическими предметами и служат материалом для изучения и репрезентации материальной культуры африканцев. Этнографический кабинет-музей ИЭА должен в перспективе стать базой для создания полноценного общедоступного музея, важного культурного и научного центра нашей столицы и страны, представляющего культуры народов мира и в частности Африканского континента. Традиции музейной этнографической африканистики, наработанные в ИЭА РАН, должны стать частью общего этнографического музейного собрания в Москве.

Museum and Ethnographic African Studies in Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS named after N. N. Mikluho-Maclay

Abstract: The article describes the history of the emergence and collection of the African collection of the IEA RAS from the first steps to the last acquisitions of African artifacts. The scientific path of the recently died K. P. Kalinovskaya, a student of D. A. Olderogge and the founder of African studies at the IEA RAS, is described in detail.

Keywords: African studies, ethnography, African collection of IEA RAS, K. P. Kalinovskaya.

А. Б. Шлуинский

Отдел африканских языков Института языкознания РАН¹

Аннотация: В статье дается подробное описание истории отдела африканских языков Института языкознания РАН. Рассмотрены направления работы отдела в течение всего периода его существования с указанием личного вклада всех его сотрудников.

Ключевые слова: Институт языкознания РАН, африканские языки, африканское языкознание.

¹ Первый вариант этого очерка был подготовлен к 70-летнему юбилею Института языкознания РАН в 2020 г. и опубликован на его интернет-сайте <https://iling-ran.ru/web/ru/history/departments/africa>. Здесь он публикуется в незначительной переработке с учетом задач издания, а также произошедших за это время изменений.

Существенные исправления, добавления и пожелания к первому варианту очерка внесли В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик, В. А. Плунгян, В. Я. Порхомовский, Ф. И. Рожанский. Текст также читали и комментировали Н. В. Васильева, Н. В. Громова, В. Ю. Гусев, М. А. Косогорова, А. Д. Луцков, Н. В. Макеева, И. С. Рябова; Н. В. Макеева просмотрела также и этот вариант. Все ошибки, неточности, упущения и другие недостатки остаются на совести автора, но без вклада всех перечисленных коллег этот очерк бы не состоялся.

Как известно, Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903—1987) стал центральной фигурой в истории отечественного изучения Тропической Африки, в том числе и как бессменный руководитель двух единственных профильных советских научных центров, находившихся в Ленинграде. При этом, с одной стороны, Д. А. Ольдерогге имел возможность опереться на уже существовавшую в Петербурге-Ленинграде традицию египтологии и, шире, семито-хамитологии, а с другой, получив счастливую возможность длительного пребывания в Европе, стал звеном, непосредственно связавшим европейскую науку с советской и российской.

Создание новых научных центров в Москве было обусловлено политической конъюнктурой: в Год Африки, 1960 г., многие африканские страны получили независимость и стали объектом советского политического влияния, которое требовало в свою очередь и организации исследовательской работы. Однако изучение африканских языков в Москве, именно так, как оно возникло и сложилось, было связано со вполне определенной личностью — выпускницей Восточного факультета ЛГУ, ближайшей ученицей Д. А. Ольдерогге Натальей Вениаминовной Охотиной (1927—1999)¹. Таким образом, московское африканское языкознание стало прямым продолжением ленинградской традиции Д. А. Ольдерогге, и в то же время стало возможным благодаря еще одному выдающемуся организатору науки.

Вначале Н. В. Охотина фактически создала в 1960 г. кафедру африканистики в МГУ. К работе на кафедре она привлекла как африканистов, среди которых следует упомянуть многолетнюю заведующую кафедрой Нелли Владимировну Грому, так и филологов широкого профиля, как Юрий Константинович Щеглов (1937—2009) и Александр Константинович Жолковский, которые

¹ Парадоксальным образом, при этом и сама Н. В. Охотина, и едва ли не весь собранный ею коллектив, о котором ниже пойдет речь, были максимально далеки от советской номенклатуры, советской идеологии и советского стиля.

преподавали языки хауса и сомали, а также опубликовали фундаментальные монографии по этим языкам¹.

Через пять лет после создания кафедры африканистики Н. В. Охотина стала первой заведующей группой африканских языков Института языкознания РАН. Сначала она работала в Институте языкознания по совместительству, а с 1970 г. он стал для нее основным местом работы. С тех пор между кафедрой и отделом установились стабильные коллегиальные и дружеские отношения, а на кафедре стали называть отдел «младшей сестрой». Благодаря ленинградской предыстории, не менее тесными были и остаются связи московской африканистики с ленинградскими-петербургскими центрами — кафедрой африканистики восточного факультета ЛГУ — СПбГУ и отделом этнографии Африки МАЭ (Кунсткамеры) РАН, который тоже имеет обширную традицию лингвистических исследований.

В отличие от многих других направлений Института языкознания, исследование африканских языков не имело никакой внутриинститутской предыстории, группа создавалась с нуля; основанием для создания группы 1 декабря 1965 г. стало соответствующее решение Президиума АН СССР. Впоследствии группа стала сектором, сектор — лабораторией, лаборатория — отделом (ниже, для единообразия, всегда «отдел»); но эти переименования не имели существенного значения, потому что данное подразделение никогда не входило в состав какого-либо другого и никогда не имело никакой внутренней структуры.

В период с конца 1965 г. по 1971 г. Н. В. Охотиной удалось собрать костяк коллектива отдела, продолжавший работать в нем в течение нескольких десятилетий. Известно, что практически во всех случаях Наталья Вениаминовна лично подбирала людей и никогда не ошибалась в них. Первым штатным сотрудником стал 1 декабря

¹ При этом круг их интересов был намного шире и включал общую теорию языка, литературоведение и поэтику; в 1960-е годы они входили в ближайший круг соратников И. А. Мельчука и разработчиков модели «Смысл — Текст».

1965 г. закончивший аспирантуру Института Африки хаусанист Борис Владимирович Журковский (1934 г.р.)¹, проработавший в отделе до 1991 г. В начале 1966 г. были зачислены: уже тогда известный специалист по сравнительно-историческому языкознанию и по дальнему родству языков Арон Борисович Долгопольский (1930–2012), проработавший до 1976 г.²; только что окончивший аспирантуру в Институте языкознания ученик А. А. Реформатского, а впоследствии заведующий отделом, директор Института, член-корреспондент РАН Виктор Алексеевич Виноградов (1939–2016); германист по образованию, но уже имевшая опыт работы с языком суахили Ирина Степановна Аксенова (1931–2009). В конце 1966 г. поступила в очную аспирантуру отдела, после которой сразу стала его сотрудником выпускница кафедры африканистики МГУ с языками суахили и зулу Ирина Сергеевна Федосеева (с 1971 г. Рябова)³. В конце 1967 г. в отделе появились выпускник отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ Альфред Наумович Журинский (1938–1991)⁴ и германист по базовому образованию, выпускница аспирантуры кафедры африканистики МГУ Ирина Николаевна Топорова (1940–2015). В 1968 г. в очную аспирантуру был зачислен выпускник кафедры африканистики МГУ с языком хауса Виктор Яковлевич Порхомовский (1945–2022), далее ставший и сотрудником⁵. С начала 1970 г. переводом из ВИНТИ была зачислена стажером уже начавшая фуланистическую работу

¹ К сожалению, о его судьбе в последние годы нам неизвестно.

² Ушел из Института языкознания в связи с отъездом за границу, предусмотрительно уволившись заранее, чтобы не подводить коллектив. Чтобы помочь ему прожить до отъезда, коллеги по отделу собирали средства из своих зарплат.

³ С 1993 по 2017 г. исполняла также обязанности заведующей аспирантурой Института языкознания.

⁴ Известен как инициатор традиционных олимпиад по лингвистике для школьников и автор сотен самодостаточных лингвистических задач.

⁵ С 1970-х гг. исполнял обязанности ученого секретаря, а с 1990-х гг. исполнял обязанности сопредседателя базирующейся в Институте языкознания комиссии РАН по истории литературных языков.

русист по образованию Антонина Ивановна Коваль (1938–2017). В конце 1971 г. были приняты в аспирантуру, а после ее окончания и на работу, выпускница ОСиПЛ МГУ Ольга Валерьевна Столбова, проработавшая в отделе до 1995 г.¹, и выпускник кафедры африканистики МГУ с языками суахили и зулу Анатолий Демьянович Луцков, который работал в отделе с 1976 по 1982 и с 1992 по 2004 гг., но неформально остается членом коллектива. В аспирантуре отдела в первые годы его работы училась Алла Семеновна Черниченко², защитившая диссертацию по именовым классам бантуского языка луганда.

В тот же начальный период, когда формировался костяк коллектива отдела, сформировались и базовые установки — как исследовательские, так и общечеловеческие. Прежде всего, в отделе всегда рассматривалась широкая проблематика, связанная с африканским языкознанием; никогда не было принято ограничение каким-либо аспектом исследования — историческим, описательным, социолингвистическим, сопоставительным, филологическим или каким-либо еще. Разумеется, основной деятельностью стала обширная описательная работа с материалом малоизученных языков³. В связи с тем, что в советское время выезды в Африку для полевой работы были невозможны, основным способом получения данных стала «квазиполевая» (термин А. И. Коваль) работа с носителями африканских языков, находящимися в Москве, которых тогда было много. В то же время проводилась активная сопоставительная работа по имеющимся опубликованным в разных странах источникам. Научные интересы сотрудников отдела выходили и выходят за пределы собственно африканистической проблематики в сторону более широкой типологии и теории. В научной работе во главу угла была поставлена общая профессиональная квалификация лингви-

¹ Ныне сотрудник Института востоковедения РАН.

² К сожалению, не удалось установить точно ее годы жизни.

³ Сейчас подробные грамматики существуют лишь для пятой части языков Тропической Африки, но полвека назад и это, вероятно, казалось недостижимым.

ста и лишь во вторую очередь практическое владение изучаемым языком как неродным или родным. Отдел следовал и следует установке на постоянное отслеживание мировой научной литературы и помещение собственной работы в международный научный контекст.

Естественно, что первые годы работы коллектива во многом стали периодом накопления материала, но тогда же сформировался и основной профиль исследователей, определивший тематику работы как в 1970-е, так и более поздние годы. Так, наибольшее количество сотрудников — Н. В. Охотина, И. С. Аксенова, И. Н. Топорова, И. С. Рябова, А. Д. Луцков — занималось языками многочисленной, но близкородственной группы банту (входит в семью бенуэ-конго), прежде всего в синхронно-описательном и синхронно-сопоставительном аспектах. И. С. Аксенова и И. С. Рябова исходно выступали как суахилисты, Н. В. Охотина и А. Д. Луцков — как одновременно специалисты по суахили и зулу, И. Н. Топорова — как исследователь лингала. В то же время Н. В. Охотина и сформировавшие соавторскую пару И. С. Аксенова и И. Н. Топорова занимались языками банту в целом и целым рядом отдельных языков, А. Д. Луцков исследовал и другие языки подгруппы нгуни, а основным предметом изучения И. С. Рябовой стал язык дабида. К ним же примыкает деятельность В. А. Виноградова, который, однако, больше концентрировался на небантуских бантоидных языках (прежде всего, бамилеке), а также уделял большое внимание диахроническим вопросам. Кроме бантоидных языков, В. А. Виноградов много занимался языками сонгай¹, а впоследствии и языком сусу семьи манде. А. И. Коваль взяла на себя исследование макроязыка пулар-фульфульде атлантической семьи, включающего не менее десятка идиомов, которые все чаще классифицируются как самостоятельные языки. Основным инте-

¹ В настоящем очерке мы придерживаемся современной номенклатуры, согласно которой говорят о языках сонгай и языках догон, а статус идиомов пулар-фульфульде остается спорным, но все же скорее предполагающим, что это нечто большее, чем единый язык. В то же время в публикациях отдела по крайней мере вплоть до 2000-х гг. обычно речь идет о языке сонгай, языке догон и языке пулар-фульфульде (фула).

ресом Б. В. Журковского и А. Н. Журина стала важнейшая для африканистики проблематика звуко-символизма, у Б. В. Журковского — исходно на материале хауса, а далее в сопоставительном и типологическом аспекте, у А. Н. Журина — на материале эве; впоследствии исследования А. Н. Журина касались самого широкого спектра тем (в том числе и за пределами африканистики). На сравнительно-историческом изучении языков афразийской (семито-хамитской) макросемьи сосредоточились А. Б. Долгопольский (прежде всего кушитские языки), В. Я. Порхомовский и О. В. Столбова (прежде всего чадские языки); впоследствии интересы В. Я. Порхомовского стали также включать и другие ветви афразийских языков, в особенности семитские, а среди них — сокотрийский, реликтовый язык южноаравийской группы. Существенная часть исследований В. Я. Порхомовского и О. В. Столбовой проходила в рамках коллективной работы группы ученых из разных институтов над афразийским сравнительно-историческим словарем под руководством выдающегося востоковеда Игоря Михайловича Дьяконова (1914–1999).

Первые публикации отдела появились уже вскоре после его создания — в частности, в сборнике под ред. Б. А. Успенского (1966) ряд статей написан сотрудниками отдела африканских языков. Однако более заметными стали публикации через несколько лет; упомянем брошюры Б. В. Журковского (1968) и В. Я. Порхомовского (1972), книги (1973) и И. Н. Топоровой (1975), сборники «Фонология и морфонология африканских языков» (1972) и «Языковая ситуация в странах Африки» (1975) под ред. Н. В. Охотиной и «Бесписьменные и младописьменные языки Африки» под ред. Н. В. Охотиной и А. Б. Долгопольского (1973). Позднее под ред. Н. В. Охотиной вышли «Младописьменные языки Африки: Вопросы фонологии и грамматики» (1977), «Морфонология и морфология классов слов в языках Африки» (1979).

С конца 1970-х по конец 1980-х гг. к коллективу отдела присоединились еще три сотрудника. В 1978 г. поступила в аспирантуру, а с 1987 по 1998 гг. работала в отделе выпускница ОСиПЛ МГУ

Татьяна Львовна Ветошкина, занимавшаяся кушитскими языками. В 1982 г. сотрудником стал выпускник ОСиПЛ МГУ ныне академик РАН Владимир Александрович Плунгян, проработавший в отделе до 2004 г.¹ Основным предметом его исследования стали языки догон, в особенности томмо-со, но также он занимался языком волоф атлантической семьи, языком эве семьи ква и сопоставительными исследованиями. В 1988 г. аспирантом отдела стал выпускник ОСиПЛ МГУ Федор Иванович Рожанский, сотрудник с 1995 по 2018 г.²; основными темами его исследования были язык сонгай Гао и типология редупликации — в африканских языках и в целом. Нужно упомянуть четырех аспирантов отдела этого времени, сотрудниками его не ставших, но работающих в других научных учреждениях. В 1970-х гг. в аспирантуре учился выпускник восточного факультета ЛГУ Константин Игоревич Поздняков³, занимавшийся сравнительно-историческим изучением языков манде. В 1980-х гг. — выпускница восточного факультета ЛГУ Юлия Георгиевна Суетина⁴, диссертация которой была посвящена становлению литературного языка хауса, и выпускница ОСиПЛ МГУ Мира Борисовна Бергельсон⁵, защитившая диссертацию по синтаксису языка бамана семьи манде. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. — выпускница ОСиПЛ МГУ Нина Романовна Сумбатова⁶,

¹ Ныне заведующий сектором типологии Института языкознания и заместитель директора Института русского языка РАН, а также профессор кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ.

² Ныне сотрудник Института лингвистических исследований РАН и Тартуского университета; с 2000-х гг. основным предметом его исследования стали прибалтийско-финские языки.

³ Ныне профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut nationale des langues et civilisations orientales), исследователь Национального центра научных исследований Франции (CNRS) в лаборатории LLACAN (Париж), один из ведущих мировых специалистов по сравнительно-историческому исследованию макросемьи нигер-конго.

⁴ Ныне доцент кафедры африканистики ИСАА при МГУ.

⁵ Ныне профессор НИУ Высшая школа экономики.

⁶ Ныне сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН.

исследования которой были связаны с типологией грамматикализации и с языком ландума семьи мель (по более ранней классификации, атлантической семьи). В 1980-е гг. с отделом тесно сотрудничал тогда аспирант другого отдела, а ныне директор Института Андрей Александрович Кибрик, занимавшийся языками пулар фута-торо и серер атлантической семьи.

Этот же период связан с двумя проектами, занимающими в истории отдела особое место. Во-первых, начиная с середины 1970-х гг. коллектив из В. А. Виноградова, А. И. Коваль и В. Я. Порхомовского проводил исследование социолингвистической ситуации в Западной Африке. Хотя эта тема стала для данной группы вынужденной и была обусловлена административным заказом на социолингвистическую проблематику, результатом стала пионерская типологическая модель языковых ситуаций, а обобщающая монография «Социолингвистическая типология: Западная Африка» (Виноградов и др. 1984) приобрела популярность у исследователей самых разных регионов и впоследствии выдержала три переиздания под более коротким названием «Социолингвистическая типология». К этому изданию содержательно примыкает вышедший в Берлине том «Studien zur nationalsprachlichen Entwicklung in Afrika» (1982) под совместной редакцией З. Браунера и Н. В. Охотиной (исключительно редкое по тем временам событие!), содержащий главы на немецком, английском, французском языках, среди которых основной объем подготовлен авторами «Социолингвистической типологии».

Во-вторых, в тот же период В. А. Виноградов стал фактическим координатором работы (формально — заместитель главного редактора; в ряду основных авторов и редакторов стал лауреатом Государственной премии 1995 г.) по созданию «Лингвистического энциклопедического словаря» (1990, отв. ред. В. Н. Ярцева). Значение этого издания общеизвестно среди лингвистов, но отметим, что среди прочего работа над ним способствовала как большему вниманию в работе отдела к теоретическим вопросам, так и более регулярному взаимодействию коллектива отдела с многими коллегами, работавшими в других областях.

Среди прочих публикаций этого времени следует отметить, в частности, «Очерки по этнолингвистике Сокотры» В. Я. Порхомовского в соавторстве с В. В. Наумкиным (1981), суммирующие полевые материалы по сокотрийскому языку, лингала-русский словарь И. Н. Топоровой (1983), книгу И. С. Аксеновой, Т. Л. Ветошкиной и А. Н. Журина (1984), рассматривающую материал языков банту и агавских языков, книги Н. В. Охотиной (1985) и А. И. Коваль в соавторстве с Г. В. Зубко (1986), книгу под ред. В. Я. Порхомовского (1987), небольшую книгу А. Н. Журина (1989). С начала 1980-х гг. публиковались материалы к афразийскому сравнительно-историческому словарю с участием В. Я. Порхомовского и О. В. Столбовой (Белова и др. 1981, 1982, 1986 и ряд более поздних публикаций). И тогда, и позже сотрудниками отдела были написаны многочисленные статьи по языкам Африки в специализированных и общих энциклопедических изданиях.

1980-е гг. стали пиком присутствия носителей африканских языков в отделе, причем не только в роли информантов, но и в первую очередь в качестве аспирантов и стажеров. Африканские аспиранты подготовили и защитили более двадцати кандидатских диссертаций, а именно это были Адама Уан (морфонология фульфульде), Брейма Думбия (гриотский эпос бамана), Мария Селесте Перейра Кунта (лексика бамана в социолингвистическом контексте), Шейк Плеах Кулибали (формирование литературного языка бамана), Бурейма Нялибули Дикко (диссертация по глаголу фульфульде), Демба Конаре (диссертация по глаголу бамана), Ндьяссе Чам (диссертация по именным классам волоф), Эжен-Андре Оссете (диссертация по именным классам аква < банту), Абу Диарра (диссертация по фонетике бамана), Иссиака Тембине (морфосинтаксис томмо-со < догон), Юсуф Хайдара (грамматика сонгай Гао), Бори Али Траоре (причастия фульфульде), Кодио Кунгарма (социолингвистика догон), Диелимакан Диабате (фонетическое варьирование бамана), Адама Конате (диалектология бамана), Джибрил Диаките (идеофоны бамана), Гуро Хамсамба Диалл (местоимения фульфульде), Киндые Йалкуе (личные имена

догон), Мунтага Диарра (синтаксис бамана), Жан-Батист Мауена Аджранку-Глокпо (социолингвистика Того), Мамади Диане (лексика манинка < манде), Мори-Саиду Фофана (синтаксис сусу < манде), Шешкумар Ситохэл (формирование креоль-морисьен). Однако с отделом много сотрудничали и другие африканцы — студенты и аспиранты филологических специальностей. Во второй половине 1980-х гг. при отделе функционировало Научное объединение <африканских> аспирантов и стажеров (НОАС), в рамках которого были организованы как лекции по общему языкознанию и африканистике, так и обсуждение исследований самих участников объединения. Следует подчеркнуть, что собственная научная работа аспирантов и стажеров делала их очень мотивированными и квалифицированными информантами сотрудников отдела, и в ряде аспектов работа с ними была более эффективной, чем обычная полевая работа лингвиста. И работу с носителями африканских языков в Москве в целом, и функционирование НОАС, и работу аспирантов из Африки подробно описала А. И. Коваль (2010).

В 1980-е гг. сложилась и основная форма научно-организационной работы отдела. Раз в три года, чаще всего приурочив время к Дню Африки (25 мая), Институт Африки РАН проводит масштабную международную (ранее всероссийскую, еще ранее всесоюзную) конференцию африканистов. Отдел африканских языков берет на себя организацию секции или секций по языкознанию и проводит ее в стенах Института языкознания в течение всего времени проведения конференции. Основным фактическим организатором этого мероприятия многие годы была А. И. Коваль.

В 1988 г. Н. В. Охотина была вынуждена по состоянию здоровья оставить должность заведующей отделом, хотя до 1996 г. оставалась в его штате. Новым заведующим стал В. А. Виноградов, занимавший эту должность вплоть до своей кончины в 2016 г., а в 2001–2012 гг. совмещавший ее с должностью директора Института.

Пользуясь тем, что на тот момент коллектив отдела имел весьма значительные многолетние наработки, В. А. Виноградов запустил проекты серийных изданий. Во-первых, вышли три тома

«Африканской сказки» (Виноградов (ред.) 1984; 1997а; Коваль (ред.) 2005). В этих книгах был опубликован обширный фольклорный материал (в основном сказок, но также и других жанров), собранный сотрудниками отдела и другими коллегами в ряду прочего лингвистического материала. Основу издания составляют тексты собственно на африканских языках, но они сопровождаются подстрочным и литературным переводом, а также и комментариями разного характера.

Во-вторых, в середине 1990-х гг. были начаты подготовка и издание серии коллективных монографий под общим названием «Основы африканского языкознания» (Виноградов (ред.) 1997б; 2000; 2008; 2010; 2014; Виноградов, Топорова (ред.) 2003; Шлуинский (ред.) 2018). Этот проект был основным стержнем работы отдела под руководством В. А. Виноградова все последующие годы. Из печати вышло семь томов, тематика которых была построена по структурно-типологическому принципу.

В-третьих, вплоть до 2016 г. отдел публиковал продолжающееся издание, отражавшее текущую работу; идеологами издания были В. А. Виноградов и А. И. Коваль, к которым позднее присоединился А. Б. Шлуинский, но в подготовке в разное время участвовали и другие сотрудники. Вначале был издан сборник «Проблемы изучения языков Африки» (Виноградов, Коваль (ред.) 1995), затем — сборник «Актуальные проблемы африканского языкознания» (Виноградов, Коваль (ред.) 2006), а далее четыре сборника под общим названием «Исследования по языкам Африки» (Виноградов, Порхомовский (ред.) 2008; Виноградов и др. (ред.) 2009; 2014; 2015; 2016).

Период с конца 1980-х по 2010-е гг. стал и временем публикации индивидуальных обобщающих работ сотрудников отдела, часто основанных на собранном и проработанном много ранее материале. Прежде всего, вышли грамматические описания бантуских языков суахили (Громова, Охотина 1995), лингала, галва (Топорова 1994; 2014), курия, аква, лаади, гусии (Аксенова, Топорова 1994; 2002; 2005; 2008), дабида (Рябова 2000), зулу (Луцков 2003),

а также догонского языка томмо-со, написанный на французском языке (Plungian 1995); к этому ряду публикаций примыкает и книга (Коваль, Нялибули 1997). Отметим и ряд других книг: (Аксенова, Топорова 1990; Коваль 1990; Плунгяна 1992; Аксенова 1997; Топорова 1999; 2012; Луцков 2001; Виноградов 2011; Рожанский 2011). Несколько позже вышли зулу-русский словарь А. Д. Луцкова (2014) и двухтомник трудов В. Я. Порхомовского (2018). По инициативе и под редакцией К. Г. Красухина был опубликован посмертный сборник избранных статей В. А. Виноградова (2018) по общелингвистической проблематике.

Появление новых сотрудников в это время происходило ограничено. В 1995 г. был принят на работу выпускник ФТиПЛ РГГУ Валентин Юрьевич Гусев, специализировавшийся на лингвистической типологии и работавший в отделе до 2004 г.¹ В 2001 г. поступила в аспирантуру, а в 2004 г. была зачислена в штат и работала до 2012 г. выпускница ФТиПЛ РГГУ Анна Юрьевна Урманчиева, занимавшаяся ареальной типологией, языками банту и отчасти языками манде². В 2004–2006 гг. сотрудником была специализировавшаяся на чадских языках выпускница ИСАА МГУ Татьяна Викторовна Крючкова. С начала 2006 г. в отдел был принят выпускник ОТиПЛ МГУ Андрей Болеславович Шлуинский, в сферу интересов которого вошли языки ква и другие языки Западной Африки. В 2009 г. в аспирантуру отдела поступили выпускница ИЛ РГГУ Надежда Владимировна Макеева (одновременно стала и сотрудником), специалист по языкам манде, занимающаяся описанием языка кла-дан, и выпускница ОТиПЛ МГУ Мария Александровна Косогорова (сотрудник с 2011 г.), специализирующаяся на идиоме пулар фута-джаллон и в целом на макроязыке пулар-фульфульде. В 2011 г. аспиранткой стала выпускница филологического факультета СПбГУ Мария Борисовна Коношенко, исследователь языков манде и, в частности, языка кпелле, впоследствии привлеченная к работе и как сотрудник. В 2014 г. аспиранткой, а далее и сотруд-

¹ Ныне сотрудник сектора типологии Института языкознания.

² Ныне сотрудник Института лингвистических исследований РАН.

ником стала выпускница ОТиПЛ МГУ Галина Ербулатовна Сим, занимающаяся эоидной группой бантоидных языков, в частности балеп. В 2000-х гг. сотрудником отдела был программист Валерий Геннадьевич Шешин, занимавшийся программированием базы данных, которая стала основой для исследования афразийских систем терминов родства, проводившегося под руководством В. Я. Порхомовского совместно с Д. Ибришимовым (Байройтский университет). В те же годы некоторое время в отделе работал сотрудничавший с коллективом еще с начала 1980-х гг. исследователь креольских языков Марк Владимирович Дьячков (1935–2019)¹. Можно также упомянуть двух аспирантов отдела, успешно защитивших диссертации на стыке 1990–2000-х гг., — это выпускники ФТиПЛ РГГУ Игорь Александрович Шошитайшвили, работа которого была посвящена типологии плюсквамперфекта, и Юлия Евгеньевна Галямина, исследовавшая залоговую систему сонгай и общие проблемы типологии актантных дериваций глагола.

С начала 1990-х гг. приток африканцев в Москву существенно уменьшился, и «квазиполевая» работа стала крайне ограниченной, хотя в каком-то объеме продолжалась и в 1990-е, и в 2000-е, и в 2010-е гг. Совсем редкой стала возможность консультировать собственную исследовательскую работу коллег из Африки; исключением стала в середине 2010-х гг. работа А. Б. Шлуинского с Самсоном Доджи Фенуку, аспирантом Института русского языка им. А. С. Пушкина, носителем языка эве < ква. В то же время, хотя политические причины, препятствовавшие проведению полевых исследований в Африке, исчезли, препятствием стали уже причины организационные и экономические. В 1990-е гг. надо, впрочем, отметить полевую работу по сбору социолингвистической информации о языках догон, проведенную в Мали В. А. Плунгяном, выезд в Мали же А. И. Коваль (ставший очень большим событием как для нее самой, так и для прошедших ранее ее школу многочисленных малийских коллег), выезд в Свазиленд И. Н. Топоровой.

¹ После отдела африканских языков работал профессором кафедры иностранных языков Института языкознания.

Однако принципиально становление систематической полевой работы отечественных лингвистов в африканских странах связано с именем Валентина Феодосьевича Выдрина, крупнейшего мирового специалиста по языкам манде, в 1990–2000-е гг. работавшего в Кунсткамере и на восточном факультете СПбГУ, а ныне профессора Национального института восточных языков и цивилизаций (Institut nationale des langues et civilisations orientales), исследователя Национального центра научных исследований Франции (CNRS) в лаборатории LLACAN (Париж) и главного редактора журнала *Mandenkan* (основного международного издания по языкам манде)¹. В. Ф. Выдрин никогда не был связан с отделом африканских языков формально, но с самого начала своей профессиональной деятельности имел с ним тесные научные и дружеские связи и продолжает их активно поддерживать. Именно в экспедициях В. Ф. Выдрина по изучению языков манде в Кот-д’Ивуар и Гвинею, регулярно проводящихся с 2001 г., участвовали со студенческих лет Н. В. Макеева и М. Б. Коношенко, а также ряд коллег, впоследствии учившихся в аспирантуре отдела, но по разным причинам ее не завершивших; совместно с этой экспедицией занималась также полевой работой с пулар М. А. Косогорова. Важной вехой мандеистического проекта стал выход тома «Языки манде» в энциклопедическом издании «Языки мира» (Выдрин и др. (ред.) 2017), над которым много лет работает коллектив сектора ареальной лингвистики Института языкознания². Треть авторов упомянутого тома в разные годы так или иначе были связаны с отделом африканских языков, а большая часть статей в этом издании фактически представляют собой концентрированные грамматические описания языков манде объемом в несколько печатных листов. В 2012 г. А. Б. Шлуинский

¹ Как полевой лингвист принадлежит к школе экспедиций ОТиПЛ филологического факультета МГУ под руководством А. Е. Кибрика, участвовал в экспедициях конца 1980-х гг.

² В связи с этим уместно упомянуть, что на заре этого издания к составлению схем описательных статей М. А. Журинская первыми привлекла именно сотрудников отдела африканских языков — В. А. Виноградова и В. Я. Порхомовского.

и Н. В. Макеева начали автономный полевой проект по изучению языка акебу семьи ква в Того (см. Шлуинский 2019), а впоследствии полевая работа стала проводиться разными группами и индивидуальными исследователями регулярно.

Хотя, как видно и из предшествующего изложения, состав отдела не оставался неизменным все годы его существования, в 2015–2017 гг. произошел особенно заметный перелом, когда в течение очень короткого периода отдел потерял трех крупнейших специалистов и организационных лидеров — И. Н. Топорову, В. А. Виноградова и А. И. Коваль.

В 2017–2022 г. отделом заведовал А. Б. Шлуинский, а в 2022 г. заведующей стала Н. В. Макеева. С 2017 г. по настоящее время на коротких договорах (в основном из средств грантов) в отделе работали или работают Екатерина Сергеевна Аплонова (выпускница восточного факультета СПбГУ; языки бамана и гоо семьи манде, язык гиньянга семьи ква), Мария Анатольевна Сапожникова (выпускница Школы лингвистики НИУ ВШЭ; язык джого семьи манде), Татьяна Олеговна Ханёнкова (выпускница ИСАА МГУ; идиом пулар фута-джаллон), Виктория Андреевна Позднякова (выпускница магистратуры ИЛ РГГУ; язык гиньянга семьи ква), Алексей Игоревич Федоренко (выпускник Школы лингвистики НИУ ВШЭ; язык дан-бло семьи манде), Татьяна Владимировна Мамонова (выпускница Школы лингвистики НИУ ВШЭ; язык гиньянга семьи ква); Татьяна Геннадиевна Король (выпускница магистратуры ИЛ РГГУ; язык нген семьи манде), а к полевым выездам привлекались и другие коллеги младшего поколения. Пройдя этот путь, более постоянными сотрудниками в 2022 году стали Кирилл Николаевич Прохоров (выпускник магистратуры филологического факультета СПбГУ, а в 2017–2020 гг. аспирант отдела; языки момбо и ампары кора семьи догон), и Вадим Викторович Дьячков (выпускник ОТиПЛ МГУ, а до перехода в отдел — сотрудник сектора прикладной лингвистики; язык томо-кан семьи догон и язык натиоро семьи гур) и Маргарита Алексеевна Иванова (выпускница магистратуры ИЛ РГГУ; язык аделе семьи ква). Как

создание внебюджетных ставок, так и активная полевая работа стали возможны в первую очередь благодаря исследовательскому гранту по западноафриканским языкам при поддержке РНФ в 2017–2020 гг. Существенным организационным новшеством стали неформальные рабочие семинары, на которых обсуждается широкий спектр тем от социолингвистики до инструментальной фонетики. Готовятся публикации словарей и грамматик; уже вышел словарь языка кпелле М. Б. Коношенко (2019).

Как современные научно-организационные обстоятельства, так и необходимость интегрировать результаты работы в международное сообщество лингвистов-африканистов, потребовали поиска новых форм организации публикаций. Монографические работы сменились многочисленными статьями в международных журналах. Кроме того, отдел африканских языков совместно с отделом этнографии Африки Кунсткамеры выпускает с 2020 г. международный журнал «Language in Africa», который мы во многом считаем более адаптированным к нынешним условиям преемником серии «Исследования по языкам Африки». Таким образом, по сей день продолжают теснейшие связи с петербургскими центрами, связанными с именем Д. А. Ольдерогге.

Литература

1. Аксенова И. С. 1997. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука.
2. Аксенова И. С., Ветошкина Т. Л., Журинский А. Н. 1984. Классы слов в языках Африки. М.: Наука.
3. Аксенова И. С., Топорова И. Н. 1990. Введение в бантуистику. М.: Наука.
4. Аксенова И. С., Топорова И. Н. 1994. Язык курия. М.: Восточная литература.
5. Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2002. Грамматика языка аква. М.: УРСС.
6. Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2005. Грамматика языка лаади. М.: Гуманитарий.

7. Аксенова И. С., Топорова И. Н. 2008. Грамматика языка гусии. М.: Academia.

8. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В., Четверухин. А. С. 1981. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1. (Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 15(4)). М.: Наука.

9. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В. 1982. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 2. (Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 16(3)). М.: Наука.

10. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В. 1986. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 3. (Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 19(3)). М.: Наука.

11. Виноградов В. А. 2011. Исследования по грамматике африканских языков. 2-е изд. М.: Эйдос.

12. Виноградов В. А. 2018. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. Ред. К. Г. Красухин. М.: ЯСК.

13. Виноградов В. А. (ред.). 1984. Африканская сказка. Материалы к исследованию языка фольклора. М.: Наука.

14. Виноградов В. А. (ред.). 1997а. Язык африканского фольклора. Африканская сказка II. М.: Восточная литература.

15. Виноградов В. А. (ред.). 1997б. Основы африканского языкознания. [Т. 1.] Именные категории. М.: Аспект Пресс.

16. Виноградов В. А. (ред.). 2000. Основы африканского языкознания. [Т. 2.] Морфемика. Морфонология. М.: Восточная литература.

17. Виноградов В. А. (ред.). 2008. Основы африканского языкознания. [Т. 4.] Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia.

18. Виноградов В. А. (ред.). 2010. Основы африканского языкознания. [Т. 5.] Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia.

19. Виноградов В. А. (ред.). 2014. Основы африканского языкознания. [Т. 6.] Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки. М.: Языки славянской культуры.

20. Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. 1984. Социолингвистическая типология: Западная Африка. М.: Наука. 2-е изд.

испр. и доп.: 2008. Социолингвистическая типология. М.: УРСС.
3-е изд.: 2009. Социолингвистическая типология. М.: УРСС. 4-е изд.:
2013. Социолингвистическая типология. М.: Либроком.

21. Виноградов В. А., Коваль А. И. (ред.). 1995. Проблемы изучения языков Африки: Материалы конференции, посвященной 30-летию отдела африканских языков. М.: ИЯз РАН.

22. Виноградов В. А., Коваль А. И. (ред.). 2006. Актуальные проблемы африканского языкознания 2005: Сб. статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков. М.: ИЯз РАН.

23. Виноградов В. А., Коваль А. И., Косогорова М. А., Шлуинский А. Б. (ред.). Исследования по языкам Африки. Вып. 6. К 50-летию Отдела африканских языков Института языкознания РАН. М.: Ключ-С.

24. Виноградов В. А., Коваль А. И., Шлуинский А. Б. (ред.). 2009. Исследования по языкам Африки. Вып. 3. М.: ИЯз РАН.

25. Виноградов В. А., Коваль А. И., Шлуинский А. Б. (ред.). 2013. Исследования по языкам Африки. Вып. 4. М.: Ключ-С.

26. Виноградов В. А., Коваль А. И., Шлуинский А. Б. (ред.). 2015. Исследования по языкам Африки. Вып. 5. М.: Ключ-С.

27. Виноградов В. А., Порхомовский В. Я. (ред.). 2008. Исследования по языкам Африки. Вып. 2. Африканские языки в социокультурном и ареальном аспектах. М.: ИЯз РАН.

28. Виноградов В. А., Топорова И. Н. (ред.). 2003. Основы африканского языкознания. [Т. 3.] Глагол. М.: Восточная литература.

29. Выдрин В. Ф., Мазурова Ю. В., Кибрик А. А., Маркус Е. Б. (ред.). 2017. Языки мира. Языки манде. СПб.: Нестор-История.

30. Громова Н. В., Охотина Н. В. 1995. Теоретическая грамматика языка суахили. М.: Наследие.

31. Долгопольский А. Б. 1973. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М.: Наука.

32. Журинский А. Н. 1989. Семантическая структура загадки. Немецко-африканские преобразования смысла. М.: Наука.

33. Журковский Б. В. 1968. Идеофоны: сопоставительный анализ (на материале некоторых языков Африки и Евразии). М.: ИЯз АН СССР.

34. Коваль А. И. 1990. Эпос и литература фульбе. К исследованию литературных форм младописьменного языка. М.: Наука.

35. Коваль А. И. 2010. Самые африканские страницы из жизни сектора африканских языков // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл: Сборник статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: ЯСК. С. 797–806.
36. Коваль А. И. (ред.). 2005. Африканская сказка III. К исследованию языка фольклора. М.: Восточная литература.
37. Коваль А. И., Зубко Г. В. 1986. Язык фула. М.: Наука.
38. Коваль А. И., Нялибули Б. А. 1997. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари.
39. Луцков А. Д. 2001. Пословицы и поговорки зулусов (структурный и семантический анализ). М.: Пилот.
40. Луцков А. Д. 2003. Основы грамматики языка зулу. М.: Муравей.
41. Луцков А. Д. 2014. Зулу-русский словарь. М.: УРСС.
42. Наумкин В. В., Порхомовский В. Я. 1981. Очерки по этнолингвистике Сокотры. М.: Наука.
43. Охотина Н. В. 1985. Согласовательные классы в восточных и южных языках банту. Коммуникативный статус и грамматическая структура. М.: Наука.
44. Охотина Н. В. (ред.). 1972. Фонология и морфонология африканских языков. М.: Наука.
45. Охотина Н. В. (ред.). 1975. Языковая ситуация в странах Африки. М.: Наука.
46. Охотина Н. В. (ред.). 1977. Младописьменные языки Африки: Вопросы фонологии и грамматики. М.: Наука.
47. Охотина Н. В. (ред.). 1979. Морфонология и морфология классов слов в языках Африки. Имя. Местоимение. М.: Наука.
48. Охотина Н. В., Долгопольский А. Б. (ред.). 1973. Бесписьменные и младописьменные языки Африки. М.: Наука.
49. Плунгян В. А. 1992. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). Методические рекомендации. М.: ИЯз РАН.
50. Порхомовский В. Я. 1972. Исторический консонантизм языков котоко. М.: ИЯз АН СССР.
51. Порхомовский В. Я. 2018. Очерки по исторической и антропологической лингвистике. Тт. 1–2. М.: ЯСК.

52. Порхомовский В. Я. (ред.). 1987. Африканское историческое языкознание: Проблемы реконструкции. М.: Наука.
53. Рожанский Ф. И. 2011. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак.
54. Рябова И. С. 2000. Язык дабида. М.: УРСС.
55. Топорова И. Н. 1975. Типология фонологических систем языков банту. М.: Наука.
56. Топорова И. Н. 1983. Лингала-русский словарь. М.: Русский язык.
57. Топорова И. Н. 1994. Грамматика языка лингала. М.: Помовский и партнеры.
58. Топорова И. Н. 1999. Лексическая семантика имени существительного в языках банту. М.: ИЯз РАН.
59. Топорова И. Н. 2012. Очерки по типологии фольклора банту. М.: Тезаурус.
60. Топорова И. Н. 2014. Очерк грамматики языка галва. М.: Тезаурус.
61. Успенский Б. А. (ред.). 1966. Языки Африки. М.: Наука.
62. Шлуинский А. Б. 2019. К методике полевых исследований в Африке: О тоголезских экспедициях 2010-х гг. // Нас близко теперь держит при себе Африка... Сб. статей в честь Нелли Владимировны Громовой. Ред. Ю. Г. Суетина, М. Р. Урб. М.: Ключ-С. С. 60–67.
63. Шлуинский А. Б. (ред.). 2018. Основы африканского языкознания. [Т. 7.] Языковые контакты в Африке. М.: Языки славянской культуры.
64. Ярцева В. Н., Виноградов В. А. и др. (ред.). 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия.
65. Brauner, Siegmund; Ochotina, N. V. (hrsg.). 1982. Studien zur nationalsprachlichen Entwicklung in Afrika. Soziolinguistische und sprachpolitische Probleme. Berlin: Akademie-Verlag.
66. Konoshenko, Maria. 2019. Dictionnaire kpele de la Guinée (guerzé) — français avec un index français — kpele // Mandenkan 62. 7–212. Также опубликован отдельным неформальным изданием «Dictionnaire kpele — français».
67. Plungian, Vladimir. 1995. Dogon. München: Lincom.

Department of African Languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article gives a detailed description of the history of the Department of African languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. This is a summary of research directions of the department during all the period of its activities, as well as of personal impact of its members..

Keywords: Institute of Linguistics RAS, African languages, African linguistics.

Т. М. Гавристова, А. В. Мильто, Э. Г. Цветков

Африканские исследования в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова

Аннотация: Статья описывает историю и современное состояние африканистики в Ярославле, прежде всего, в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова. В статье также прослеживается связь ярославской африканистики с традиционными африканистическими школами Москвы и Петербурга. Большое внимание уделено современному состоянию, тематике исследований и научно-педагогической деятельности африканистов в Ярославском университете.

Ключевые слова: африканистика, Ярославский университет, постколониализм, идентичность, диаспоры.

Санкт-Петербургская (Ленинградская) и Московская школы подготовки африканистов, существующие на базе университетов, соответственно в границах Восточного факультета и ИСАА МГУ

им. М. В. Ломоносова, безусловно, являются базовыми в Российской Федерации; и сколько бы подразделений, преимущественно карликовых, готовящих переводчиков, политологов, экономистов со знанием африканских языков, главным образом суахили, не создавалось в РФ, ясно одно: все они «узами кровного родства» или «через браки» связаны с Москвой и Санкт-Петербургом. История африканских исследований в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), так или иначе, в течение последних четырех десятилетий находится в неразрывной связи с ними и развивается через сотрудничество — с ИСАА, Институтом Африки РАН, Институтом всеобщей истории РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского университета и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

С начала 1980-х гг. и по сей день в отношениях с кафедрой африканистики Восточного факультета и отделом этнографии Африки МАЭ РАН оно выражается в участии в исследовательских проектах и международных конференциях, на которых ярославские студенты, аспиранты, доценты и профессора многократно выступали с докладами и руководили секциями. Их статьи публиковались и продолжают публиковаться в таких известных изданиях, как «Африканский сборник», журналы: «Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика» и «Кунсткамера» — и другие.

Одним из направлений деятельности Лаборатории востоковедения и африканистики, созданной в ЯрГУ в 1996 г., стала интеллектуальная история Африки и африканской диаспоры. В 2003 г. руководитель Лаборатории, профессор Татьяна Михайловна Гавристова защитила диссертацию на соискание докторской степени на тему: «Африканские интеллектуалы в Западном обществе»¹. Тема оказалась столь многогранна, что высветила многие

¹ Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы в западном обществе: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Гавристова Татьяна Михайловна. Ярославль, 2003.

возможные аспекты исследований, нацелив молодежь Лаборатории на изучение персональной¹ и гендерной² истории, истории

¹ Герои и антигерои в мировой истории: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции 9 июня 2017 г. / Отв. ред. Т. М. Гавристова. ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2017; Детство в Африке: мемуары, автобиографии, интервью: сборник статей участников Всероссийской конференции «Мое африканское детство: портреты и автопортреты» 17 мая 2018 г. / Отв. ред. Т. М. Гавристова; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2018; История Африки: люди и судьбы. Сборник документов и материалов / Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, ЯрГУ, 2016; Мое африканское детство: дети Африки в контексте культурной и исторической антропологии: сборник материалов Всероссийской конференции 17 мая 2018 г. / Отв. ред. Т. М. Гавристова; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2018; Блинова Е. В. «Неприкрашенная история» (О. Эквиано: грани автобиографии) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 1(43). С. 39–43; Гавристова Т. М. Неизвестная Африка: история в биографиях. Ярославль, Филигрань, 2014. 194 с.; Мильто А. В. Нуруддин Фара: на пути к признанию // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 101–104; Хохолькова Н. Е. Молефи Кете Асанте: как Африка «цивилизовала» весь мир // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 4. С. 19–22; Хохолькова Н. Е. Эдвард Уилмот Блайден: «либерийский пилигрим в Иерусалиме» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1(47). С. 27–31.

² Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре: Сборник материалов Международной научной конференции, Ярославль, 26 февраля — 03 марта 2021 года / Отв. редактор Т. М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2021. 155 с.; Гавристова Т. М., Захарова Н. А., Хохолькова Н. Е. Бернадин Эваристо: горизонты идентичности // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19. № 2. С. 202–211; Гавристова Т. М., Марасанова В. М. Женщины во власти, политике, науке и культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 3(101); Гавристова Т. М. Русские женщины в Африке: тексты, контексты, паратексты // Азия и Африка сегодня. 2019. № 2. С. 78–79; Захарова Н. А. Женский диджитал-сторителлинг в Нигерии как форма социально-политического активизма // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 75–80; Мильто А. В. Женское политическое лидерство в Сомали // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 1(43). С. 33–38; Мильто А. В. Международная конференция

искусства¹ и афроцентризма², а в XXI веке — еще и новых общественно-политических и социально-культурных дискурсов, таких как афрополитизм³ и мигритюд⁴. Исследовательская работа коллектива в библиотеках Мюнхена, Байройта, Лондона, Бирмингема, Москвы,

«Женщины во власти, политике, науке и культуре» // Преподаватель XXI век. 2021. № 2–2. С. 395–405; Хохолькова Н. Е. Афроцентристский феминизм в США (Концепт интеллектуального насилия и виктимизация // Ученые записки Института Африки РАН. 2016. № 1. С. 76–84.

¹ Полифония и полихромия в мировой истории и культуре: сборник материалов всероссийской конференции 20 мая 2016 года / Отв. редактор Т. М. Гавристова; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2016; Черное, белое, красное в мировой истории и культуре: сборник материалов региональной конференции, Ярославль, 22 мая 2015 г. / Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2015. 109 с.; Гавристова Т. М. Йинка Шонибаре: диалог со временем // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14. № 4. С. 502–509; Гавристова Т. М. Уче Океке и улизм: истоки модернизма в Африке // Африканский сборник — 2011. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2012. С. 381–390; Гавристова Т. М. Эль Анатсуй: изобразительное искусство в поисках идентичности // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9(626). С. 71–75; Гавристова Т. М., Власова Н. А. История современного изобразительного искусства Судана // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 3(13). С. 8–15; Захарова Н. А. Мировая женская мода и культура йоруба // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 1(39). С. 35–38.

² Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. Афроцентризм в США: границы трансцендентности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2(24). С. 5–10; Хохолькова Н. Е. Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций / Отв. ред. д. и. н. Т. М. Гавристова. М.: Институт Африки РАН, 2019. 196 с.

³ Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е. «Постколониальная библиотека»: афроцентризм, афрополитизм, афропейство // Диалог со временем. 2021. № 75. С. 270–285.

⁴ Гавристова Т. М. Мигритюд как презентация идентичности // Гендерный аспект африканской культуры. Между архаикой и современностью. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 194–204; Гавристова Т. М. Постколониальные нарративы: литература мигритюда // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 3(113).

Санкт-Петербурга, а также доступ к широкому кругу зарубежных и отечественных электронных информационных ресурсов позволили проводить преподавание истории Африки и африканской диаспоры и аналитическую деятельность на современном уровне.

Актуализация, тиражирование и апробирование идей в большинстве своем велись в ходе международных, всероссийских и региональных научных конференций. В их числе: «Конфликты и компромиссы в мировой истории» (2004)¹, «Проблема идентичности: кросс-культурный диалог» (2012)², «Кризис идентичности в мировой истории и культуре» (2013)³, «Черное и белое в мировой истории и культуре» (2014), «История в биографиях» (2014)⁴, «Поиски идентичности в мировой истории и культуре» (2014)⁵, «Черное, белое, красное в мировой истории и культуре» (2015)⁶, «Полифония и полихромия в мировой истории и культуре» (2016)⁷, «Источниковедение истории Африки и диаспоры» (2016)⁸, «Герои

¹ Конфликты и компромиссы в мировой истории. Материалы Всероссийской научной конференции. 3–4 июня 2004 г. Ярославль, ЯрГУ, 2004.

² Проблемы идентичности: кросс-культурный диалог. Сборник материалов международной конференции. 21–22 июня 2012 г. Ярославль: ЯрГУ, 2012.

³ Кризис идентичности в мировой истории и культуре. Сборник материалов региональной научной конференции. 11–12 апреля 2013 г. Ярославль: ЯрГУ, 2013.

⁴ История в биографиях: Африка — Европа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 16 апреля 2014 г. Ярославль, ЯрГУ, 2014.

⁵ Поиски идентичности в мировой истории и культуре. Сборник материалов круглого стола 26–27 июня 2014 г. Ярославль, ЯрГУ, 2014.

⁶ Черное, белое, красное в мировой истории и культуре. Сборник материалов региональной конференции. 22 мая 2015 года. Ярославль, ЯрГУ, 2015.

⁷ Полифония и полихромия в мировой истории и культуре: сборник материалов всероссийской конференции 20 мая 2016 года / Отв. редактор Т. М. Гавристова; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2016.

⁸ Источниковедение истории Африки и диаспоры: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием 30 марта

и антигерои в мировой истории» (2017)¹, «Мое африканское детство: портреты и автопортреты» (2018)², «Африка: постколониальный дискурс» (2020)³, «Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре» (2021)⁴, «Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу» (2022)⁵ и другие.

В 2016–2018 гг. лаборатория под руководством Т. М. Гавристовой практически в полном составе работала в рамках гранта РФФИ ААА-А16-116032250008-0 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)» (2016–2018). В ходе реализации проекта активно велся поиск источников по истории Африки и африканской диаспоры в российских, зарубежных и электронных библиотеках, формировалась база исследования, осуществлялась работа по систематизации и классификации источников, их анализ и введение в научный оборот. Параллельно шел процесс накопления эмпирического материала и разработка методологии и стратегии его изучения. В поле зрения исполнителей попали разнообразные источники — преимущественно источники личного происхождения (мемуары, автобиографии, дневники), публицистика (эссеистика), информация из периодической печати.

2016 года / Отв. редактор Т. М. Гавристова; ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2016.

¹ Герои и антигерои в мировой истории: Сборник статей участников Всероссийской научной конференции 9 июня 2017 г. / Отв. ред. Т. М. Гавристова. ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2017.

² Мое африканское детство: дети Африки в контексте культурной и исторической антропологии: Сборник статей / Ответственный редактор Т. М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2018.

³ Африка: постколониальный дискурс. Тезисы докладов участников Всероссийской конференции. 25–26 июня 2020 г. / Отв. ред.: Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. Ярославль: Филигрань, 2020.

⁴ Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре. Сборник материалов международной конференции / Отв. редактор Т. М. Гавристова. Ярославль: ЯрГУ, 2021.

⁵ Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Сборник Всероссийской конференции с международным участием. Отв. редактор Т. М. Гавристова. Ярославль, ЯрГУ, 2022.

Работа коллектива нашла отражение в статьях, опубликованных на страницах журналов, входящих в перечень изданий, рекомендуемых ВАК, и индексируемых Scopus, в учебно-методических пособиях, в том числе электронных, в тезисах научных докладов и сообщений.

Накопленная в ходе исследований информация тиражировалась на международных и всероссийских научных мероприятиях в России и за рубежом: в Бирмингемском, Таллинском, Санкт-Петербургском университетах, Институте Африки РАН и Институте всеобщей истории РАН. Ангажированность темы и концепции стала особенно очевидна во время участия руководителя и исполнителей проекта (Т. М. Гавристовой, А. В. Мильто, Н. Е. Хохольковой) в Девятых Лотмановских днях «Символ в системе культуры» в Таллинском университете в 2017 г., где для презентации исследований, выполненных проектной командой, была создана специальная секция. В 2018 г. на форуме ASUK (African Studies Association of the UK) в Бирмингемском университете большая часть секций и заседаний была посвящена именно проблемам источниковедения истории Африки и диаспоры. Доклады Т. М. Гавристовой, А. В. Мильто, Н. Е. Хохольковой, представленные в трех разных секциях, вызвали интерес и дискуссии. Во многом, благодаря научным коммуникациям, коллектив ярославских африканистов начал изучение проблем, связанных с актуализацией постколониальных теорий, задолго до того, как сюжеты колониализма и постколониальности вошли в моду.

Проведенные исследования способствовали генерации новых идей и открытию новых перспективных направлений в изучении источниковедения истории Африки и диаспоры, реализация и разработка которых требует привлечения значительных ресурсов, которых, к сожалению, у ЯрГУ пока нет. Выезды в Африку остаются крайне редкими — прежде всего в силу ограниченности финансовых возможностей. Т. М. Гавристова в 2012 г. посетила Танзанию в значительной мере благодаря приглашению Российского центра науки и культуры в Дар-эс-Саламе и его тогдашнему директору,

кандидату исторических наук Александру Сергеевичу Зданевичу. Один из недавних примеров — участие аспирантки Ю. Д. Воротиловой в Международной конференции «Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем: исследования ученых России, Танзании и других стран» в Дар-эс-Саламе 1—4 марта 2022 г.¹

К числу достижений Лаборатории можно отнести выход в свет ряда монографий, в числе которых коллективная монография «Африка. Постколониальный дискурс»², изданная совместно с Институтом Африки РАН, а также монографии Т. М. Гавристовой «Африканские интеллектуалы за пределами Африки»³ (2002) и «Неизвестная Африка: история в биографиях»⁴ (2014), А. С. Шаровой «Догоны. Этнокультурная история»⁵ (2013) и др.

Сотрудниками исторического факультета ЯрГУ были разработаны учебные курсы для историков, бакалавров и магистров, некоторые («Афро-азиатский мир: эпоха колониализма (общее и особенное)», «Источники личного происхождения: Азия, Африка, Европа», «История и культура африканской диаспоры»; «Мифы и легенды народов Африки»)⁶ напрямую касаются Африки. За годы

¹ 1—4 марта 2022 Международная научная конференция «Лидерство и власть в Африке в прошлом и настоящем: исследования ученых России, Танзании и других стран». URL: <https://www.inafran.ru/node/2634>.

² Африка: постколониальный дискурс: Коллективная монография / О. В. Воробьева, Т. М. Гавристова, В. В. Грибанова [и др.]. М.: Институт Африки РАН, 2020.

³ Гавристова Т. М. Африканские интеллектуалы за пределами Африки. Ярославль, 2002.

⁴ Гавристова Т. М. Неизвестная Африка: история в биографиях. Ярославль, ЯрГУ, 2014.

⁵ Шарова А. С. Догоны. Этнокультурная история. Lambert: Academic Publishing, 2013.

⁶ Гавристова Т. М. Культура «африканского зарубежья». Ярославль: ЯрГУ, 2002. 112 с.; Гавристова Т. М. Система образования в африканских странах. Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1990. 71 с.; Мильто А. В., Спиридонова Е. В. Мифы и легенды народов Африки: учебно-методическое пособие / сост.: Е. В. Спиридонова, А. В. Мильто; Яросл. гос. университет им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 48 с.; Мильто А. В. Этно-региональные конфликты в Азии и Африке: учебно-методическое пособие /

функционирования лаборатории получено шесть Свидетельств государственной регистрации на электронные учебно-методические пособия. Это учебно-методический комплекс А. С. Шаровой по теме «Электронные ресурсы как исторический источник по истории Республики Мали и общества плато Бандиагара»¹ — совокупность материалов и рекомендаций для самостоятельной подготовки студентов I курса магистратуры направления «История». Для магистрантов — историков I курса предназначены базы данных Н. Е. Хохольковой «Афроцентризм в США: методы работы с историческими источниками»² и «Гендерная история афроцентризма»³ и электронный учебно-методический комплекс Т. М. Гавристовой «Африканский модернизм: прошлое, настоящее и будущее»⁴.

сост. А. В. Мильто; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2017.

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018621408 Российская Федерация. Электронный учебно-методический комплекс по теме «Электронные ресурсы как исторический источник по истории Республики Мали и общества плато Бандиагара»: № 2018621095: заявл. 02.08.2018; опубл. 30.08.2018 / А. С. Шарова; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова».

² Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018620452 Российская Федерация. Электронное учебно-методическое пособие по теме «Афроцентризм в США: методы работы с историческими источниками»: № 2018620138: заявл. 02.02.2018; опубл. 16.03.2018 / Н. Е. Хохолькова; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова».

³ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2014620729 Российская Федерация. Электронное учебно-методическое пособие по теме «Гендерная история афроцентризма»: № 2014620729 от 21.05. 2014. / Н. Е. Хохолькова; заявитель федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова».

⁴ Африканский модернизм: прошлое, настоящее и будущее / Электронный учебно-методический комплекс. № 2014620510 http://book.uniyar.ac.ru/book/elektronnyu_uchebno_metodicheskij_komplred7c02013.

Одним из направлений деятельности стало исследование жизни и работы ярославцев в странах Африки в 1960–1980-е гг. Изначально это был региональный (краеведческий) интерес: Ярославский государственный педагогический институт (ныне Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского) и Ярославский государственный медицинский институт (ныне — академия) целенаправленно выпускали специалистов, владеющих английским и французским языками, для работы на континенте¹.

¹ Цветков Э. Г. Россия и Африка: аспекты регионального сотрудничества (постановка проблемы) // Модернизация и традиции: XXVI международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 20–22 апреля 2011 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков и А. С. Матвеев. СПб., 2011. С. 447–448; Цветков Э. Г. Ярославцы в Африке (постановка проблемы) // «Африка в условиях смены парадигмы мирового развития»: XII конференция африканистов, 24–26 мая 2011 г.: Тезисы / Отв. ред. А. М. Васильев и Н. А. Жерлицина. М., 2011. С. 43; Цветков Э. Г. Образ Африки (по материалам интервью ярославцев, посетивших Африку в 1960–1980-е гг.) // Проблемы изучения Африки в России и за рубежом: Материалы XI школы молодых африканистов России. Казань, 14–15 ноября 2012 г.: Тезисы / Отв. ред. В. Г. Шубин и Н. А. Жерлицина, М., 2012, С. 145–147; Цветков Э. Г. Ярославский край в системе советско-африканских отношений в 1960–1980-е гг. // Локальное наследие и глобальная перспектива. «Традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24–26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб: ВФ СПбГУ, 2013. С. 257–258; Цветков Э. Г. Ярославский край и африканские страны в 1960–1980-е гг. Незаметные страницы региональной истории // Страны Африки в глобальной политике XXI века: Материалы XIII школы молодых африканистов. Санкт-Петербург, 7–8 ноября 2014 г.: Тезисы / Отв. ред. Н. А. Жерлицина. СПб., 2014. С. 166–167; Цветков Э. Г. Гвинея-Конакри. Воспоминания советского специалиста // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2014. № 2 (28), апрель-июнь. С. 17–20; Цветков Э. Г. «Советские колонии» и «физкультурные организации» в Африке в 1960-е гг. (по материалам фондов РГАЭ, РГАСПИ и воспоминаниям советских специалистов) // Материалы XIV Всероссийской школы молодых африканистов. Москва, 17–18 ноября 2015 г.: Тезисы / Отв. ред. Н. А. Жерлицина. М. 2015. С. 109–112;

Множество неосвещенных вопросов, касающихся реализации советско-африканских отношений, раскрываются через восприятие обычных людей. В Ярославле живут сотни людей, работавших в Африке. У каждого в памяти осталась своя Африка: первые впечатления, адаптация к новым условиям, преодоление незнания, условия быта, вопросы профессиональной реализации и репутации, курьезы в отношениях с местным населением и соотечественниками. Их истории — это «живые» документы. Региональные архивы

Цветков Э. Г. Ярославские учителя в Гане в 1960-е гг. // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 299; Цветков Э. Г. Ярославские учителя в Гане в 1960-е годы // Африканский сборник — 2015 / Отв. ред. А. Ю. Желтов. СПб. МАЭ РАН, 2015. С. 109–121; Цветков Э. Г. Советские специалисты в Тропической Африке. 1960—1970-е гг.: проблемы повседневности // История: научно-образовательный журнал, 2016. Выпуск 3 (47) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001462-7-1>; Цветков Э. Г. К 60-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года: роль регионов в подготовке к Фестивалю и новые сведения о делегатах из Африки // Африканский сборник — 2017 / Отв. ред. А. Ю. Желтов. СПб. МАЭ РАН, 2017. С. 108–119; Цветков Э. Г. Советские специалисты в Тропической Африке. 1960—1970-е гг.: проблемы повседневности // Африка в судьбе России, Россия в судьбе Африки / ред. кол. А. С. Балезин, А. Б. Давидсон (отв. редактор). М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 394–430; Цветков Э. Г. «Помощники по хозяйству» (о бытовых условиях советских специалистов Африке в 1960–1970 гг.) // Азия и Африка сегодня. — 2020. — Выпуск №10 С. 69–73; Цветков Э. Г. Государственный переворот в Гане 1966 года глазами советских специалистов // Россия и Африка: от устной истории к постколониальному нарративу: сборник материалов Всероссийской конференции с международным участием 18–20 мая 2022 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль: Филигрань, 2022. С. 221–227; Цветков Э. Г. Советские врачи в Тропической Африке в 1960-е — начало 1970-х гг. (по материалам АВП РФ, РГАЭ и РГАСПИ) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 3 (113). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s2079878400020260-5-1>.

по общим вопросам советско-африканских отношений не имеют возможности дать значимые сведения. Их главное преимущество — наличие небольшого количеством конкретной информации по исполнению решений центральных органов власти. К примеру, небольшой архив и музей Ярославского моторного завода (ЯМЗ) располагает ценнейшими сведениями о своих сотрудниках, которые работали в странах Тропической Африки в составе гарантийных групп по обслуживанию советской автомобильной техники, поставляемой СССР в рамках экономических соглашений.

Результатом работы по поиску респондентов, сбору и обработке полученных сведений стала запись нескольких десятков интервью представителей разных профессий. Ярославцы работали в Алжире, Мали, Конго-Браззавиле, Танзании, Гане, Сомали, Гвинее-Конакри и Гвинее-Бисау, Судане и др. Это спортсмены и тренеры, учителя и врачи, инженеры и военнослужащие, нередко — очевидцы событий, вошедших в учебники истории.

Под эгидой лаборатории уже более 10 лет функционирует «Клуб африканистики и востоковедения ЯрГУ», сообщество студентов, аспирантов и преподавателей, занимающихся изучением различных аспектов истории и культуры стран Востока и Африки. Клуб является местом встречи не только африканистов и востоковедов, но и всех тех, кому интересна данная тематика: это школьники и специалисты, педагоги, инженеры, врачи. В числе докладчиков в разное время были профессор, доктор исторических наук, Александр Степанович Балезин (Институт всеобщей истории РАН, Москва); кандидат исторических наук Татьяна Сергеевна Денисова (Институт Африки РАН, Москва); доцент, кандидат филологических наук Ольга Юрьевна Завьялова (СПбГУ); кандидат исторических наук Надежда Евгеньевна Хохолькова (Институт Африки РАН, Москва) и другие. В центре внимания оказались презентации книжных новинок, фильмов, путешествий, но более всего исследовательские проблемы: современная транскультурная африканская литература, русские в Эфиопии, история джаза, судьба афро-германской поэтессы Мэй Айим и др.

Заседания «Клуба африканистики и востоковедения ЯрГУ» проводятся как в традиционном очном формате, так и с использованием дистанционных технологий, что позволяет объединить достаточное количество слушателей. Клуб — место встречи людей для изучения прошлого и настоящего афро-азиатского региона. На областном фестивале науки в ноябре 2014 г. проект «Африканистика» Лаборатории востоковедения и африканистики взял второе место — лучшее по ЯрГУ; особо была отмечена издательская деятельность коллектива.

Перспективы развития африканских исследований очевидны. Круг контактов со странам Африки расширяется, и коллектив ярославских африканистов, безусловно, будет продолжать свои изыскания в будущем.

African Studies at Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

Abstract: The article describes the history and modern state of African studies in Yaroslavl, primarily at Yaroslavl State University named after P. G. Demidov. The article also traces the connection of Yaroslavl African studies with traditional African schools in Moscow and St. Petersburg. Much attention is paid to the modern state, research themes and scientific and pedagogical activities of Africanists at Yaroslavl University.

Keywords: African studies, Yaroslavl University, postcolonialism, identity, diasporas.

Р. Т. Юзмухаметов, А. Р. Фаттахова

Об истоках казанской африканистики

Аннотация: Казанский университет с начала XIX века являлся одним из крупнейших центров востоковедения в России, где изучались и преподавались целый ряд восточных языков. В 1815 г. в Казанском университете были заложены основы Этнографического музея с богатой африканской коллекцией, в которой представлены самые разные экспонаты: маски, музыкальные инструменты, боевое и охотничье оружие, одежда африканских народов. В 2011 г. в Казанском федеральном университете (КФУ) была создана новая кафедра индоиранских и африканских языков для подготовки специалистов в том числе со знанием африканских языков. В 2012 г. в КФУ впервые началось преподавание суахили факультативно при участии профессора Н. В. Громовой, заведующей кафедрой африканистики ИСАА МГУ, она прочитала курсы «Введение в африканистику» и «Начальный курс языка суахили». В 2014 г. впервые были открыты академические группы языка и литературы суахили, а также языка африкаанс. При выборе методов обучения казанские преподаватели руководствовались опытом московских коллег Института стран Азии и Африки МГУ, заложивших основу преподавания африканских языков в Казанском федеральном университете. Казанская африканистика опирается и на московскую школу африкани-

стики, и на петербургскую. Сохраняется и собственная казанская традиция сравнительного изучения африканских языков в связке с неафриканскими, например, язык суахили изучался в связке со вторым арабским, а язык африкаанс в связке с немецким. Состоялся целый ряд учебно-исследовательских командировок преподавателей и студентов КФУ в Танзанию и ЮАР, в ходе которых наряду с языковой практикой проводились также исследования в интересных научных областях, а также приобреталась необходимая литература. С 2020 г. в КФУ регулярно проводится международный научный форум «Россия — Африка: политика, экономика, история, культура», куда съезжаются известные исследователи-африканисты России и из-за рубежа.

Ключевые слова: суахили, африкаанс, Казанский университет, казанская африканистика

Вместо предисловия

Любая история зарождения нового направления в университете всегда связана с личностями и поступками, после которых начинается новая реальность, новое течение жизни, новые связи между людьми. Так зародилась советская африканистика. И такой личностью с неординарными поступками был несомненно Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, положивший начало направлению африканистики в нашей стране, которое стало неотъемлемой частью советской и российской науки. Именно он стал родоначальником отечественных школ африканистики Ленинградской (Санкт-Петербургской) и Московской. Сегодня, возможно, мы наблюдаем такое явление, когда от столичных школ африканистики получают свое зарождение и региональные центры изучения Африки, как, например, в Казани и Ярославле. Можно сказать, что это внуки Ольдерогге, то есть ученики учеников Дмитрия Алексеевича, чье 120-летие мы сегодня отмечаем. Вот так развивается дело, начало которому было положено в середине 1930-х гг. в Советском Союзе, и теперь в нынешней России есть все предпосылки для зарождения и развития новых центров африканистики.

О предпосылках

Идея преподавания африканских языков в Казанском федеральном университете возникла в связи с назревшей необходимостью развивать всесторонние отношения России с Африканским континентом не только на федеральном уровне, но и на уровне регионов нашей страны. По мнению директора Института Африки РАН, профессора И. О. Абрамовой «отношения с Африкой зависят не только от того, как будут развиваться отношения между крупнейшими компаниями, сосредоточенными в федеральном центре, но в значительной степени и в большей степени от того, как будут взаимодействовать наши регионы, наши региональные компании, и в этом смысле, чрезвычайно важно создавать научные центры именно в регионах и готовить специалистов в региональных университетах» (Абрамова 2020).

Но не только экономическая составляющая была основой для открытия нового направления африканистики в Казани, но и всесторонний научный интерес казанских исследователей к культуре, языкам, истории, антропологии, международным отношениям африканских народов.

Казанский университет с начала XIX века был одним из крупнейших центров востоковедения в России, где изучались и преподавались арабский, персидский, турецкий, татарский, монгольский, тибетский и другие языки. Африканские языки до 2012 г. не преподавались, тем не менее определенный интерес к Африке существовал всегда. В 1815 г. в Императорском Казанском университете был открыт Кабинет редкостей, заложивший основы современного Этнографического музея, и в котором содержатся многочисленные экспонаты из Африки. Приобретение африканской коллекции тогда было продиктовано учебными целями — для оснащения наглядными пособиями ряда этнографических дисциплин (об африканской коллекции будет сказано чуть ниже).

За год до открытия преподавания африканских языков, в 2011 г. в КФУ была создана Кафедра индоиранских и африканских языков (название было взято по образцу МГИМО) для подготовки высоко-

коквалифицированных специалистов со знанием африканских, индийских и иранских языков, в настоящее время она переименована в Кафедру востоковедения, африканистики и исламоведения. Первым значимым событием в деятельности кафедры стало проведение выездной IX Школы молодых африканистов в 2011 г. при содействии Института Африки РАН и его директора академика А. М. Васильева, а также с приездом в Казань его тогдашнего заместителя профессора В. Г. Шубина. В то время в Казани встретились ученые и аспиранты из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля и других регионов страны для обсуждения актуальных вопросов африканистики в России и за рубежом.

Как уже было сказано в предисловии, велика роль ярких личностей в развитии университетском образовании и науки. И такой яркой личностью для нас казанцев стала Нелли Владимировна Громова, видный российский африканист, ученица Д. А. Ольдерогге, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой африканистики ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, которая в сентябре 2012 г. лично приехала в Казань с курсом лекций «Введение в африканистику» и «Начальный курс языка суахили», тем самым была заложена основа преподавания африканских языков в Казанском университете. Занятия велись факультативно для желающих студентов и преподавателей кафедры. В дальнейшем потребовалось еще два года на подготовку собственных кадров, разработку образовательных программ и на комплектование учебно-методической литературой. Большую помощь в этом оказала и продолжает оказывать Кафедра африканистики ИСАА МГУ: учебные пособия, словари, составленные Н. В. Громовой, Н. Т. Петренко, М. Р. Урб и др., переданные в дар КФУ, позволили начать изучать языки Африки по единой схеме и быть на одной волне с ведущими центрами африканистики. Первыми преподавателями африканских языков в КФУ стали доцент Р. Т. Юзмухаметов по языку африкаанс и доцент А. Р. Фаттахова по суахили.

Впоследствии, ректор Казанского университета сердечно поблагодарил профессора Н. В. Громова за всю ту помощь, которую она

и ее коллеги по кафедре африканистики оказали Казанскому университету: «Мы благодарны заведующей кафедрой африканистики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Нелли Владимировне Громовой, любезно оказавшей профессиональную помощь в открытии и развитии этого направления в КФУ» (Гафуров 2020).

Знакомство казанских преподавателей с профессором Н. В. Громовой имеет свою предысторию. Р. Т. Юзмухаметову представился случай заочного знакомства с ней в Москве: «Будучи в Москве в конце января 2012 г. в роли члена жюри на Олимпиаде по персидскому языку и литературе в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, я обратился к профессору Владимиру Борисовичу Иванову, заведующему Кафедрой иранистики этого института с просьбой познакомить меня с кем-нибудь из руководства ИСАА, чтобы я передал просьбу тогдашнего директора моего Института востоковедения и международных отношений КФУ Линара Наильевича Латыпова о помощи в организации направления африканистики в Казанском университете. В. Б. Иванов любезно провел меня в кабинет к заместителю директора ИСАА Леониду Владимировичу Гевелингу, сам сначала переговорил с ним, а затем пригласил меня в кабинет. Я изложил коротко видение руководства Казанского университета о необходимости открытия направления африканистики в Казани, и попросил познакомить меня с Кафедрой африканистики ИСАА. Л. В. Гевелинг сказал, что идея замечательная, и что нужно помочь. Сказал, что в настоящий момент заведующая кафедрой профессор Н. В. Громова находится в Африке с командировкой, и как только она вернется, он переговорит с ней. На том и договорились. По приезду Н. В. Громовой мы с ней связались, с ней переговорил Л. Н. Латыпов, наш тогдашний директор. Таким образом, можно сказать, благодаря иранистам из ИСАА МГУ мы познакомились с гостеприимной Кафедрой африканистики того же института, где нас приняли так же радушно, как и в свое время коллеги иранисты на заре открытия у нас в Казани направления иранистики в начале 2000-х гг. В последствии резуль-

таты исследований по иранистике удалось применить и на благодатном поле африканистики, когда, например, рассматривался вопрос об этногенезе суахили и о роли иранцев в формировании новой идентичности в Восточной Африке и нового языка суахили.

Еще одним значимым событием, которое окончательно подтолкнуло руководство университета пойти на открытие преподавания языков суахили и африкаанс, стал форум «Подготовка высококвалифицированных специалистов для африканских стран в КФУ», который прошел 24 января 2014 г. в зале заседаний Попечительского совета Казанского университета, и в котором приняли участие 18 послов африканских стран (Бенин, Конго, Маврикий, Руанда, Гвинея-Бисау, Замбия, Кот-д'Ивуар, Эфиопия, Тунис, Мали, Танзания, ЮАР, Зимбабве и др.). Востребованность специалистов со знанием африканских языков в академических и внешнеторговых организациях регионов России, включая Республику Татарстан, актуализировало открытие новых направлений в переименованном *Институте международных отношений, истории и востоковедения КФУ*.

Открытие групп изучения суахили и африкаанс

В 2014 г. на базе института — уже при новом директоре Рамиле Равиловиче Хайрутдинове — был осуществлен первый набор групп, специализирующихся на изучении языков Африки — суахили и африкаанс. А в 2015 г. набрали еще одну группу по языку африкаанс. Подготовка по языку суахили велась в рамках направления «Востоковедение и африканистика» («Языки и литературы стран Азии и Африки»), а обучение языку африкаанс велось по направлению «Международные отношения». Надо сказать, что идею введения языка африкаанс для подготовки студентов-международников активно поддержал тогдашний заведующий Кафедрой международных отношений профессор Яков Яковлевич Гришин, благодаря чему и состоялось два набора подряд.

При выборе методов обучения казанские преподаватели суахили и африкаанс руководствовались опытом преподавателей Кафедры

африканистики Института стран Азии и Африки МГУ. Наличие готовых учебных пособий и хрестоматий по суахили и африкаанс позволило успешно запустить учебный процесс в Казани. Было также подготовлено собственное учебно-методическое пособие «Читаем газету на языке африкаанс».

Говоря о казанской африканистике, необходимо отдать дань уважения собственным традициям Казанского университета, где с первых дней его существования в начале XIX в. заложены истоки лингвистической компаративистики, были выработаны и подходы интерпретации научной информации по Африке с учетом сравнения африканских реалий с реалиями восточных народов самой России, ведь Казань является по сути центром восточной культуры России, где переплетаются между собой традиции тюркологии, арабистики, иранистики. Такой подход было интересно применить и по отношению к языковому и культурному материалу из Африки, например, при изучении вопроса об этногенезе народа суахили и его языка, вопроса об адаптации текста Корана в Восточной и Южной Африке, изучение вопросов распространения исламского вероучения и суфизма в Африке в сопоставлении с поволжскими тюрками. То есть на лицо новый подход к изучению языков и культуры Африки с точки зрения казанского востоковедения, если можно так выразиться.

Кроме того, была выработана и собственная сопоставительная методика изучения африканских языков в связке с неафриканскими, например, язык суахили изучался в паре с арабским, а язык африкаанс — с немецким. В вузах Москвы и Санкт-Петербурга в качестве второго языка студентов-африканистов обучают языкам африканского континента: хауса, киньяруанда, африкаанс и др. В Казанском университете на выбор второго языка в большей степени оказал влияние кадровый состав кафедры. В то же время обучение, например, суахили в паре с арабским было продиктовано стремлением преподнести язык с учетом исторического пути народа суахили, на формирование которого значительное влияние оказал арабский язык в культурной, научной, религиозной и экономической

сферах. Изучение и сравнение фонетической системы суахили и арабского языка положительно сказывалось на понимании звукового строя разноструктурных языков. Так, в большинстве случаев студенты по фонетической оболочке могли определить, является ли то или иное слово заимствованным в африканском языке. Выявление сходств и различий в фонетической, лексической и грамматической системах разноструктурных языков подпитывало интерес обучающихся к дальнейшему изучению суахили и арабского языка, что впоследствии вылилось в написание научных работ студентами.

Изучение африкаанс в паре с немецким также существенно помогает пониманию грамматической и лексической природы этих родственных языков, а также делает выпускников конкурентными при выборе дальнейшего рода своей деятельности, связав свои интересы либо с Европой, либо с Южной Африкой.

Интересным фактом является то, что с 2016 г. выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета А. И. Лазарев (уроженец г. Казани) вел язык суахили для студентов-филологов, передавая те знания и традицию обучения, которые он получил в своей альма-матер от своих именитых наставников, таких как, например, профессор А. Ю. Желтов (заведующий кафедрой африканистики Восточного факультета СПбГУ). Таким образом можно говорить и о преемственности петербургской школы африканистики на благодатной казанской почве, тем более памятуя о давних связях университетов Казани и Санкт-Петербурга. Можно сказать, что методика преподавания суахили в Казанском университете вобрала в себя опыт трех ведущих российских университетов.

Пока что состоялось три выпуска групп со знанием языков суахили и африкаанс (в 2018 и в 2019 гг.). Филологи-суахилисты на защите дипломных работ продемонстрировали достойное владение языком суахили — все их работы были выполнены на основе прочитанных ими современных литературных произведений на языке суахили. Книги, привезенные из Танзании и ЮАР, представляют собой оригинальные произведения местных африканских авторов, а также переводные произведения на африканские языки.

В последствии некоторые выпускники продолжили свои африканские исследования в магистратуре Восточного факультета СПбГУ. Что касается языка африкаанс, один выпускник в настоящее время в аспирантуре разрабатывает тему по Намибии.

В настоящее время ведется обучение суахили в качестве второго языка в Казанском университете, мы надеемся, что вскоре вновь откроются группы с первым основным африканским языком. Сейчас есть робкая надежда, что в скором времени у нас появится и свой специалист-хаусист из кадрового состава кафедры.

О стажировках в Африке

Знание языка — это ключ к пониманию менталитета народа, его культуры, традиций и обычаев (Громова 2020). Повышению эффективности обучения иностранному языку, а также ознакомлению с культурой его носителей, не говоря уже о сборе материала для научных исследований, способствуют стажировки в страну изучаемого языка. Подобные стажировки являют собой реализацию модели соизучения языка и культуры. В условиях реальной языковой среды изучаемый язык, как правило, является единственным средством общения между практикантами и носителями языка. Состоялись многочисленные учебно-исследовательские командировки преподавателей и студентов КФУ в Танзанию и ЮАР, в ходе которых наряду с языковой практикой, проводились также исследования в интересующих научных областях, а также приобреталась необходимая литература.

Языковые стажировки в Танзанию проходили благодаря непосредственной поддержке Р. Р. Хайрутдинова, директора Института международных отношений КФУ (новое переименование института в 2018 г.). Кроме того, имеется Меморандум о сотрудничестве между КФУ и Дар-эс-Саламским университетом, заключенный в 2014 г. Заключение Меморандума о сотрудничестве стало возможным благодаря содействию профессора Н. В. Громовой, которая помимо непосредственного участия в преподавании этого

африканского языка в Казанском университете, также лично провела переговоры с дирекцией Института суахилийских исследований в Дар-эс-Саламе (Танзания) и добилась положительных для нас результатов. Подписание Меморандума состоялось в 2014 г. во время языковой стажировки в Танзанию студентов Института стран Азии и Африки МГУ, организованной Н. В. Громовой, которая любезно согласилась взять с собой в Африку и представителей Казанского университета (двух студентов и доцента А. Р. Фаттахову). За время поездки удалось изучить культурно-образовательный маршрут, в ходе которого осуществлялось знакомство с этой африканской страной и происходило погружение в практику общения с местными жителями, говорящими на суахили.

В феврале 2016 г. состоялась первая самостоятельная поездка казанских студентов-суахилистов в Танзанию. В большей степени стажировка дублировала маршрут, ранее проложенный нашими московскими коллегами. Непосредственно в самой Танзании большое содействие в организации визита казанских африканистов оказали сотрудники Российского центра науки и культуры (директора А. С. Зданевич и А. М. Цыкунов), предоставившие комфортные условия для проживания; сотрудники посольства РФ в Танзании, оказавшие помощь в организации культурной программы; а также выпускник Санкт-Петербургского университета А. Злобин, проживающий в Восточной Африке и работающий в сфере туризма.

Стажировка в Танзании не ограничилась знакомством с языком суахили и страной. В Российском центре науки и культуры в Танзании казанскими студентами был организован и проведен вечер, посвященный Республике Татарстан и ее столице Казани. На этом мероприятии посетители ознакомились с историей города Казани, экономикой Татарстана, узнали о национальных традициях, были впечатлены зажигательным татарским танцем и исполненной на татарском языке песней «Туган як» («Родной край»). В конце вечера гостей ждало чаепитие с татарскими национальными сладостями. Данная культурная программа была продиктована стремлением наладить научно-культурные связи между российским регионом

Татарстаном и Африкой силами будущих выпускников-африканистов, чья роль в широком смысле должна сводиться к установлению и развитию межчеловеческих и межгосударственных связей в различных областях.

Часть группы африканистов отправилась в Танзанию во второй раз в 2017 г. с основной целью собрать материал для будущей дипломной работы. Студенты изучили материалы библиотеки Института суахилийских исследований Университета Дар-эс-Салама (Taasisi ya Taaluma za Kiswahili — ТАТАКИ) и Национальной библиотеки Танзании (Maktaba Kuu ya Taifa). В соответствии с темами дипломных работ они привезли уникальный материал, позволяющий им подготовить актуальные исследования по языку и литературе суахили, обладающие высокой степенью научной новизны. Впоследствии результаты исследования были апробированы ими на международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях, а также в виде публикаций в различных сборниках научных статей. Среди достижений молодых африканистов в научной области следует отметить исследование Андрея Космылина, который с докладом «Развитие детективного жанра в литературе Танзании» был удостоен диплома III премии на XXV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов — 2018» в г. Москве. Настоящее исследование дает представление о становлении и развитии детективного жанра в литературе Восточной Африки. На основе прочитанных детективных произведений, написанных в разное время, автором была разработана периодизация детективного жанра в литературе Танзании.

В ходе данной стажировки отдельным студентам удалось встретиться и взять интервью у современных писателей Танзании на языке суахили, что продемонстрировало их умение самостоятельно планировать и проводить научные исследования, а также показало готовность к профессиональной деятельности.

Что касается поездок в ЮАР, состоялось четыре визита доцента Р. Т. Юзмухаметова в 2016, 2017, 2018 и в 2020 гг. с целью сбора иссле-

довательского материала, приобретения книг на языке африкаанс и книг о Южной Африке, состоялось знакомство с работой Стелленбошского университета (2016), с Отделением африкаанс и нидерландского языка Кейптаунского университета (2017), с Кафедрой африкаанс университета Претории (2018). Во всех случаях речь идет о возможности для наших студентов и преподавателей приезжать в эти университеты в любое время, и практиковаться в языке африкаанс или интересующих нас дисциплинах. По крайней мере, южноафриканские коллеги знают о преподавании африкаанс в Казанском университете, и находятся с нами на связи.

Во время поездок в африканские страны студенты и преподаватели приобретали художественную литературу на суахили и африкаанс. Кафедральная библиотека Института международных отношений КФУ в настоящее время постепенно пополняется африканской художественной литературой, также накоплена неплохая коллекция научно-популярной, справочной и учебной литературы, благодаря помощи коллег из Москвы и Санкт-Петербурга, и являет собой достойную базу для организации учебного процесса и осуществления научно-исследовательской деятельности по африканскому направлению в Казани. Количество наименований художественных произведений пока не столь велико, как хотелось бы, но практически все книги отсканированы и составляют электронную библиотеку африканской художественной литературы Института.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что современный этап развития казанского востоковедения неотъемлемо связан с новым для Казани направлением — африканистикой. Состоялось три выпуска бакалавров со знанием языка суахили и африкаанс, обучение суахили продолжается и сейчас в качестве второго языка, сформирован прочный фундамент материального обеспечения учебного и научно-исследовательского процесса. Дисциплины язык суахили и африкаанс стали обыденным явлением в сознании руководства Казанского университета и студенчества. Преподаватели ведут активную научно-исследовательскую деятельность по африканской филологии и культуре. Все это стало возможным,

прежде всего, благодаря слаженной и дружной работе сотрудников Казанского университета с коллегами из ведущих вузов Москвы и Санкт-Петербурга.

Африканская коллекция Этнографического музея Казанского университета

Как уже упоминалось в начале статьи, открытие Кабинета редкостей Казанского Императорского университета в 1815 г. заложило основы современного Этнографического музея. Первыми экспонатами считаются предметы, собранные профессором И. М. Симоновым во время его кругосветного путешествия на шлюпе «Восток» (под начальством Беллинсгаузена) в качестве астронома-наблюдателя (Пинегин 2005). Созданная в Казанском университете в 1884 г. Кафедра географии и этнографии сыграла большую роль в организации Этнографического музея и его комплектовании страноведческими предметами. Пополнение этнографическими коллекциями было продиктовано учебными целями: оснащение наглядными пособиями ряда этнографических дисциплин. Экспонаты закупали в специализированных зарубежных учреждениях и приобретали в ходе этнографических экспедиций университета.

Коллекции музея содержат материалы, выявляющие традиционную жизнь как народов Российской империи и Советского Союза, так и народов разных регионов мира (Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и Океании, Дальнего и Среднего Востока).

В 1842–1843 гг. для Кабинета редкостей была приобретена Коллекция египетских древностей, включавшая мумию младенца из Фивских катакомб, барельеф Рамзеса V из его гробницы, 12 идолов, ожерелье и несколько других вещей (Гущина 2017).

Благодаря активной переписке первого заведующего кафедрой географии и этнографии П. И. Кротова с Музеем-лабораторией Умляуффом в Гамбурге 2 ноября 1902 г. была доставлена большая коллекция, раскрывающая культуру и быт народов Африки (всего 127 предметов). Коллекцию сопровождали два манекена —

женщина гереро и молодой воин масаи (Гушина 2017). Собрание экспонатов включало в себя: боевое и охотничье оружие племен из Уганды, Дагомеи, Камеруна, Судана, Сомали и ряда других стран Африки (лук, стрелы, ножи в ножнах, мечи, копья, щиты); ударные и щипковые музыкальные инструменты (трещотки, барабан, маримба); бытовая утварь (сосуды, горшки, чашечки); украшения (браслеты, ожерелья, украшения из перьев); предметы одежды (пояса набедренные, платки, сандалии, повязки из кожи) и др. Экспонаты африканской коллекции, сгруппированы по функциональному признаку и подразделяются на историко-типологические ряды предметов. На данный момент музей располагает коллекционной описью в печатном виде.

Прежде африканская коллекция была размещена в кабинете Кафедры географии и этнографии и использовалась в качестве иллюстративного материала при чтении страноведческих курсов. В настоящее время часть африканской коллекции установлена в выставочном зале музея, остальная часть содержится в его фонде.

Пополнение африканской коллекции продолжается и на современном этапе. В 2011 г. в дар Этнографическому музею КФУ из Санкт-Петербурга от Я. Я. Голко была передана уникальная частная коллекция африканских масок и скульптур, охватывающая маски предков, маски-шлемы, маски-личины, фигурки Шетани из черного дерева, колониальные игрушки, маски тайных обществ народов йоруба, теке и др., а также три бюста представителей народов Экваториальной Африки. Коллекция формировалась на протяжении XIX–XX веков, она включает в себя 95 ритуальных масок и скульптур, выполненных из дерева, металла, глины, кожи и растительных материалов¹.

Еще предстоит провести научное описание отдельных музейных экспонатов, сопроводить их иллюстрациями; необходимо создать каталог африканской коллекции Этнографического музея Казанского университета.

¹ Африканские маски можно увидеть в Кремле. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/afrikanskie-maski-mozhno-uidet-v-kremle.html> (дата обращения: 10.01.2023).

О форуме «Россия — Африка»

На базе Института международных отношений КФУ с 2020 г. ежегодно проводится Международный научный форум «Россия — Африка: политика, экономика, история и культура». Организаторами выступают Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир» и ряд российско-африканских культурно-образовательных и научно-исследовательских фондов.

Форум проходит под эгидой секретариата «Форума партнерства Россия — Африка», возглавляемого Послом по особым поручениям МИД РФ О. Б. Озеровым. На форум приглашаются послы африканских стран, руководители организаций, занимающихся африканскими исследованиями, ученые-африканисты из России, стран СНГ, а также из стран Африки. Обсуждается широкий круг актуальных вопросов, относящихся к истории и современности Африки, ее многообразной культуры, политики, экономики, развитию отношений России со странами Африканского континента. К работе Форума привлекаются ведущие организации и ученые, занимающиеся исследованиями Африки, а также вопросами российско-африканского взаимодействия — Институт Африки РАН, Институт востоковедения РАН, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Восточный факультет СПбГУ, РУДН, а также региональные центры изучения Африки.

На Международном научном форуме «Россия — Африка: политика, экономика, история и культура» обычно заявляется около десяти секций, которые посвящены африканским языкам и культурам, истории, экономике, политике, международным отношениям России и Африки и т. д. По словам Д. А. Таюрского, первого проректора КФУ, на церемонии открытия III Международного научного форума «Россия — Африка»: «Казанский федеральный университет следует той задаче, которую при открытии в 1804 г. Университета указал император Александр I, то есть строить мосты для обмена культурами, знанием; и сегодня уже мы рассматриваем Африканский континент — это новая задача, которая стоит перед

нашим университетом, и мы с большим энтузиазмом начинаем здесь работать», также он добавил: «у нас в России говорят, раз три раза произошло — значит уже все нормально, далее назад дороги нет — и в 4-й, и в 5-й и в 6-й раз форум «Россия — Африка» будет проходить в Казани» (Таюрский 2022).

Таков краткий обзор нынешнего состояния африканистики в Казанском федеральном университете.

Список литературы

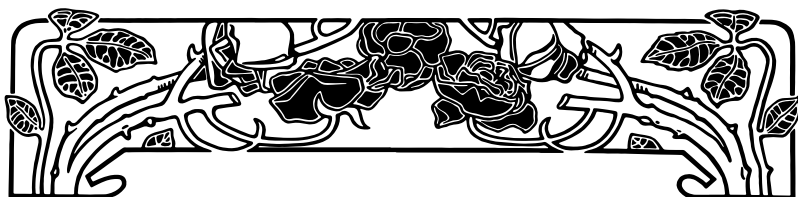
1. Абрамова И. О. Выступление на пленарном заседании // «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы I Международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань, 2020. С. 10–11. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1163751654/Sbornik.Rossiya.Afrika._1_.pdf (дата обращения: 26.02.2023).
2. Гафуров И. Р. Выступление на пленарном заседании // «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы I Международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань, 2020. С. 7–9. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1163751654/Sbornik.Rossiya.Afrika._1_.pdf (дата обращения: 26.02.2023).
3. Громова Н. В. Выступление на пленарном заседании // «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы I Международного научного форума, Казань, 11 ноября 2020 г. Казань, 2020. С. 28–29. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1163751654/Sbornik.Rossiya.Afrika._1_.pdf (дата обращения: 26.02.2023).
4. Гущина Е. Г. Этнографические коллекции кафедры географии и этнографии Казанского Императорского университета // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskie-kollektsii-kafedry-geografii-i-etnografii-kazanskogo-imperatorskogo-universiteta> (дата обращения: 10.01.2023).
5. Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. Казань, 2005. С. 492.
6. Таюрский Д. А. Выступление на пленарном заседании // «Россия-Африка: политика, экономика, история и культура». Материалы

III Международного научного форума, Казань, 13 октября 2022 г. Казань, 2022. С. 6–8. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_922571704/Sbornik.Rossiya.Afrika.13.oktyabrya.2022.goda.Kazan.pdf (дата обращения: 26.02.2023).

The Origins of African Studies in Kazan

Abstract: Kazan University has been one of the largest centers of Oriental studies in Russia since the beginning of the 19th century. In 1815, the Ethnographic Museum was founded at Kazan University with a rich African collection, which presents a variety of exhibits. In 2012, teaching of Swahili as an elective course began at Kazan University with the participation of Professor Nellie V. Gromova, Head of the Department of African Studies at IAAC MSU, she gave courses in Swahili and Introduction to African Studies. In 2014–15, first academic groups for the language and literature of Swahili and Afrikaans were opened. When choosing teaching methods, the teachers were guided by the experience of teachers from the IAAC of MSU, which laid the foundation for teaching African languages at Kazan University. African Studies in Kazan relies on both the Moscow School of African Studies and the St. Petersburg School. Kazan's own tradition of comparative study of African languages in conjunction with non-African languages is also preserved, i.e., the Swahili language was studied in conjunction with Arabic, and Afrikaans in conjunction with German. Several research trips of teachers and students at Kazan University to Tanzania and South Africa took place, during which, along with language practice, research was also carried out in interested scientific areas, and the necessary literature was acquired. Since 2020, Kazan Federal University has been regularly hosting the international scientific forum “Russia–Africa: Politics, Economics, History, Culture”, which brings together famous African researchers from Russia and abroad.

Keywords: Swahili, Afrikaans, Kazan University, Kazan African Studies.

АФРИКАНСКИЕ
КОЛЛЕКЦИИ

Д. В. Ванюкова

Коллекция традиционных покрывал *khasa* (фульбе, Республика Мали) в собрании Государственного музея Востока: история поступления, состав, семантика предметов

Аннотация: В статье описывается история изучения культур народов Мали, тесно связанная с деятельностью Д. А. Ольдерогге. Приводятся также сведения о современных экспедициях в Мали и пополнении африканской коллекции Государственного Музея Востока ИВ РАН. Особое внимание уделяется коллекции традиционных покрывал народа фульбе.

Ключевые слова: Мали, фульбские покрывала, ткани, Государственный Музей Востока, Д. А. Ольдерогге, экспедиции.

В выдающемся творческом наследии Д. А. Ольдерогге (1903–1987) отдельную страницу занимает изучение этнографической реальности, связанной с культурами этносов Республики Мали, где ему довелось побывать дважды.

В 1961 г. в ходе ознакомительной поездки ученый посетил Сенегал и Мали. О своих впечатлениях и итогах поездки им было

сделано сообщение на заседании Географического общества СССР 18 октября 1961 г.¹ С декабря 1963 по март 1964 г. Д. А. Ольдерогге работал в Мали в качестве руководителя экспедиции, которая занималась изучением языковой специфики этносов бамбара, фульбе, сонгаи и др. для создания алфавитных систем письма на африканских языках². Результаты этой поездки были зафиксированы в ряде статей³, а также послужили расширению фондов Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН: в ходе экспедиции были собраны две коллекции (№ 6469, 6541), вошедшие в состав африканского собрания музея⁴.

Работа по изучению этносов Мали, несомненно, обогатила визуальный опыт ученого, дала сравнительный материал для новых исследований и, что также представляется чрезвычайно важным, в принципе позволила нанести на карту изучения африканских культур отечественными учеными новые регионы, подготовив почву для будущих исследователей.

На взгляд автора, «малийский эпизод» биографии Д. А. Ольдерогге неочевидным, но несомненным образом связан также с историей коллекции африканского искусства в Государственном музее Востока. Как кажется, оба эти явления — открывшаяся для ученых возможность работы в Республике Мали и первые поступле-

¹ Вальская Б. А., Жуков А. А., Ягья В. С. Д. А. Ольдерогге и Географическое общество СССР // Страны и народы Востока. Вып. XXVII. М., 1991. С. 10.

² Что вероятно было неким «официальным поводом» для работы, т. к. системы письма на основе латиницы были приняты в Бамако в 1963 г., а нко разработан в 1949 г.: *Выдрин В. Ф.* Нко, образование на языках манден и панмандингское языковое единство // Африканский сборник — 2013. С. 163, 166.

³ Ольдерогге Д. А. Три города Западного Судана — три столицы // Страны и народы Востока. Вып. XXVII. М., 1991. С. 18–29; Ольдерогге Д. А. Земледельческие орудия Западного Судана (бамбара и сонгаи, Республика Мали) // *Africana* (Африканский этнографический сборник) VI. Труды Института этнографии. Т. 90. М.; Л., 1966. С. 3–10.

⁴ Арсеньев В. Р. Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западносуданского этноса в коллекциях МАЭ РАН. СПб., 2011. С. 75–76.

ния предметов из Западной Африки в собрание ГМВ — находятся в одном контексте, и контекст этот историко-политический.

«Через Западную Африку Советский Союз «прорубил окно» в ту часть континента, которую принято называть Тропической Африкой. К началу 1960 г., когда там началась массовая деколонизация, СССР уже имел отношения с Ганой, Гвинеей и Либерией»¹. Опубликованные архивные материалы, касающиеся внешней политики СССР в Тропической Африке², позволяют сделать вывод о том, сколь быстро и интенсивно Советский Союз наращивал свое присутствие, в том числе, в Западной Африке, налаживая и укрепляя экономические, политические, культурные связи.

Контакты между странами укреплялись в нескольких направлениях одновременно: визиты и ответные визиты первых лиц государств, принятие взаимных обязательств и заключение торгово-экономических сделок, обмен специалистами. К последнему — сотрудничеству в научной сфере — мы можем отнести работу Д. А. Ольдерогге в Мали: его экспедиция работала в стране именно по приглашению малийских властей, и «участники экспедиции собрали обширный материал, необходимый для оказания помощи ученым Мали по введению письменности этих языков»³.

Важной частью установления контактов являлся также институт дипломатических подарков, которые вручались официальным лицам государств-участников в ходе переговоров как на территории Западной Африки, так и в ходе ответных визитов африканских лидеров в Советский Союз. Мы неплохо знаем, какого рода подарки преподносило советское правительство лидерам стран Западной Африки. Так, согласно записке Международного отдела ЦК КПСС

¹ Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964 гг. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук. М., 2002. С. 1.

² Россия и Африка. Документы и материалы 1961 — начала 1970-х. Отв. ред. С. В. Мазов. М., 2021.

³ Вальская Б. А., Жуков А. А., Ягья В. С. Д. А. Ольдерогге и Географическое общество СССР // Страны и народы Востока. Вып. XXVII. М., 1991. С. 10.

от 5 сентября 1962 г., делегация КПСС в составе «т.т. Мусаханова М. М., Павлова В. Я. и Лощакова А. И.» должна была передать членам Политбюро партии Суданский Союз подарки и памятные сувениры: Генеральному секретарю партии Модибо Кейта был предназначен фотоаппарат, членам Политбюро — наручные часы, партийцам рангом попроще были заказаны памятные значки, а символическим подарком всей партии стало знамя с портретом В. И. Ленина¹. Как видно из этого и подобных ему описаний, подарки не были дорогими и носили скорее символическое значение. Правда, президенту Модибо Кейта несколькими годами позднее, в 1965 г. был преподнесен в дар автомобиль «Москвич-408», однако в следующем году малийский лидер обратился к правительству СССР с просьбой о приобретении следующей машины на собственные средства².

Что касается подарков, вручаемых лидерами африканских стран и официальными лицами советскому правительству, то они также, как правило, не были чрезмерно дорогостоящими, чаще представляя собой традиционные изделия из дерева, металла, кости³. Коллекция ГМВ, которая в 1960—1990-е гг. пополнялась, в том числе, передачами дипломатических даров, что было важным для расширения фонда африканского искусства в отсутствие экспедиций в Африку, может отчасти служить источником сведений об этой стороне внешнеполитической деятельности.

Так, в собрании ГМВ хранится коллекция из двенадцати покрывал, которые, согласно учетной документации, были выполнены в Республике Мали в 1960-е гг. Что касается датировки, то ее происхождение вполне понятно: даты были установлены сотрудниками

¹ Россия и Африка. Документы и материалы 1961 — начала 1970-х гг. Отв. ред. С. В. Мазов. М., 2021. С. 418—419.

² Указ. соч. С. 442.

³ Правда, примечательное исключение — это хранящийся в собрании ГМВ церемониальный наградной венец *акудамай* конца XIX в., выполненный мастером амхара (инв. № 4699 II) и преподнесенный советскому правительству Хайле Селассие I в ходе его визита в Советский Союз в 1959 г. Драгоценное массивное изделие выполнено из серебра.

на основании дат поступления предметов — комплекс поступил в музей в несколько этапов, даты поступления указаны, начиная с 1960 г.

Поступления сгруппированы следующим образом. Два одеяла (инв. №№ НВ II 235 и НВ II 236) поступили из фондов Оружейной палаты в 1959 г. Согласно внутримузейному акту № 1 от 5 января 1960 г. в составе комплекса предметов, переданных от Государственной Оружейной палаты 21 декабря и 30 декабря 1959 г., находились два «ковра», переданных в дар советскому правительству господином Секу Туре (Гвинея). Ахмед Секу Туре (1922—1984) был первым президентом независимой Гвинеи, так что оба покрывала происходят с территории Гвинейской Республики. В учетной документации предметы атрибутированы как изделия этноса сонгаи, однако атрибуция представляется небесспорной, т.к. тип ткани (шерсть, тканная вручную на хлопковой основе), характер расцветки и орнамента покрывал, а также тот факт, что ведущее место в этническом составе государства занимают фульбе, заставляют предположить, что покрывала относятся к ремесленным изделиям именно фульбе.

Вторая группа предметов (инв. №№ 4546 II — 4547 II, 4572 II, 4574 II, 4744 II, 4767 II — 4771 II) были переданы в музей в 1966 и 1967 гг. по актам № 5 от 15 февраля 1966 г. и № 21 от 5 августа 1967 г. Передачи происходили из фондов Музеев Московского Кремля и непосредственно от ЦК КПСС, что также указывает на связанное с дипломатическими подарками происхождение этих предметов. В актах, к сожалению, не указаны имена дарителей, но мы можем предположить, что подарки вручались в ходе одного из многочисленных взаимных визитов малийских и советских официальных лиц. Эти одеяла были атрибутированы как происходящие с территории Республики Мали в соответствии с информацией из актов передачи и под вопросом также отнесены к ремесленным изделиям сонгаи. Однако, как и в случае с первой группой, мы можем с уверенностью отнести их к работе мастеров этноса фульбе.

Аналогии нашим предметам многочисленны и могут быть найдены в частных коллекциях — дорогой материал тонкой выделки

и изысканный вытканый орнамент делают покрывала фульбе желанными предметами для коллекционеров африканских тканей¹. Кроме того, подобные изделия находятся в собрании крупных музеев (например, Британский музей, инв. № Af1990,12.1; музей Метрополитан, инв. № 1997.446.; музей Принстонского университета, инв. № y1953–88).

Сопоставление с указанными предметами говорит о том, что покрывала из собрания ГМВ представляют собой классический вариант ремесленного изделия этноса фульбе — свадебное покрывало *khasa* (варианты написания: *hassa*, *khassa*, *kaasa*). Одежда изготавливается из тонко выделанной небеленой овечьей шерсти на хлопковой основе, что указано, например, в случае с упомянутым изделием из Британского музея. Вручную сотканые полосы шириной 10–15 см и числом от 6 до 8 шт. сшиваются встык. Края покрывала сплетаются в недлинные кисти. Количество полос, похоже, продиктовано практическими соображениями: покрывало должно свободно укрывать взрослого человека, но не быть слишком громоздким и объемным². Известны покрывала, состоящие из пятнадцати полос, однако их принято относить уже к интерьерным тканям³.

Примечателен декор покрывал: в белое полотно воткан орнамент из четырех цветов — черного, красного, охристо-красного и желтого. Цветными нитями ткются полосы и тяготеющие к геометрическим формам орнаментальные вставки, которые «воспроизводят мифы фулани»⁴. Последнее утверждение представляется небесспорным, особенно в современных реалиях — зачастую для европейских исследований характерно наделение орнамента

¹ См., например, сайт www.adireafricantextiles.com

² То же число сшиваемых полос зафиксировано у фульбе в Нигерии: Ibeton F. O., Ogunduyile S. R. Design and marketing of textile and clothing in Nigeria // Nigerian Journal of Clothing & textile. 2015. Vol. 1. P. 4.

³ LaGamma A., Giuntini C. The Essential Art of African Textiles: Design Without End. N-Y., 2009. P. 38.

⁴ <https://collection.maas.museum/object/371553> (Дата обращения: 20.02.2023).

чрезмерной символической «нагрузкой». Однако П. Императо указывает, что типы орнаментов отлично известны самим ткачам, делятся ими по степени сложности исполнения, имеют свои наименования и описываются понятиями «дерево», «плод», «братья», «семейные узы». Заказчик платит за виртуозность исполнения, не вдаваясь в детали относительно типов орнаментации¹, так что возможно предположить, что перед нами скорее понятный внутри самого сообщества ткачей профессиональный сленг, чем мифологически нагруженные элементы декора. Одежда вручается как свадебный подарок от невесты жениху во время свадебной церемонии и используются для обогрева и защиты от moskitov в прохладный сезон с ноября по январь и как покрывала в ночное время суток. У фульбе покрывала изготавливают мужчины-ткачи *маабубе* (Maboube) из «касты» ремесленников *ниейебе* (Nieyebe)², хотя хлопковые и шерстяные нитки прядут женщины, прежде всего относящиеся к той же «касте» *маабубе*³.

Традиционное место изготовления покрывал, как указывает П. Императо, — регионы Мопти и Ниафунке, которые являются одним из центров расселения скотоводов фульбе. Второй центр изготовления *khasa* — Тененку, Дженне, Сан и Масина. Именно регион Мопти традиционно называется в исследованиях и музейных описаниях в тех случаях, когда локализовано место изготовления покрывал. Как и наши изделия, аналогичные в музейных коллекциях относятся к периоду от начала XX в. до 1960-х гг. Интересно, что Мопти является также крупнейшим рынком перепродажи и обмена использованных покрывал *khasa* (если это изделия тонкой, высококачественной работы), а значит может считаться источником поступления в музейные и частные собрания как место именно покупки покрывал, а не заказа их у мастеров. Более того, два из хранящихся в коллекции ГМВ покрывал имеют весьма ветхое

¹ Imperato, P. J. Wool Blankets of the Peul of Mali // African Arts. 1973. Vol. 6(3), № 40. P. 45–47.

² Imperato, P. J. Wool Blankets. P. 40.

³ Там же.

состояние и совершенно очевидно были приобретены для подарков советским политическим деятелям использованными: ситуация, абсолютно нормальная для рынка этой продукции в культуре фульбе, но наверняка не вполне корректно понятая получателями даров.

Работа в составе Малийской экспедиции Института востоковедения РАН позволила автору подтвердить некоторые положения, уже высказанные в статье, и сравнить сведения, касающиеся «классических» покрывал *khasa*, с современной этнографической картиной, в которой эти одеяла продолжают бытовать, хотя, нужно отметить, что автору не удалось найти современные примеры *khasa* ни в коллекциях частных лиц, ни в музейных собраниях. Вероятно, как и в случае с африканской деревянной скульптурой, собирателей мало интересует современное ремесленное творчество, которое представляется вторичным по отношению к «аутентичным», «подлинным», «старым» предметам.

Но ремесленные традиции этносов Мали не исчезли, а некоторые их отрасли продолжают процветать, т. к. изготавливаемые предметы по-прежнему не оторваны от прямого функционального назначения и сохраняют свои качества статусных вещей. Это в полной мере относится к *khasa*.

В ходе подготовки к экспедиционному сезону 2020 г. и обсуждения стратегии пополнения фонда, автор и тогдашний хранитель собрания африканского искусства ГМВ В. Е. Войтов (1946–2021) решили, что пополнение коллекции тканей будет одним из предпочтительных вариантов закупки. Обстоятельства внешне не благоприятствовали экспедиции: нам пришлось изменить маршрут поездки, поскольку террористическая угроза в регионе существенно возросла¹, так что закупка тканей в деревнях Страны догонов не

¹ Отчет об экспедиционном сезоне: Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Экспедиция в Мали в 2020 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3 (13).

могла быть осуществлена. Однако пребывание в Бамако также оказалось полезным.

На оживленном, стратегически безупречно выбранном перекрестке между улицей, на которой сосредоточены иностранные посольства, и дорогой к крупному супермаркету в Бамако обосновался ткач Али Сарре, которого участники экспедиции видели здесь не первый год. Его рабочее место — ручной ткацкий станок, конструкция которого занимает несколько метров вдоль дороги. На ограде ближайшего здания развешены готовые изделия. Они представляют собой смесь традиционного ткачества с вариациями на современные темы — признак ремесленного производства в условиях городской культуры, как например, вытканная на покрывале команда европейских футболистов. Качество изделий, традиционные сюжеты в современной трактовке, кропотливый ручной процесс изготовления вызывают большой интерес и нуждаются в дополнительных исследованиях.

Автор показала ремесленнику предметы из коллекции ГМВ и спросила, как можно заказать покрывало, подобное уже хранящимся в нашем собрании. Али Сарре сразу узнал работу фульбе и сказал, что возможно сделать такое покрывало на заказ, работа займет примерно две недели и изготавливать его будет не он, а мастер из этноса фульбе. Срок изготовления так велик, т.к. он будет заказывать покрывало в Мопти, и сначала для местного мастера нужно будет закупить шерсть, подготовить ее, спрясть нитки и уж затем выткать покрывало (показательно, что именно такой порядок изготовления покрывал описывает Императо¹).

Договоренность относительно работы была достигнута быстро, а вот процесс согласования справедливой по мнению обеих сторон цены оказался весьма затяжным и завершился не вполне в пользу автора статьи. Али Сарре привел аргумент, который оказался неоспоримым: он сообщил, что не может более снизить цену, т.к. его жена пьет только чай Липтон (!). Одеяло было заказано и доставлено

¹ Imperato P. J. Wool Blankets. P. 42.

в оговоренный срок в Бамако¹. Ткач сообщил, что одеяло было изготовлено мастером по имени Каньйоме в Мопти и пояснил, что это «покрывало kassa, традиционное для этноса пёль».

Таким образом, покрывала khasa/kassa по-прежнему ткут именно в Мопти. Однако их вид и качество отличаются от более ранних изделий. Для работы используется овечья шерсть, но нитки скручены плотнее и в состав, возможно, добавлена синтетика. Тканое полотно плотное и гладкое, в отличие от классических — очень пышных и тяжелых — изделий, так что процентное содержание хлопка также выше, чем допускалось ранее. Орнамент стал проще и для него также используются нитки с добавлением синтетики и, по-видимому, окрашенные синтетическими красителями.

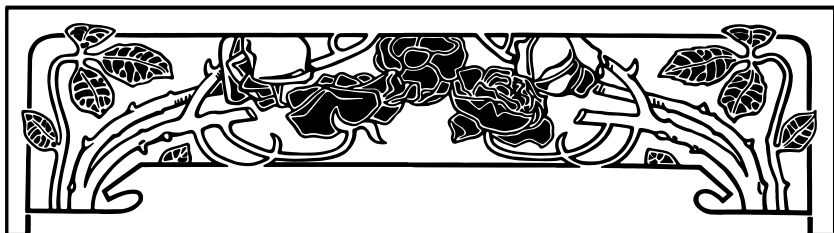
Традиция изготовления и активной продажи покрывал, тем не менее, жива, и изделия фульбских *маабубе* по-прежнему востребованы и широко известны. Приобретение же современного изделия позволяет проследить изменения в традиционном ткачестве одного из этносов Республики Мали и ставит необходимость дальнейших исследований в этой области.

Collection of Traditional *Khasa* Covers (Fulbe, Republic of Mali) in the State Museum of the East: History of Admission, Composition, Semantics of Objects

Abstract: The article describes the history of the study of cultures of Mali peoples, closely related to the activities of D. A. Olderogge. Information about modern expeditions to Mali and the replenishment of the African collection of the State Museum of the East, Institute of Oriental Studies, RAS are also presented. Particular attention is paid to the collection of traditional covers of the Fulbe people.

Keywords: Mali, Fulbe covers, fabrics, State Museum of the East, D. A. Olderogge, expeditions.

¹ В настоящее время идет процесс оформления необходимой документации для рассмотрения на заседании экспертно-фондовой закупочной комиссии вопроса о целесообразности его принятия в музейное собрание

А. Ю. Желтов

Об экспедиционной поездке
в район озера Эяси (Танзания):
фото- и видеоматериалы
и пополнение коллекции МАЭ РАН

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена экспедиционной поездке в район озера Эяси (Северная Танзания) в район проживания группы охотников-собирателей хадзапи, представляющих собой последнюю из сохранившихся в Танзании подобных групп, а также этнической группы датога, основным видом деятельности которых является скотоводство, и которые находятся в длительном социокультурном взаимодействии с хадзапи. В ходе поездки удалось провести наблюдение за различными сферами их повседневной деятельности с фиксацией фото- и видеоматериалов, фиксацию оригинальных нарративов на языке хадза, а также приобрести несколько местных артефактов для коллекции МАЭ РАН. В статье представлено описание экспедиционной поездки, краткий обзор культурных особенностей региона, образцы фотоматериалов и привезенных артефактов.

Ключевые слова: озеро Эяси, хадзапи, датога, фотоматериалы, артефакты.

В годы активной научной деятельности Д. А. Ольдерогге экспедиции (да и просто поездки) в Африку были большой редкостью. Самому Дмитрию Алексеевичу из африканских стран удалось посетить только Египет, Сенегал, Мали и Эфиопию. При этом он всегда с большим вниманием относился к любым возможностям знакомства с полевым материалом и первичными научными данными, всячески способствовал и поощрял работу в этом направлении своих коллег. Сейчас поездки в Африку перестали быть редким явлением

Рис. 1. Хадзапи за сбором дикого меда

и счастливым случаем, они осуществляются регулярно, практически все африканисты много раз бывали в различных регионах Африки, но значительная часть экспедиционных исследований является продолжением традиций, заложенных Д. А. Ольдерогге, поэтому представляется вполне оправданным опубликовать в сборнике, посвященном 120-летию Д. А. Ольдерогге, краткий отчет об экспедиционной поездке в Танзанию.

В начале марта 2022 г. была проведена экспедиционная поездка в Объединенную Республику Танзания, на север страны (район озера Эяси) с посещением мест проживания группы охотников-собирателей хадзапи, представляющих собой последнюю из сохранившихся в Танзании подобных групп, а также этнической группы датоба, основным видом деятельности которых является скотоводство, и которые находятся в длительном социокультурном взаимодействии с хадзапи. Предполагалось провести наблюдение за различными сферами их повседневной деятельности с фиксацией фото- и видеоматериалов, фиксацию оригинальных

Рис. 2. Жилище хадзапи

нарративов на языке хадза, а также, по возможности, приобретение местных артефактов для коллекции МАЭ РАН.

Финансирование носило комплексный характер: дорожные расходы Санкт-Петербург — Дар-эс-Салам и суточные на время пребывания в Танзании обеспечивались грантом Восточного факультета СПбГУ на научные поездки, проживание в Дар-эс-Саламе — обеспечивалось Российским культурным центром в Восточной Африке, дорога Дар-эс-Салам — Аруша и обратно, а также оплата проводника к хадзапи и приобретение некоторых артефактов — из собственных средств, вся логистика и проживание в Северной Танзании при посещении хадзапи и датога обеспечивалась моим бывшим учеником Артемом Злобиным, выпускником кафедры африканистики СПбГУ, руководящим в настоящее время одной из туристических компаний в Аруше¹.

¹ Выражаю искреннюю благодарность СПбГУ, Российскому культурному центру в Восточной Африке и Артему Злобину за помощь и поддержку.

*Рис. 3. А. Ю. Желтов
и охотник хадза*

Рис. 4. Танец хадзапи

Можно отметить, что, несмотря на многочисленные сложности, связанные как с традиционными для поездок в Африку проблемами, так и с резко усложнившейся политической обстановкой в мире, а также очень ограниченный временной ресурс, все задачи удалось выполнить, и даже дополнительно провести краткое анкетирование по системам терминам родства чагга (одна из бантуязычных этнических групп северной Танзании).

Хадзапи — последняя из сохранившихся групп охотников-собираателей в Танзании. Считается, что хадзапи — одна из немногочисленных автохтонных групп, сохранившихся в Восточной Африке после «экспансии» народов, говорящих на языках банту, мигрировавших из района современного Камеруна 2–3 тыс. лет тому назад. В языковом отношении группа совершенно уникальна, по гипотезе Дж. Гринберга (Greenberg 1963) язык хадза относится к койсанским языкам, распространенным в Южной Африке в тысячах километрах от места проживания хадзапи. По последним данным лингвистической

Рис. 5. Женщины этнической группы датого (район озера Эяси, Танзания)

компаративистики (Старостин 2008) оснований относить хадза к койсанам недостаточно, таким образом, язык является изолятом. В то же время, хадза объединяет с койсанами особенности фонологической системы — наличие уникальных двухфокусных щелкающих согласных (кликсов), которые встречаются только в койсанских языках, хадза и еще одном языке — кандидате на родство с койсанами — сандаве (Центральная Танзания, округ Кондоа). При этом у хадза этих звуков меньше, чем у койсанов Южной Африки, и есть ощущение упрощения фонологической системы в результате влияния других языков (банту, кушитские, нилотские), где этих звуков нет. Поэтому представлялось важным зафиксировать хотя бы короткие естественные нарративы на хатса, что и удалось сделать в ходе поездки. Были записаны два монологических текста (о самих хатзапи и мифическом живом существе из фольклора хатса), а также несколько фрагментов спонтанной речи, для монологических текстов был записан также их перевод на суахили, сделанный

Рис. 6. Образцы мешалок

Рис. 7. Кукла

Рис. 8. Бусы

проводником, который сам принадлежал к этнической группе датого (нилоты), но владел суахили и, в определенной степени, хатса¹.

Генетическое происхождение хадза также весьма дискуссионно, в литературе упоминается как возможная связь с койсанами, так и более тесная связь с народами, говорящими на омотских языках (относятся к афразийской семье языков) и пигмеями (Shriner et al 2018).

Было также проведено наблюдение (с фото- и видеофиксацией) за повседневной традиционной хозяйственной деятельностью хадзапи — охота и собирание дикого меда, были зафиксированы традиционные источники воды, повседневная жизнь в лагере, взаимодействие членов коллектива, традиционный танец

¹ Данный текст, как и сама краткая экспедиционная поездка, не претендуют на комплексное исследование и описание культуры хадзапи. Значительно более подробные сведения о хадзапи можно найти в публикациях о многолетних экспедициях к хадзапи под руководством М. Л. Бутовской (см., например, Бутовская, Драмбян 2007, Бутовская, Мабулла 2008, Бутовская, Драмбян, Буркова, Дронова 2009).

Рис. 9. Курительные трубки

(впрочем танец исполнялся не спонтанно, а специально для «гостей»), отражающий динамику движения и кочевой образ жизни хадзапи, материальные элементы лагеря хадзапи, их жилища.

Помимо наблюдения и фото- и видефиксации (удалось снять 40 коротких видеороликов и 129 фото, см. рис. 1–5), были приобретены несколько объектов материальной культуры хадзапи; палки-мешалки, курительные трубки, бусы, тряпичная кукла для детей (см. рис. 6–9).

Привезенные предметы предполагается подарить МАЭ РАН после проведенной атрибуции и описания. Насколько известно, предметов материальной культуры хадза в коллекции МАЭ нет. В принципе, уникальная культура хадзапи подвергается большим рискам из-за проникновения на территорию скотоводческих народов, ранее этого района (к северу от озера Эяси) избегавших из-за угрозы мухи це-це, с которой сейчас научились бороться,

Рис. 10. Наконечник стрелы

а также вниманию со стороны туристов, приводящего к нарушению традиционного образа жизни, угрозе алкоголизации и наркотизации.

В ходе поездки удалось также посетить деревню особого клана скотоводческой (по основному виду хозяйства) группы датога — клана кузнецов. Скотоводы датога (говорят на нилотском языке, близком к масаи), по-видимому, пришли в регион проживания хадза в начале XVIII века, когда масаи вытеснили их из кратера Нгоронгоро. Однако непосредственные контакты датога с хадза произошли значительно позднее, в начале XX в., когда под натиском ираку (кушиты) датога были вытеснены также из районов современного проживания ираку. Удалось зафиксировать некоторые моменты традиционной жизни, а также работу кузнецов, которые совершенно традиционным способом изготавливают различные украшения и предметы хозяйства из приобретаемых различными способами современных металлических (например, сантехнических) изделий. Удалось приобрести изготовленный таким образом наконечник стрелы, который датога обменивают у хадзапи в обмен на собираемый ими дикий мед. Наконечник имеет специфическую обратную перфорацию, которая предотвращает возможность извлечь его обезьяной, и предназначен именно для охоты на обезьян (см. рис. 10).

Литература

1. М. Л. Бутовская, Драмбян М. Ю. Хадза Танзании: традиции и современность / Азия и Африка сегодня, 2007. Вып. 7. С. 105–110.

2. Бутовская М., Мабулла А. Процессы социальной трансформации среди хадза северной Танзании (по материалам комплексного антропологического исследования) / *Орус*. Вып. 6. 2008. С. 121–140.

3. Бутовская М. Л., Драмбян М. И., Буркова В. Н., Дронова Д. А. Почему Хадза Танзании продолжают в наши дни заниматься охотой и собирательством? / Полевые исследования Института Этнологии и Антропологии 2006. Ин-т этнологии и антропологии Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2009. С. 38–62.

4. Старостин Г. С. К вопросу о генетической принадлежности языка хадза. // *Африканский сборник* 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 262–278.

5. Greenberg J. H. *The languages of Africa*. Bloomington: Indiana University, 1963.

6. Shriner D., Tekola-Ayele F., Adebawale Adeyemo, Rotimi C. N. Genetic Ancestry of Hadza and Sandawe Peoples Reveals Ancient Population Structure in Africa // *Genome Biology and Evolution*, Volume 10, Issue 3, 2018, p. 875–882. URL: <https://academic.oup.com/gbe/article/10/3/875/4935243> (дата обращения 10.03.2023).

On Expeditionary Trip to the Area of Lake Eyasi (Tanzania): Photo and Video Materials and Replenishment of MAE RAS Collection

ABSTRACT: The article focuses on an expeditionary trip to the Lake Eyasi area (Northern Tanzania) to the area of residence of a group of Hadzapi hunter gatherers (the last such, group preserved in Tanzania), as well as the Datoga ethnic group, whose main activity is cattle breeding, and who are in long-term socio-cultural interaction with Hadzapi. During the trip, it was possible to observe various areas of their daily activities with the fixation of photo and video materials, the fixation of original narratives in the Hadza language, as well as purchase several local artifacts for the collection of the MAE RAS. The article provides a description of the expedition trip, a brief overview of the cultural characteristics of the region, samples of photographic materials and imported artifacts.

Keywords: Lake Eyasi, Hadzapi, Datoga, photographic materials, artifacts.

Т. М. Константинова

Легенда о царице Савской: отражение в изобразительном искусстве Эфиопии (на материале музейных коллекций)

Аннотация: В статье рассматривается живописное воплощение образа царицы Савской. В эфиопской версии — Македа считается матерью основателя династии Соломонидов. Художественный образ базируется на двух основных литературных источниках: Кыбрэ Нэгэст и фольклорной версии народа тиграй. В статье подробно исследовано соотношение литературной версии легенды и ее последующих изображений. Помимо того, что изображения иллюстрируют литературные произведения, они также являются самостоятельным продуктом. Художники развивают историю легенд, придумывая альтернативные сюжеты. Основной целью работы является анализ изображений, посвященных царице Савской, находящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, и коллекции Эббы Деттенберг-Веддинг, в музее Готторп в Шлезвиге, на основе которых можно проследить композиционные, сюжетные и иконографические особенности картин. Работы обладают большой культурной ценностью, что обуславливает научный интерес к данной теме. Внимание изображениям этого типа стоит уделить по той причине, что они ярко демонстрируют самобытность эфиопской культуры, а также передают этнографические детали.

Ключевые слова: царица Савская, Эфиопия, МАЭ, изображение, Кыбрэ Нэгэст, XX век.

Сюжет истории о царице Савской является одним из самых популярных среди работ эфиопских художников XX века. Царица Савская — это легендарная правительница аравийского царства Саба. Легенда о царице Савской существует у многих народов, однако для Эфиопии царица Савская имеет особенное значение. В эфиопской традиции одно из имен царицы — Македа¹. Фигура царицы Савской укоренилась в сознании эфиопов настолько, что, несмотря на ее мифологичность, Македа воспринимается эфиопами как реальный исторический персонаж. В 1955 г. легенда о царице Савской была включена в пересмотренную Конституцию Эфиопской империи (የኢትዮጵያ ሕግ መንግስት 1955). Согласно новой версии конституции, императорские полномочия должны передаваться по одной родословной от Менелика, сына царицы Савской и царя Соломона. Таким образом, право на управление страной представителей Соломоновой династии было обусловлено происхождением. Идея о том, что родоначальником династии является сын Македы и Соломона, служит основой национальной самоидентификации эфиопов. Именно поэтому и в настоящее время многие убеждены в историчности фигуры царицы Савской.

Самым ранним повествованием о царице Савской является библейский сюжет из 10-й главы Третьей книги Царств, который повествует о ее визите к израильскому царю Соломону. Впервые он был отредактирован в VIII—VII в. до н. э. (Fiaccadori 2007: 673). Царица, наслышанная о славе и мудрости царя Соломона, отправляется в Иерусалим с большой свитой и вереницей верблюдов, нагруженных щедрыми дарами. Среди подарков царицы Савской были пряности и драгоценные камни. Также упоминается и финикийский флот тирского и библейского царя Хирама (969—936 гг. до н. э.), который доставил остальные подарки царицы (Fiaccadori 2007: 673). Соломон разгадывает все загадки Савской,

¹ Македа (яз. геэз መካዳ, Makädda). Существует предположение, что это имя означает «Македонская». Согласно более современным интерпретациям, имя Македа — искаженное «святая святых» на иврите. Также Македа означает «Абиссиния» на восточносуданском диалекте арабского и в некоторых несемитских языках северной Эфиопии (Fiaccadori 2007: 672).

и она возвращается домой, удовлетворенная визитом. В Евангелии (Лк 11: 3; Мф 12: 42) говорится о «царице Юга», пришедшей с края земли, услышать мудрость Соломона, которая будет свидетельствовать во время Страшного Суда.

Художественное воплощение образа царицы Савской в эфиопской культуре основывалось на нескольких легендах, различия в сюжете которых обуславливали возникновение вариативности живописной передачи истории. Эфиопская версия легенды о царице Савской в основном представлена в Кыбрэ Нэгэст. Кыбрэ Нэгэст (геэз ክብረ፡ ነገሥት Kəbra Nägäst ок. 1321–1322 гг.) — это сборник легенд о происхождении династии эфиопских царей. По мнению Д. Фьякадори (2007: 675) по форме повествования эти легенды напоминают христианские сказания средневекового Египта. В эфиопской традиции акцент в этой истории делается не столько на Соломона, сколько на Македу, ее благородство и мудрость. В Кыбрэ Нэгэст сказано о том, что царица Савская обладала невероятной красотой и умом. Информации о ее семье в тексте не содержится, потому что основное внимание уделяется описанию визита Македы в Иерусалим.

Далее имеет смысл изложить основную канву истории согласно эфиопской Книге о Славе Царей, так как некоторые моменты достаточно близко к тексту проиллюстрированы в эфиопской традиционной живописи. Перевод текста дается по изданию Уоллиса Баджа 2000 г. (Budge 2000).

Царица Савская узнала о Соломоне от эфиопского торговца Тамрина, который вел дела с Иерусалимом. Он поведал царице о том, как мудро царь иудейский правит подданными, отдает приказы и вершит суд. Македа захотела отправиться к Соломону, чтобы задать ему вопросы, над которыми сама размышляла долгое время. Однако ее терзали сомнения, сможет ли ее народ жить без нее. Тогда царица обратилась к своим поданным: «Услышь меня, о народ мой! Я поражена любовью мудрости, ибо знание дороже всякого золота. Мудрость насыщает сильнее, чем изысканные блюда. Она заставляет уши слышать, а сердца — понимать; она является учителем для тех, кто жаждет знаний и утешает тех, кто ищет успокоения. Я последую

за мудростью, и будет она со мной навсегда, моей властью и силой. Почитание мудрости — это почитание мудреца. Я полюбила его (т. е. Соломона) ум, только услышав о нем и не видя его» (Budge 2000: 19). Далее Кыбрэ Нэгэст рассказывает о том, что все вельможи и советники поддержали царицу в ее решении посетить Соломона.

Когда Македа прибыла в Иерусалим, она долгое время не могла найти возможность побеседовать с Соломоном. Царь посылал госте различные дары. Когда же царице представилась возможность побеседовать с Соломоном, она высоко оценила и личные качества царя. Царица Савская была покорена Соломоном, который, согласно легенде, обладал красивой речью и приятной внешностью. «И все делалось по его приказу, не было никого, кто противился бы его слову, ибо свет его сердца был подобен огню во тьме, и мудрость его была так же велика, как количество песка на земле. И понимал он речь зверей и птиц, и даже демонов смог он укротить своей мудростью» (Budge 2000: 22).

Несколько месяцев царица Савская провела в Иерусалиме в качестве госты. Через некоторое время она сообщила Соломону, что собирается вернуться домой. Узнав о таком желании, Соломон предался раздумьям: он не хотел прощаться с женщиной, которая покорила его своей красотой и мудростью. Тогда царь решил отправить послание Македе, в которой упрощал ее остаться и познать, как управлять страной. Царица согласилась остаться во дворце Соломона и познать все тонкости управления государством.

Однажды вечером, после пышного пира, который Соломон устроил в ее честь, он предложил Македе остаться ночевать в зале вместе с ним. Царица ответила, что выполнит его просьбу, только если он не возьмет ее силой; в противном случае, она вернется домой в печали и скорби. Соломон пообещал относиться с уважением к царице и не касаться ее, при условии, что она ничего не возьмет из его покоев. Царицу удивила просьба Соломона, но она согласилась. Они поклялись, что сдержат свое слово. Но Соломон оказался хитрее, он попросил слугу принести чашу с водой и поставить ее у кровати царицы. Проснувшись, она почувствовала жажду

и решила выпить воду из кувшина, который увидела перед собой. Перед этим царица убедилась, что Соломон спит. Но тот схватил ее за руку прежде, чем она успела выпить воду. «Я согрешила против самой себя и нарушила свою клятву», — ужаснулась царица. Тогда Соломон сказал ей, что свободен от клятвы.

На утро царь решил, что отпустит Македу домой. Перед тем как попрощаться, Соломон одарил царицу различными украшениями и одеждой. Он также подарил ей кольцо, которое снял со своего пальца. И сказал: «Возьми это кольцо, чтобы помнить обо мне. И если будет у нас сын, пусть придет он ко мне» (Budge 2000: 32). Царица Савская простилась с Соломоном и, получив от него в подарок кольцо, вернулась в свою страну, где родила сына. В некоторых источниках указано, что Менелик родился через 9 месяцев и 5 дней, когда царица возвращалась домой (Fiaccadori 2007: 676).

Когда мальчику исполнилось 12 лет, он спросил у своих друзей, кто его отец. Ему ответили, что отец его — великий царь Соломон. Тогда он пошел к матери, долгими уговорами он выведал у царицы Савской, кто его отец. Когда сыну Македы исполнилось 22 года, он решил отправиться в Израиль. Царица Савская поставила перед сыном два условия: он должен был вернуться и взять бразды правления в свои руки. Согласно второму условию, он должен установить закон, по которому ни одна женщина больше не сможет царствовать. И когда юноша согласился выполнить условие царицы, она отдала ему кольцо Соломона и благословила (Budge 2000: 32).

В современной Эфиопии и Эритрее эта история широко распространена и воспринимается некоторыми не как легенда, а как историческое событие. Существует несколько вариантов истории о царице Савской. В более поздних (чем Кыбрэ Нэгэст) легендах народов тигре и тиграи, опубликованных Э. Литтманном (Littmann 1904: 1947) и К. Конти Россини (Conti Rossini 1911: 603), эта история переплетается с более древней сагой о змее или драконе (яз. геэз ጸርፍ, 'эгве'), в жертву которому местные жители должны были приносить перворожденных дочерей, пиво, молоко и другие дары.

Когда пришел черед Македы (в традиции народа тигре ее имя звучит как Eteye Azêb¹, что означает царица Южная) стать очередной жертвой чудовища, ее родители привязали девушку к дереву, у которого оставляли всех жертв. Вскоре после этого пришли девять преподобных (в некоторых источниках их было четверо или семеро), в традиции народа тиграи их принято называть Цадыканат (Şadəqanat)², и решили укрыться от солнца в тени этого дерева, но на них упала слеза. Подняв головы, они увидели девушку. Преподобные обратились к ней: «Дух ты или человек? — спросили они. Савская поведала им свою историю, и, как только она закончила рассказ, откуда ни возьмись появился змей. Преподобные вступили в схватку с чудовищем и победили его, осенив крестом. Однако на ногу девушки попадает кровь убитого дракона, и нога превращается в копыто (Fiaccadori 2007: 676).

Преподобные развязали пути Македы и отправили ее домой. Но в родной деревне девушку не приняли, решив, что она сама сбежала от змея. На следующий день она привела из деревни несколько человек и показала им тело бездыханного чудовища. Узнав о смерти змея, представители народа тотчас же назначили Македу правительницей региона, в помощницы себе она выбрала другую девушку (Budge 2000: lii).

Когда Македе рассказали о мудрости Соломона, она, переодевшись в мужскую одежду, отправилась в Иерусалим в надежде на то, что царь поможет ей излечить изуродованную ногу. По прибытии

¹ Существует теория о том, что Азёб, южная, происходит от геэзского Саба, юго-восток. В Кыбрэ Нэгэст Саба «юго-восток» и Либа «юго-запад» обозначают крайние точки Эфиопии. Эти понятия соотносятся с терминами Азёб и Либа, которые использовались в эфиопских картах для обозначения этих сторон света (Fiaccadori 2007: 675).

² В эфиопской христианской культуре Цадыкан (дословно с языка геэз Şadəqan «Праведные») — группа ромейских монахов, которые почитаются наряду с Девятью Преподобными участниками «второй христианизации» Аксумского царства в конце V — начале VI вв. (Britta 2010: 446). Интересно, что в народной по своему происхождению устной легенде культ Праведных оказался включен в сюжет о царице Савской, которая жила в начале X в. до н. э.

правительницу представляют Соломону как царя Абиссинии. Как только девушка сходит с корабля на берег, ее обезображенная конечность принимает прежнюю форму. Царь Соломон устроил пир в честь гостей, предложив абиссинскому правителю испробовать мяса, хлеба и других яств. Но гость съел подозрительно мало для мужчины, тогда Соломон заподозрил, что его посетитель не тот, за кого себя выдает. Ночью царь посетил покои Македы и ее помощницы и разделил ложе с обеими девушками. Перед тем как покинуть покои, он дал каждой девушке серебряный посох и кольцо и сказал: «Если будет девочка, пусть возьмет посох и придет ко мне. Если же будет мальчик, пускай он возьмет кольцо и также придет ко мне». Обе женщины родили сыновей и каждая сказала своему сыну, что его отцом был Соломон (Budge 2000: liii).

Когда мальчики выросли и стали юношами, матери отправили их в Иерусалим. Царица Савская дала своему сыну, Менелику, зеркало и сказала, посмотри в зеркало, если ты увидишь мужчину, который похож на изображение в зеркале, это и будет Соломон. Три года молодые люди жили в Иерусалиме в ожидании аудиенции с царем. Наконец он решил принять их. Однако вместо себя на трон царь посадил своего слугу. Сын царицы Савской понял, что перед ним не его отец, а вот второй юноша не смог разглядеть обман. Тогда Менелик стал всматриваться в лица всех присутствующих во дворце, но ни в ком он не узнавал Соломона. Так юноша дошел до конюшни, именно там он нашел своего отца, который прятался от гостей. И тогда Соломон признал в молодом человеке своего сына и воскликнул: «Ты — мой истинный сын! Второй юноша тоже мой сын, но он глупец» (Budge 2000: liv). Менелик остался у своего отца и правил вместе с ним, перенимая мудрость великого царя, а когда пришло время, вернулся на родину и стал достойным правителем для своего народа.

К. Конти Россини в «Истории Эфиопии» начинает рассказ о царице Савской с сюжета о змее, которому платят дань жители Эфиопии (Conti Rossini 1928: 250). Чтобы избавиться от ужасного чудовища, омрачающего их жизнь, люди просят молодого человек по имени Габгабо (Gabgabo) убить змея. И если он освободит их, то

стает царем. Согласно версии К. Конти Россини, он правил 300 лет. При этом в Кыбрэ Нэгэст не упоминается ни змей, ни герой, убивший его. В более поздней версии этой легенды (описанной К. Конти Россини) все потомки царя-героя в течение семи поколений были мужского пола, пока не родилась Македа, известная как царица Азеб. Далее рассказывается о том, что люди отказались принять правление женщины. Тогда она стала молиться Богу, которому до нее молился ее отец, выбрав для молитвы место, где задолго до этого был убит змей. В этом же месте появился другой змей. Македа убила чудовище при помощи камня, и тогда люди поклялись верно служить царице.

Несмотря на то, что в Эфиопии существует несколько вариантов легенды о царице Савской, и элементы сюжета могут отличаться в зависимости от региона и времени возникновения легенды, во всех легендах образ царицы схожий. Это мудрая и сильная женщина, обладающая невероятной красотой. Также во всех версиях истории царица Савская является матерью Менелика¹ — основателя Соломоновой династии. Соответственно, в легендах описывается и визит Македы к Соломону, цель которого меняется в зависимости от сюжета. Царица Савская особенно ценится эфиопами, как мать первого представителя новой династии. Именно поэтому эта легенда стала настолько популярной. В некоторой степени она способствовала формированию эфиопской самоидентификации и нашла воплощение в других видах искусства, одним из которых стала живопись.

Невзирая на значимость этой истории, она не была воплощена в живописной форме вплоть до начала XX века. В это время в Эфиопии происходил процесс становления светского искусства. Активно развивалась светская живопись, но при этом не было забыто историческое и культурное наследие. Поэтому на полотнах стали

¹ Менелик (яз. геэз ማኅለክ, Məṅəlik). Согласно эфиопской традиции, Менелик — первый легендарный император Эфиопии, правивший около X в. до н. э., сын царицы Савской и Соломона. Менелик считается основателем династии Соломонидов. В Кыбрэ Нэгэст Менелик упоминается под именем Байна Лехкем (яз. геэз ህላይና ሌክኤም), что является интерпретацией арабского Ибн аль-Хаким (ар. ابن الحکيم, Ibn al-Ḥakīm), «сын мудреца» (Fiaccadori 2007: 921).

изображаться герои легенд и значимые исторические персонажи. Правление Менелика II (1889–1913 гг.) оживило память об основателе династии и привело к распространению легенды о царице Савской. Цикл картин, посвященных царице, является отсылкой к упомянутой выше ветхозаветной истории. Когда рассказ о Македе и ее сыне Менелике был воплощен в живописи, он сразу же стал одним из самых популярных в Эфиопии. Многочисленные эпизоды этой истории были переданы сериями небольших картинок, герои которых были похожи на мультипликационных персонажей или героев комиксов. Эти работы до сих пор не теряют популярность среди туристов.

Считается, что идея проиллюстрировать легенду о царице Савской принадлежит французскому путешественнику, писателю и журналисту, Хьюго Ле Руа (Hugues Le Roux 1860–1925) (Balicka-Witakowska 2007: 679). Хьюго Ле Руа приобрел серию изображений, посвященных царице, у эфиопского художника Микаэль Ынгыда Уорка (Mikael Ingida Work). Серия из 5 изображений послужила иллюстрациями для перевода Кыбрэ Нэгэст на английский язык (1907 г.). Английская версия «Книги о Славе Царей» получила название «Magda, Queen of Sheba» (Pankhurst 1966: 29). Иллюстрации книги располагались отдельно друг от друга и представляли собой самостоятельные изображения.

На ранних работах изображены только основные события истории, согласно написанному в Кыбрэ Нэгэст. Это обстоятельства поездки Македы к Соломону и ее возвращение домой. Подобные изображения относятся к типу картин с симультанической композицией, посвященных царице Савской. Этот тип можно условно назвать простым, потому что картины, относящиеся к нему, изображают лишь основные моменты легенды.

Из простого варианта возник классический формат иллюстрации. 44 сцены изображались в 4 ряда по 11 эпизодов в каждом. Эти иллюстрации читаются как комиксы: с левого верхнего угла. Каждая картинка связана с предыдущей и последующей, и вместе они составляют законченную историю. Каждая сцена изображается в отдельной рамке (квадратной или прямоугольной), которую по

аналогии с русской иконописной традицией можно назвать клеймом. Такие изображения часто используются как иллюстрации для амхарских легенд (Balicka-Witakowska 2007: 680). История о царице Савской не стала исключением. Иногда текст написан прямо на иллюстрациях, что обеспечивает необходимую связь между изображением и литературной версией легенды. Количество надписей варьируется в зависимости от содержания текста. Особенно искусно сделанные работы были подписаны каллиграфическим шрифтом. Самым распространенным вариантом являются упомянутые выше серии из 44 сцен, но бывают и другие работы (сюжет которых длиннее или короче или же отклоняется от канонической истории).

Большинство картин, изображающих сюжет о царице Савской, обычно 70–90 см в высоту и 130–220 см в ширину. В качестве холста используется полотно или кожа. Художники используют яркие краски, золотой и серебряный. Эти цвета не являются традиционными в эфиопской живописи. Помимо этого, на картинах можно увидеть нехарактерное для предполагаемого времени жизни царицы огнестрельное оружие и европейскую мебель. Эти изображения редко обладают большой художественной ценностью. Однако их можно использовать как этнографический источник благодаря достоверно переданным сценам из эфиопской повседневной жизни (изображение быта, орудий труда, предметов роскоши, одежды и т. п.).

Классический формат изображения считается расширенным типом. Помимо основных событий, в расширенный сюжет входит предыстория легенды, повествующая о жизни Македы. Также в него добавлен и эпилог, в котором рассказывается о путешествии Менелика в Иерусалим. Таким образом, первой работой в серии изображалась тиграйская легенда о герое, убившем змея. Этот герой считается отцом Македы. Завершает сюжет расширенного вида работ обычно фрагмент, основанный на истории из Кыбрэ Нэгэст. На нем изображается история Менелика I, его рождение, визит к отцу и возвращение в Эфиопию с Ковчегом Завета.

Изображения, на которых представлена история об отце царицы Савской, относятся к расширенному типу. Стоит отметить, что

в Кыбрэ Нэгэст не содержится информации о родственниках царицы. Кроме того, в изученных автором легендах о Македе, нет информации о том, что змея победил отец девушки. Можно сделать вывод, что этот сюжет впервые появился именно в художественной форме. В живописной форме этот сюжет был упрощен. У К. Конти Россини змея убивает предок Македы. В живописи же можно увидеть, что эти подробности отбрасываются. Царица становится дочерью героя, победившего змея. История о втором чудовище, которое сразила Македа, не отражена в живописи. Не встречается и живописных подтверждений другой версии легенды, согласно которой царица Савская и ее помощница отправляются в Иерусалим под видом мужчин. В серии работ, посвященных Савской, появляется еще один сюжет, не изложенный в легендах и Кыбрэ Нэгэст. Царица посылает торговца Тамрина к Соломону с письмом и парфюмом в качестве подарка. Таким образом, часто встречается сцена, где слуга Македы вручает торговцу бутылку, и другая, в которой торговец плывет в Иерусалим с письмом в руке.

Сюжет более поздних работ, относящихся к расширенному виду, по содержанию ближе к Кыбрэ Нэгэст. На них изображена сцена с торговцем Тамрином, от которого царица узнает о мудрости Соломона. На картинах не изображается большая часть истории о том, как царица Савская планировала свою поездку в Иерусалим. Речь царицы, обращенная к народу, не могла быть передана в живописной форме. Также не изображается описание Тамрином величия царя, восхваление мудрости царицы и ответ ее подданных.

На основе сравнения легенд и двух видов картин можно сделать вывод, что эфиопские художники вдохновлялись традиционной фольклорной версией легенды о царице Савской, а не историей из Кыбрэ Нэгэст. Ранние сцены картин сильно отличаются от официального варианта, изложенного в «Славе Царей». На первой части из серии изображается история со змеем. Более поздние работы, приближенные к версии «Славы Царей», опускают многие детали легенды. Таким образом, на картинах не изображаются религиозные или философские рассуждения, которые важны для понимания героев.

Изображения служат лишь иллюстрациями к легенде, а не полноценными работами. При изображении персонажей художник редко использует свое воображение. Можно сделать вывод, что в основном он следует тексту легенды (как версии Кыбрэ Нэгэст, так и фольклорному народу тиграй), но вероятнее всего, картины, изображающие сюжет о царице Савской и Соломоне, писались со своего рода «протографа», как принято в иконописной эфиопской традиции, то есть рисовались художником с другой такой же картины другого художника.

Отдельно стоит поднять вопрос об изображении царицы Савской в эфиопском иконостасе. Э. Биасио пишет о том, что в XX веке путешественники упоминали о фреске в церкви Энтото Марьям, которую так и не смогли обнаружить. По их словам, на фреске был изображен сын царицы, Менелик I, и сама Савская. Однако под описание изображения подходят и Менелик II с его супругой Таиту (Biasio 2009: 15).

На данный момент в современных эфиопских церквях встречаются росписи с изображением библейской истории о царице Савской. Например, в церкви в городе Звай (амх. ንዋይ, Zəway — город в центральной части Эфиопии, в регионе Оромия) стены украшает фреска прибытия царицы Савской ко двору Соломона.

История о царице Савской также стала сюжетом миниатюр, которые иллюстрируют некоторые тексты по истории Эфиопии, написанные в XX веке. Для всех видов изображений легенды о Македе характерны единые правила изображения. Фигуры рисовались в упрощенной форме, акцент делался на глаза, поэтому они изображались непропорционально большими. Все предметы, представленные на картинах, выделены одинаковым черным контуром, что упрощало изображение. Правила перспективы были нарушены. При этом этнографические элементы переданы весьма правдоподобно.

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН благодаря заслугам русских путешественников и исследователей хранится богатая коллекция картин эфиопских художников начала XX века. Среди картин, посвященных царице Савской, которые находятся в фондах Музея, можно выделить два типа. Это отдельные изображения, иллюстрирующие конкретные

сцены легенды и работы, состоящие из нескольких фрагментов, образующих общую историю. Большинство из них принадлежит кисти художника Михаила (амх. яз. ማካኤል). Возможность определить автора работы для эфиопского искусства первой половины XX в. является редкостью. Все сюжеты, переданные на его картинах, написаны на основе версии легенды, представленной в Кыбрэ Нэгэст, и относятся к простому типу изображения.

Примером упрощенного сюжета является картина на холсте размером 71 × 57 см, на которой изображено прибытие царицы Савской к Соломону (МАЭ № 2594-9А, 1; рис. 1).

В верхней части холста, почти по середине, находится надпись: ኢየሩሳሌ: ማክዳ: እዳገሳች (рус. «Как в Иерусалим Македа прибыла»). По нижнему краю картины, слева, заметна едва различимая подпись художника, сделанная зеленым цветом: ማካኤል (рус. Микаел, то есть Михаил)

Следующей в этой небольшой серии идет картина МАЭ № 2594-9А, 2 (рис. 2) — Соломон поймал царицу в нарушении клятвы. Надпись, выполненная на амхарском языке, гласит: «Как он порицает ее». Подпись внизу слева сообщает имя художника — ማካኤል (рус. Мешаль, то есть Михаил). В этой картине интересно, что у царицы Савской написан нимб.

Можно сказать, последняя в этой серии картина МАЭ № 2594-9А, 3 (рис. 3) изображает встречу Соломона и его сына Менелика. Вверху расположены надписи, благодаря которым зритель может понять, кто изображен на картине. Над фигурой Соломона написано ስሎሞን (рус. «Соломон»), а над изображением его сына — ምኒልክ (рус. Менелик). Здесь стоит отметить, что Соломон также написан в нимбе.

Следующая работа, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) (МАЭ № 2594-9Б, 1–4), состоит из четырех частей, каждая из которых представляет отдельный эпизод из легенды о царице Савской и Соломоне. Размер холста 76,5 × 55 см. В левой верхней части изображены Соломон и царица Савская на желтом ложе с цветочным синим узором. Из-под покрывал видны только лица, написанные фронтально. Надпись

*Рис. 1. Картина «Легенда о царице Савской и Соломоне.
Прибытие царицы Савской к Соломону»*

Тонкий холст. Художник Михаил. МАЭ № 2594–9А, 1

гласит: ስሎሞን፡ንግሥተ፡አክሲዮን፡እንደተገናኛት (рус. «Как Соломон пребывает с царицей Южной»).

На правом верхнем фрагменте этой картины изображены Соломон и царица, сидящие за столом. Соломон — в нимбе. Подпись переводится следующим образом: «Как Соломон обедает с царицей Южной».

В левой нижней части иконы представлена царица Савская на троне с высокой спинкой. В поднятой левой руке она держит белый платок или письмо. Передача письма не была упомянута в Кыбрэ Нэгэст и других версиях легенды. Впервые этот сюжет зафиксирован именно в живописи. В правой руке царица держит свиток.

*Рис. 2. Картина «Легенда о царице Савской и Соломоне.
Соломон поймал царицу в нарушении клятвы»
Тонкий холст. Художник Михаил. МАЭ № 2594–9А,2*

Справа от нее изображены посланец со слугой. В руках он держит желтый ларец, который заперт на замок. На голове слуга несет такой же ларец, как у посланца. Слева от трона находится золотая чаша, которая наполнена водой.

«Царица Южная принимает дары, посланные ей Соломоном» — так переводится надпись, сделанная на картине.

*Рис. 3. Картина «Легенда о царице Савской и Соломоне.
Соломон принимает Менелика»
Тонкий холст. Художник Михаил. МАЭ № 2594–9А,3*

В части справа изображен Соломон. Он восседает на троне. Указательным пальцем правой руки царь показывает на посланца. В его левой руке желтый платок. Нимб, как и на предыдущих фрагментах этой картины, желто-красного цвета, его контур очерчен. В правой руке посланец держит белый прямоугольный лист с надписями. Письмо эфиопское, но что написано, нельзя разобрать.

Возможно, надпись стерлась, либо художник не ставил перед собой задачу передать содержимое послания. Картина также подписана: «Как Соломон письмо царицы Южной смотрит».

Наличие нимбов на данной серии работ из коллекции доктора А. И. Кохановского дало повод В. Н. Семеновой определить их скорее как иконы, нежели чем картины (Семенова 2013). Учитывая тот факт, что описанные холсты среднего размера, а другие изображения из этой же коллекции, очевидно, иконы, то предположение исследователя, что эта серия — МАЭ № 2594-9 — иконостасная, может оказаться верным. Вспомним описанный выше факт о наличии изобразительного варианта истории о царице Савской во внутреннем убранстве эфиопских церквей второй половины XX в.

Описанная выше серия картин на тему легенды о царице Савской композиционно похожа на иллюстрации к книге «Magda, Queen of Sheba», о которой упоминалось ранее. Иллюстрации и картина МАЭ № 2594-9 были написаны примерно в одно время (1905–1912 гг.) (Balicka-Witakowska 2007: 679). Однако, в отличие от работы Микаэля Ынгыда Уорка, каждый фрагмент картины МАЭ РАН изображен в отдельной рамке. Вместе они образуют одну большую картину. Общая работа МАЭ № 2594-9 делится таким образом на 2 серии (А и Б). Первая состоит из трех сюжетов, которые изначально были одним целым, но их разделили. Первый сюжет иллюстрирует прибытие Царицы Савской ко двору Соломона. На втором изображена встреча Соломона и Савской. А на третьем изображении Соломон принимает своего сына, Менелика I.

Вторая серия состоит из 4 частей. На сюжете в верхнем левом углу работы царь и царица изображены в покоях Соломона. На правой верхней картине представлен пир, который израильский царь устроил в честь гости. На левом нижнем изображении царица Савская получает подарок от Соломона. А на последней работе в серии он посылает ей письмо.

Одна из коллекций картин, посвященных царице Савской, представлена в музее Готторп (нем. Gottorp) в Шлезвиге (Archäologisches Landesmuseum Schloss Gottorf). Коллекция собрана немецкой

художницей Эббой Деттенберг-Веддинг (Ebba Dettenberg-Wedding), которая преподавала в Школе Изящных Искусств в Аддис-Абебе (the Addis Ababa School of Fine Arts) в 1960-е — начале 1970-х гг. В коллекции представлены работы эфиопских художников, посвященные традиционным мотивам. Большинство картин изображает сцены повседневной жизни: традиционные игры и праздники, ведение быта и сельскохозяйственные мероприятия. Также в коллекции Э. Деттенберг представлено несколько характерных работ, посвященных царице Савской. Назовем некоторые.

Среди работ, которые создавались в рамках «аэропортного» искусства, были и изображения довольно низкого качества. Одна из таких картин принадлежит коллекции Э. Деттенберг (№ D857-44). Данную работу несведущий зритель мог бы отнести к детскому творчеству. На работе изображено путешествие царицы Савской в Иерусалим. Царица и ее свита переправляются через реку на судне, которое выглядит как шлюпка. Композиция изображения нарушена, так как основная композиционная группа расположена в верхней части картины. При этом в нижней части нет никаких элементов, кроме берега, который не может сбалансировать изображение. В центре лодки изображена царица Савская. В ее руках красный платок. На голове Македы — клобук и корона. Слева от Македы находится ее служанка. По краям работа выделена рамкой, которая украшена желто-красным узором. Вверху находится надпись, которая гласит: ንግሥተ:ሰባ:ወደንጉሥ:ሰሎሞን:በባሕር:አንደ-ተጓዘች «Как царица Савская плывет по морю к царю Соломону». В правом нижнем углу картины — подпись художника: ሠ/ታ ሰወ/አጋይ (Sä/ tasä wä/’agaau) «Художник Тадэсэ Вэльдэ Арэгай».

В коллекции Э. Деттенберг также присутствуют и многосерийные работы. Например, иллюстрация легенды народа тигре (№ D858). Это изображение отличается от всех описанных выше и тем, что оно выполнено на куске кожи. Сюжет картины полностью совпадает с легендой. На первых работах из серии женщина готовит яд, который дает жертвенному агнцу. Герой, который вызвался победить змея, относит жертву чудовищу. Это герой, по-видимому, отец

царицы Савской. Он побеждает змея и становится царем. Сцена рождения Македы не представлена. Царица появляется в третьей сцене, когда ее отец договаривается со старейшинами о награде за убийство чудовища. На 13-м фрагменте мы видим церемонию венчания Македы на царство. Затем она отправляется к Соломону, предварительно отправив к нему гонцов с письмом и дарами. Дальнейшая история полностью соответствует легенде. Также присутствует сцена, в которой Менелик играет в гэнна (амх. ገና, Gänna)¹. Последние фрагменты повествуют о путешествии Менелика в Иерусалим и его пребывании там. Интересно, что в первой линии — всего 4 изображения, причем первое и последнее к повествованию не относятся. На них изображены щиты и мечи или копья². Все части картины подписаны. Само изображение выполнено в характерной для такого рода «аэропортного» искусства технике — яркими красками. Фигуры героев упрощены, прорисовке деталей также не уделяется внимание. То есть, очевидно и по «небрежности» надписей, и по рисунку, что описанные картины относятся к сувенирной продукции, создание и бытование которой можно отнести ко времени пребывания в Эфиопии самой Эббы Деттенберг.

В коллекции представлены и работы, на которых изображена не сама царица Савская, а сюжеты легенды, посвященной ей. На одной из таких картин представлена сцена, в которой Соломон получает письмо от царицы (№ D 857–58). Работа выполнена акварельными красками, которые частично размылись из-за недостаточного опыта

¹ Традиционная эфиопская игра аналогична хоккею на траве. Сцены подобного этнографического характера особенно популярны в сувенирной продукции, коими по своей функции являются «многосерийные» изображения легенды о царице Савской, выполненные именно на коже. Поэтому во второй половине XX в. в живописные изображения на эту тему также стали включаться бытовые сцены из жизни местного населения: не только игра в гэнну, но и, например, процессы шитья или заплетания волос в косички.

² Наличие этих изображений объясняется тем же процессом (см. сноску выше) становления и развития рынка туристических услуг и сувенирной продукции.

обращения художника с красками данного типа. В центре композиции изображен Соломон, который восседает на троне. Он облачен в зеленое платье, синюю накидку и бармы красного цвета с золотым декором. Взор Соломона устремлен в сторону посланника. Царь указывает на гонца двумя перстами. В руках у гонца письмо царицы Савской, которое прикреплено к специальной палке с засечкой. Этот способ передачи письма традиционен для Эфиопии. Во второй руке гонец держит сосуд. Вверху находится надпись, которая гласит: ንጉሥ:ሰሎሞን:ከንግሥተ:ሳባ:መልእክት:እንደተቀበለ «Царь Соломон получает письмо от царицы Савской».

Образ царицы Савской в эфиопской христианской культуре занимает центральное место. Царица почитается как мать основателя династии Соломонидов — царя Менелика. Несмотря на отсутствие достоверных источников, подтверждающих существование царицы Савской, многие эфиопы считают ее реальным персонажем. Поэтому Македа становится героиней эфиопских легенд, сюжеты которых позднее воплощаются и в живописной форме. В основном художники предпочитают многосерийный формат изображения. Среди легенд, которые послужили вдохновением для художественных работ, основной является история, представленная в Кыбрэ Нэгэст. Она считается официальной версией, поэтому большинство художников придерживались именно ее. Альтернативная версия легенды, которая принадлежит народу тигре, не менее популярна. Эта легенда также была воплощена в живописи. Некоторые художники добавляли в историю о царице Савской свои подробности, однако большинство придерживалось одной из этих двух классических литературных версий легенды. Развитие сюжета с царицей в дальнейшем происходило уже и в живописной форме. Так впервые сцена, в которой змея побеждает отец Македы, появляется на картинах. Ввиду особенностей живописного варианта передачи определенные сцены, которые важны для понимания характера героев и встречаются в литературной или фольклорной форме, в живописи не воплощаются.

Впервые царица Савская начинает изображаться лишь в XX веке. На основании имеющихся у нас сведений нельзя точно определить,

где впервые появился образ царицы Савской — в светской или сакральной живописи. Однако очевидно, что возобновление интереса к ее личности связано с желанием эфиопских монархов укрепить свое положение, напомнив о связи с древней династией Соломона.

Серии картин о царице Савской и односюжетные работы представлены во многих европейских музеях. Эти работы были привезены туристами, которые посетили Эфиопию в XX в. Высокий спрос на подобные изображения обусловлен тем, что они ярко демонстрируют самобытность эфиопской христианской культуры. В этих картинах присутствуют традиционные мотивы, при этом большинство работ можно соотнести с комиксами, что делает их прочтение удобным и понятным для европейского зрителя.

Таким образом, легендарная фигура царицы Савской нашла воплощение в живописной форме относительно недавно. Тем не менее, работы, посвященные царице, обрели популярность в кратчайшие сроки. Этот сюжет стал близок не только эфиопам, но и европейцам, интересующимся местной культурой. Для самих эфиопов образ царицы Савской является важнейшим элементом, который позволяет укрепить национальную идентичность.

Список источников и использованной литературы:

1. Balicka-Witakowska E. Makædda in art // *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol.3. pp. 679–681.
2. Brita A. Şadæqan. *Encyclopaedia Aethiopica*, vol. 4: O — X. Ed. S. Uhlig. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 2010. P. 446–447.
3. Budge Wallis E. *The Kebra Nagast: the Queen of Sheba and her only son Menyelek*. Cambridge, Ontario, 2000.
4. Chernetsov S. Ethiopian traditional painting // *St. Petersburg Journal of African Studies*. No. 6, 1997.
5. Conti Rossini C. *Storia d' Etiopia* // *Africa Italiana*. Milano, 1928. P. 249–263.
6. Fiaccadori G. Makædda // *Encyclopaedia Aethiopica*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 672–674.

7. Fiaccadori G. Mənəlik I // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 921–922.

8. Fiaccadori G. The Queen of Sheba in Ethiopian tradition // Encyclopaedia Aethiopica. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Vol. 3. P. 675–676.

9. Girma Fisseha and Rauning W. Mensch und Geschichte in Äthiopiens Volksmalerei. Innsbruck: Pinguin. Frankfurt / Main: Umschau, 1985.

10. Littmann E. The legend of the Queen of Sheba in the tradition of Axum: 1964.

11. Norden H. Africa's Last Empire. Through Abyssinia to Lake Tana and the country of the Falasha. London, 1930. P. 16–17.

12. Pankhurst R. Some Notes for a History of Ethiopian Secular Art // Ethiopia observer. Addis Abeba: 1966. 10 (1). P. 5–80.

13. Staude W. Iconographie de la legende ethiopienne de la reine d'Azieb ou de Saba // Journal de la Societe des Africanistes 27 (1), 1957. P. 137–181.

14. Ганкин Э. Б. Амхарско-русский словарь. М., 1969.

15. Семенова В. Н. Эфиопская иконография XIX–XX вв.: этнографические коллекции Музея Антропологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2013.

16. Чернецов С. Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. Санкт-Петербург, 2004.

Электронные ресурсы:

17. Biasio E. Contemporary Ethiopian Painting in Traditional Style: from church-based to tourist art // African Arts. Vol. 42, no. 1, 2009. P. 14–25// JSTOR [Электронный ресурс] URL: <https://www.jstor.org/stable/20447932> (дата обращения 16.05.2021).

18. Евангелие от Матфея 12 глава // Библия URL: <https://bible.by/syn/40/12> (дата обращения 20.05.2021).

19. Семенова В. Н. Ынкутаташ // Кунсткамера [Электронный ресурс] URL: <https://www.kunstkamera.ru/events-calendar/ynkututash> (дата обращения: 20.04.2021).

20. ክብረ ነገስት ግእዝና ኣግርኛ // Ethiopian orthodox URL: <http://ethiopianorthodox.org/amharic/holybooks/kibrenegestgeezamharicc.pdf> (дата обращения 20.05.2021).

21. የኢትዮጵያ ሕግ መንግስት // Wikipedia URL: https://am.m.wikipedia.org/wiki/የኢትዮጵያ_ሕግ_መንግስት (дата обращения 10.05. 2021).

Источники. Опись коллекции МАЭ РАН.

МАЭ РАН. Опись коллекции МАЭ РАН № 2594.

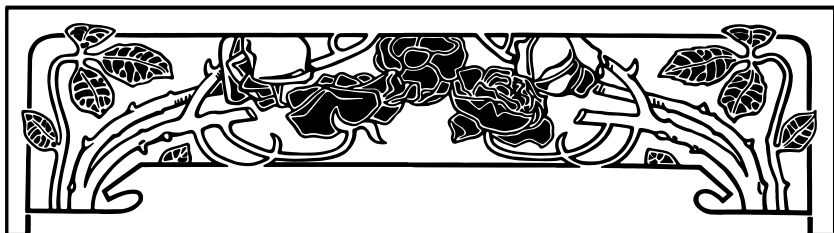
Сокращения

МАЭ РАН — Музей Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук

The Legend of the Queen of Sheba: Representation in Ethiopian Fine Arts (Based on Museum Collections)

Abstract: This article examines the pictorial representation of the image of the Queen of Sheba. In the Ethiopian version Makeda is considered the mother of the founder of the Solomonic dynasty. The pictorial image is based on two main literary sources: Kebra Negast and the folklore version of the Tigray people. The article explores in detail the relationship between the literary version of the legend and its subsequent depictions. In addition to being illustrative of literary works, the images are also a product in their own right. Artists develop the story of legends by inventing alternative plots. The main purpose of this work is to analyse the images portraying the Queen of Sheba of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, and of the collection of Ebba Dettenberg-Wedding at the Gottorp Museum in Schleswig, from which the compositional, narrative and iconographic features of the paintings can be traced. These works have a great cultural value, which leads to scientific interest in the subject. The images of this type are worth paying attention to because they clearly demonstrate the identity of Ethiopian culture as well as conveying ethnographic details.

Keywords: Queen of Sheba, Ethiopia, MAE, painting, Kebra Negast, XX cent.

А. Ю. Москвитина (Сиим)

Афробразильская коллекция и культура африканских диаспор в МАЭ РАН (Кунсткамера): история собирания и поступления, проблемы комплектования и атрибуции

Аннотация: В настоящей статье представлено описание коллекции по культуре афробразильцев, привезенной в 2007 г. из экспедиционной поездки по исследованию креольской материальной культуры афробразильцев, особенностей ритуальных практик кандомбле и вопросов музейного бытования атрибутов синкретических культов и традиционных религий кандомбле и умбанда. В статье рассказывается о самих переданных в дар предметах и стоящих за ними культурными феноменами.

Ключевые слова: африканские коллекции, МАЭ РАН, афробразильцы, кандомбле, африканские диаспоры.

В МАЭ РАН (Кунсткамера) хранится коллекция по афробразильским культурам кандомбле и умбанда, переданная мною в дар музею. Этот сбор представляет собой полноценное комплексное собрание

предметов, функционирующих в ритуальной практике культа кандомбле прежде всего в штате Баия (Бразилия). Коллекция насчитывает шестьдесят один предмет и была собрана в декабре 2007 г в ходе одной из экспедиционных поездок по исследованию креольской материальной культуры афробразильцев, особенностей ритуальных практик кандомбле и вопросов музейного бытования атрибутов синкретических культов и традиционных религий кандомбле и умбанды. Предметы приобретались в городах Салвадор-да-Баия и Сан-Паулу. Посещению Бразилии предшествовала музейная стажировка в Париже по гранту Министерства культуры Франции, посвященная экспонированию культуры и искусства Африки, поэтому в коллекции к афробразильским предметам примыкает небольшая группа вещей, приобретенных в африканском квартале XVIII округа Парижа в районе станции метро Шато-Руж. Это собрание также было призвано продемонстрировать быт представителей африканских диаспор и их приверженность к привычным для них африканским вещам в ежедневном обиходе. По датировке и по материалу вещи очень разные: от антикварной малой деревянной пластики до благовонных палочек. Но большинство их объединяет тематическая и функциональная принадлежность. Являясь африканистом по своей специализации, я намеренно ориентировалась в процессе приобретения вещей именно на Фонды Африки, так как многое из увиденного и приобретенного в бразильском поле вписывалось в парадигму эволюции культур в диаспорах и представлялось фактами непрерывного трансконтинентального культурного континуума (рис. 1).

При передаче коллекции в дар и определении ее в Фонд МАЭ РАН в июне 2008 г. возник целый ряд сложностей, связанных, с одной стороны, с географическим принципом организации фондового хранения, с другой — с современным происхождением материалов, из которых выполнены некоторые предметы. Афробразильские культы своим происхождением обязаны африканскому континенту и работорговле, однако их локация — это Южная Америка и они, несмотря на тесные связи с африканской родиной, — продукты самостоятельного развития. После многочисленных споров

Рис. 1. Общий вид коллекции по культуре афробразильцев и африканской диаспоры Парижа

коллекцию определили все-таки в Фонд Африки. Одновременно встала проблема зачисления дара в Основной либо Научно-вспомогательный фонд, опять же по причине их двойственной топографической атрибуции. С современных позиций кажется очевидным, что только «инерцией» музейного сознания можно объяснить, что тематически объединенные артефакты, среди которых наличествуют обладающие культурной и художественной ценностью антикварные скульптуры и изделия из драгоценных металлов, попали в Научно-вспомогательный фонд. В течение последующих лет коллекция и отдельные предметы из нее были неоднократно описаны и тем

самым «апробированы» в публикациях, затрагивавших разные культурно-антропологические аспекты афробразильского наследия (Сиим 2008; Сиим 2009; Сиим, Добронравин 2010; Сиим 2011; Сиим 2012; Сиим 2013; Сиим 2015а; Сиим 2015б; Сиим 2015в; Сиим, Добронравин 2019; Сиим 2021; Siim (Moskvitina) 2016), а также в ряде докладов на конференциях, в том числе на Третьей международной научной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций» в Государственном музее Востока в 2022 г., где предметом обсуждения и был прецедент с данным афробразильским собранием. Коллекция зарегистрирована в базе данных «Камис» МАЭ РАН как НВФ-8, однако, учитывая ее комплексность и культурную ценность и высокую стоимость многих предметов, целесообразен пересмотр ее статуса и дальнейший перевод из вспомогательного в основной фонд.

Необходимо отметить, что за время с момента передачи коллекции интерес к синкретическим афробразильским культурам и родственным им традициям сантерии (Куба), обеаизма (Ямайка) и вуду (Гаити) и уровень осведомленности о них в нашей стране только возрос. Время от времени я получаю письма и сообщения в социальных сетях с просьбами больше и чаще освещать эти темы в публикациях и музейной деятельности. Весьма показательным примером видится и переданное мне в консультативных целях письмо, полученное в ноябре 2021 г. моей коллегой-африканистом, отвечавшей за африканскую часть экспозиции в родственном нам по тематике Государственном музее истории религии. Ради наглядности считаю нужным привести его текст с небольшими сокращениями и с сохранением авторской пунктуации: «...Ваш электронный адрес мне дали на странице Музея в ВК. Посоветовали обратиться к Вам. Я являюсь одним из первых в России (изучаю 21 год) исследователем и практиком магических культов Западной Африки.. ..Бабалаво Ифа (жрец Ифа)..а если быть точнее Афро-карибской традиции Ифа Ориша (Сантерии)... в данный момент учусь на религоведа в моск университете. Пишу научную работу по верованиям народа йоруба. Не так давно я вместе со своими

кубинскими коллегами посещал Музей Религии, который к слову сказать произвел прекрасное впечатление... Но так же мы заметили, что совсем не представлены культовые предметы Афрокарибской (Афрокубинской) традиции Ифа Ориша.. Мои кубинские коллеги и я хотим преподнести в дар музею несколько экспонатов святынь Ориша (Богов культа йоруба).. Если конечно Вы не будете против. Естественно экспонаты будут не освященными. Заранее благодарю за любой ответ». При понимании мотивов личной заинтересованности автора этого письма, надо сказать, что он верно определил надлежащее место для демонстрации предметов синкретических культов в музее; именно такой логикой включения этих феноменов в африканскую тематику руководствуются во многих этнографических музеях мира, стараясь представить историю воссоздания в Америке африканских верований и обрядов.

Роль традиций африканских народов и самих афробразильцев в культуре Бразилии на протяжении всей ее истории невозможно переоценить. Тема афробразильской креольской идентичности и обращения к ее африканским корням постоянно переосмыслиется в актуальных социополитических контекстах. Постепенная легализация афробразильских культов и превращение их лидеров в важных представителей духовного истеблишмента стали переломными моментами в становлении политики расовой демократии. Материальная и духовная культура афробразильцев, история их освободительной борьбы в эпоху рабовладения и ряда протестных движений, начиная с создания «республик» беглых рабов *киломбу* и продолжая мусульманскими восстаниями на северо-востоке страны и формирования общин последователей новых религиозных концепций на основе африканских традиционных верований складывались в поле контактов выходцев из разных частей африканского континента, Европы и местного индейского населения. Афробразильские религиозные течения — кандомбле, умбанда, кимбанда — создавались прежде всего носителями смешанной — креольской — идентичности. Идеология кандомбле и образная система этого комплекса культов изначально сформировалась на основе синкретического

дуализма африканских божеств (преимущественно из пантеона йоруба) и католических святых, но после реабилитации и общественного признания этих течений во второй половине XX в. и на пике общественного интереса к ним некоторые наиболее почитаемые представители афробразильского жречества объявили об отказе от синкретизма и сформулировали реформаторские мировоззренческие афроцентричные теории (Сиим 2015а: 228–229). Реабилитация и признание афробразильского духовного наследия на государственном уровне выразились, в частности, в учреждении в 2003г. официального праздника *Dia da Consciência Negra* (День черного осознания) двадцатого ноября, в день казни легендарного Зумби, последнего правителя и командующего армией Киломбу дос Палмарис, и падения республики рабов Палмарис (Сиим 2021: 94). 21 марта 2023 года был впервые отпразднован новый *Dia Nacional das Tradições de Raízes de Matrizes Africanas e Nações do Candomblé* (Национальный день традиций африканских корней и основ и народов кандомбле), незадолго до этого утвержденный снова избранным в президенты после многолетнего перерыва Луисом Инасио Лулой да Силва. Федеральный закон об учреждении национального праздника был одним из первых постановлений Лулы да Силвы на его посту. «Народы кандомбле» — это псевдоэтническая категория, появившаяся вследствие необходимости смоделировать историю афропотомков в Бразилии после отмены в стране рабства и выявить их этническое происхождение; названия разновидностей культа предков кандомбле подразделяются по псевдоэтническому принципу, до сих пор лежащему в основе этноконфессиональной классификации течений кандомбле, — *жеже-наго*, *йоруба-кету*, *банту (конго-ангола)* (Сиим, Добронравин 2008: 189; Сиим 2009: 178).

Символика и атрибутика кандомбле на виду не только в самих многочисленных домах культа *террейро*, но и повсеместно в светских сферах и городском ландшафте; эти предметные ряды, названия, цветовой и музыкальный языки не нуждаются в объяснениях для любого среднестатистического бразильца, даже если он не является последователем или посвященным в таинства культа. Особенно ярко

это выражено в штате Баия и его столице Салвадор-да-Баия, откуда система культов распространилась по всей Бразилии. Ритуальное облачение и инструментарий для жрецов и служителей культа, изображения *ориша* и католических святых, специализированная литература и огромный ассортимент сопутствующих товаров доступны в магазинах ритуальных предметов, лавках знахарей-травников в особых отделах на рынках, антикварных магазинах и художественных салонах; именно там было куплено большинство предметов для моей подборки характерных для афробразильской материальной культуры объектов. Эта продукция приобретает для ритуалов в *террейро*, а также местными жителями, которые используют эти вещи в быту, дома и на работе в декоративных и ритуальных целях. Резные деревянные либо более дешевые крашенные гипсовые скульптуры святых и фигурки в костюмах божеств можно увидеть на домашних алтарях в квартирах; в офисах люди украшают рабочее место символами своих личных *ориша*. Определенные святые и *ориша* считаются покровителями того или иного бизнеса или профессий: например, *ибеджи* из традиционных близнецных культов йоруба, синкретизируемые со святыми мучениками братьями Космой и Дамианом, связаны с ресторанным делом, либо *ориша* Огун и его «двойник» Святой Георгий считается покровителем водителей, таксистов, кузнецов, работников области ремонтно-технического сервиса. Так, предметы и атрибуты, изображающие и обозначающие этих *ориша*, фигурируют в подвластных им сферах и обиходе людей, представляющих эти виды деятельности.

В основе кандомбле — поклонение божествам африканского происхождения: *ориша* (*у наго* (йоруба-кету)), *водунам* (*у жеже*), *инкиси* (*конго-ангола*), которые синкретизированы с католическими святыми, являющимися своего рода альтер эго африканских божеств (Сиим 2012: 234–235). В обобщенном имидже сложной системы кандомбле — при необходимости описать ее в упрощенном виде, например, в образовательных программах средних школ, превалируют черты кандомбле *кету*, имеющего йорубское происхождение и исторически позже других появившегося в Бразилии (Сиим, Добронравин 2019:

262). Применяемое к *ориша* определение «божества» (*deusas*) более чем условно, так как они, по определению служителей культа, суть разнообразные энергии природы (Сиим 2014: 228). Из более чем сотни разновидностей йорубских ориша в Африке в бразильских культах прочно утвердилась лишь часть — около десяти в умбанде и чуть более двух десятков — в кандомбле; стоит сказать, что в родственной по сути системе культов сантерия на Кубе независимым образом сформировался пантеон примерно из тех же *ориша*. Существуют устойчивые общеизвестные синкретические пары *ориша* и католических святых. Эта дуальность прослеживается в том числе параллельном чествовании святых и соответствующих им *ориша* в определенные дни согласно католическому календарю. О практической стороне синкретизации и неслучайности сопоставления конкретных *ориша* и святых на примере пары *ориша* Ианса — Св. Варвара подробно рассказывалось в нескольких моих публикациях (Сиим 2012: 239–242; Сиим 2015а: 225–228); небольшая фигурка Ианса — темнокожая женщина в ритуальном костюме красного цвета, тиаре из золотистой фольги и с лицевой завесой из ниток красных бус представлена в коллекции (НВФ № 8–10). Впервые продумывая подборку объектов для коллекции, я считала необходимым предметно продемонстрировать феномен синкретизации. Например, среди предметов представлены старинная деревянная статуя Святого Лазаря (НВФ № 8–1) и современная фигурка *ориша* Омолу (НВФ № 8–9). Омолу одновременно ассоциируется с эпидемиями, кожными и инфекционными заболеваниями и врачеванием; этот *ориша* насыляет болезни и исцеляет от них (именно поэтому, например, в разгар пандемии COVID-19 в Салвадоре организовывали церемониальные процессии, где по улицам проносили изображения и атрибуты Омолу). Внешне он изображается в скрывающей все тело и голову накидке из соломы, маскирующей язвы и следы оспы. Таким образом, по форме и содержанию образ Омолу напоминает образ Святого Лазаря, страдавшего проказой, умершего и воскрешенного Иисусом Христом. Иконографически он изображается со следами проказы на теле, одним из его символов является собака, так как по преданию, собакилизывали

его язы. В XVIII в. в Салвадоре при часовне, носившей имя Святого Лазаря, была построена лечебница-лепрозорий, служившая долгое время карантинным лазаретом для прибывавших в Баию африканских рабов. Такие обстоятельства мотивировали ассоциации Святого Лазаря с Омолу и привели к их синкретизации, даже место, где находится часовня, называется Ladeira de Харана (Спуск Шапана), что соответствует одному из вариантов йорубских имен Омолу — Сопона (Шопона). До сих пор в день чествования Святого Лазаря 21 января в часовне параллельно праздничной службе жрецы и последователи

кандомбле проводят ритуалы, посвященные Омолу, — омовение ступеней часовни ароматизированной водой и осыпание присутствующих излюбленной едой этого *ориша* — попкорном — в знак его благословения.

На рис. 2–4 показаны статуя Святого Лазаря, фигура Богоматери (возможно, тип, Nossa Senhora da Presentacao) (НВФ № 8–2) и фигура Святого Антония Падуанского с младенцем Иисусом (НВФ № 8–3), которые являются самыми эстетически ценными в коллекции. Это старинные образцы деревянной пластики, выполненные в стиле бразильского барокко, черты которого скульпторы-сантейро сохраняли в своих работах вплоть до XX в. Фигуры, по всей вероятности, могут быть датированы первой половиной XX в.; на постаменте фигуры Богоматери, имеющей лучшую сохранность по сравнению с двумя другими статуями, написан, возможно, год изготовления — 1943.

Рис. 2. Фигура Св. Лазаря.
Высота — 24 см,
ширина — 5,5 см,
длина — 8,5 см.
Материал — дерево,
пигменты. НВФ №8–1

Рис. 3. Фигура Богородицы. Высота — 23 см, ширина — 5,5 см, длина — 8,5 см. Материал — дерево, проволока, пигменты. НВФ № 8–2

Рис. 4. Фигура Св. Антония Падуанского с младенцем Иисусом. Высота — 30,5 см, ширина — 10 см, длина — 8 см. Материал — дерево, проволока, металл, пигменты. НВФ № 8–3

Ряд предметов демонстрирует иконографию *ориша* и иных почитаемых в кандомбле и умбанде сущностей. Такие скульптурные изображения из крашеного гипса можно часто увидеть на домашних алтарях. *Ориша* Иеманжа, покровительница океана, рыбаков и мореплавателей, может изображаться в виде сирены (русалки, напоминающей образ божества распространенных повсеместно на атлантическом побережье Африки культов Мамми Вата) (НВФ № 8–12) либо в образе молодой женщины в длинном платье с распущенными волосами (НВФ № 8 — 11). Фигурки Ошун (женского *ориша*, покровительницы рек и пресных вод) (НВФ № 8–8) и Ианса

(НВФ № 8–10) аналогичны по технике исполнения вышеупомянутой фигурке Омолу. Также представлена авторская резная деревянная скульптура Ошун в ритуальном облачении, с вуалью из низок бус на лице и характерными атрибутами в руках, выполненная в грубоватом стиле, подражающем традиционной африканской скульптуре (НВФ № 8–8). Раскрашенные гипсовые фигуры Эшу (НВФ № 8–13) и *прету велью* («старого негра») (НВФ № 8–14) характерны для ритуалов умбанды. Эшу, посредник между миром людей и миром *ориша*, трикстер, божество перекрестков дорог, случая и непостоянства Прету велью изображен в infernalно-лубочном образе Люцифера в синем плаще и с трезубцем как пожилой африканец с белой шляпе, белом европейском костюме и с тросточкой. Кроме него, в умбанде есть еще один персонаж, также являющий собой расовый тип, — *кабокло* (индеец); если *прету велью* функционально соответствует общему африканскому предку, то *кабокло* — это своего рода *genius loci*, дух местности, связанный с землей и плодородием (Сиим 2011: 133). Фигурки небесной покровительницы Бразилии Богоматери Nossa Senhora Aparecida (НВФ № 8–16) и Святой Сары да Кали (НВФ № 8–17) демонстрируют тип особо почитаемых афробразильцами «черных святых». Образ Nossa Senhora Aparecida относится к так называемым «черным мадоннам», а Сара да Кали — единственная католическая святая цыганского происхождения.

В коллекции представлены образцы старинных серебряных вотивных подвесок *экс-вото* — фигурок из серебра в виде определенных частей тела, которые помещаются у статуй святых в церквях в знак мольбы об исцелении от болезней либо как благодарственное подношение за излечение телесных недугов. При одном из главных храмов Салвадора Носсо Сеньор до Бонфин есть музей *экс-вото*, собранных за несколько столетий, красноречиво описанный в романе У. Эко «Маятник Фуко»: «в ризницах святилища Носсо Сеньор до Бонфин (Господа Заступника) ...плетенницы благодарственных даров свисали с потолка, дико и прекрасно сочетались между собою серебряные сердечки, деревянные костыли, руки,

ноги». Экс-вото в виде пары глаз (НВФ № 8–4), зуба с корнем (НВФ № 8–5), живота (НВФ № 8–6) и животного (лошади либо собаки?) (НВФ № 8–7) были приобретены в одном из антикварных магазинов в квартале антикваров на одном из спусков из Пелоуринью (исторический квартал Верхнего Города) (рис. 5–8).

Несколько предметов — символические атрибуты *ориша*, используемые на ритуальных праздниках *фешта*, которые проводятся в *террейро* кандомбле с целью привлечения на них *ориша*: колокол *эгого* с деревянной рукояткой (НВФ № 8–24), погремушка (НВФ № 8–25), кривая сабля *алфандже*, атрибут *ориша* Ианса (НВФ № 8–26), топорик *оше* с двумя лезвиями на резной деревянной рукоятке, атрибут *ориша* Шанго (НВФ № 8–27/1,2). Колокольцы и погремушки могут использовать обычные участники церемонии для дополнительного ритмического аккомпанемента, символические атрибуты *ориша* держат в руках участники, облаченные в костюмы соответствующих *ориша* и возглавляющие танцевальные процессии.

Рис. 5. Подвеска *ex-voto* в виде пары глаз. Длина — 2,5 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,3 см. Материал — серебряный сплав, проволока. НВФ № 8–4.

Рис. 6. Подвеска *ex-voto* в виде зуба с корнем. Длина — 2 см, ширина — 0,7 см, толщина — 0,7 см. Материал — серебряный сплав, проволока. НВФ № 8–5

Рис. 7. Подвеска ex-voto в виде живота. Длина — 2,5 см, ширина — 2 см, толщина — 0,2 см. Материал — серебряный сплав. НВФ № 8—6

Рис. 8. Подвеска ex-voto в виде собаки (или лошади?). Длина — 2,7 см, ширина — 1,3 см, толщина — 0,2 см. Материал — серебряный сплав, проволока. НВФ № 8—7

Следующая тематическая группа — предметы для магических и медицинских практик и ритуальных подношений *эбо*, приобретенные в лавке фетишей «Guerreiro» на рынке на западном спуске с Пелоуринью. В нее входят две сшитые из ткани и наполненные ватой две объемные куклы для вотивных магических ритуалов наподобие кукол вуду (НВФ № 8—18, НВФ № 8—19), терка для измельчения лечебных растений и корней (НВФ № 8—20), рог козы, предназначенный для наполнения магической смесью (НВФ № 8—21), керамическое блюдо для подношений *эбо* (НВФ № 8—22), керамическая головка трубки для воскуривания лечебных травяных смесей (НВФ № 8—23), подвесная лампа для благовоний (НВФ № 8—29) с горстью ладана (НВФ № 8—30), благовонные палочки, импортированные из Индии и расфасованные в Бразилии в упаковки в соответствии с типом ароматической композиции и именами *ориша* «Ошала», «Воды Иеманжи», «Огун» (НВФ № 8—28/1,2,3).

Небольшой комплекс вещей связан с капоейрой — традиционным бразильским единоборством с элементами акробатики и ритуального танца. Культура капоейры, корнями уходящая в традиционные ритуально-боевые танцы при прохождении инициаций в исторических областях Конго и Ангола в Африке, и ее основные направления (школы) зародились в Салвадоре. В 2014 г. капоейра была признана ЮНЕСКО нематериальным культурным наследием человечества. То, что можно назвать философией капоейры, тесно связано с принципами взаимодействия энергий *оринша* и практиками катомбле. В собрании представлены несколько инструментов ансамблей *батерриа*, под ритмический аккомпанемент которых проходит *рода* — серия объединенных одним сценарием поединков. Большой музыкальный лук *беримбау* с резонатором из скорлупы кокосового ореха (НВФ № 8 — 32/1,2,3,4), сплетенный из растительных волокон колокол *кашшиси* (НАФ № 8—33), сдвоенный металлический колокол *эгого* с металлической ударной палочкой (НВФ № 8—34/1,2).

Также был собран комплект предметов бытового обихода ручного либо кустарного производства: деревянная ложка для размешивания теста или похлебки (НВФ № 8—35), щипцы для распрямления волос (НВФ № 8—36), сметка для пыли (насаженный на деревянную рукоятку пучок желтых перьев тропических птиц) (НВФ № 8—37), мышеловка (НВФ № 8—38), инструмент для плетения африканских косичек (НВФ № 8—39), металлические ложка, шумовка и прибор для выдавливания сока из цитрусов (НВФ № 8—40,41,42). Они приобретены в лавке хозяйственных товаров на одном из рынков и внешне очень отличаются от промышленных аналогов, предметов такого же назначения. Интересными и несущими в себе местный афробразильский колорит показались мне образцы игрушек ручного изготовления с рождественской ярмарки, где их активно приобретали и местные жители: выскакивающий из коробки клоун (НВФ № 8 — 44), войлочные игрушки, надеваемые на пальцы, в виде слона, обезьяны и кролика (НВФ № 8—45 /1, 2, 3), пластиковые заготовки для изготовления кукол-африканок в виде голов, фигур и пар ног (НВФ № 8—46,

47, 48, 49, 50). По совпадению, в течение той поездки мне неоднократно довелось воочию наблюдать, как из таких заготовок делают кукол. Любопытно, что эти болванки сделаны не сразу из пластика коричневого цвета, а покрашены очень нестойким коричневым красителем поверх белого пластика.

Наконец, в коллекции присутствует знаменитая *fitas do Senhor do Bonfim* — связка лент Господа Заступника (НВФ № 8–43). Это самый популярный сувенир из Салвадора широко используется и местными жителями как украшение и оберег. Исторически этот предмет восходит к так называемой *medida de Bonfim* («мерной ленте Господа Заступника») — в XIX в. на таких шелковых с золочеными буквами лентах носили серебряные либо восковые подвески *экс-вото*. Их стандартная длина составляла сорок семь сантиметров, что соответствовало длине правой руки чудотворной деревянной статуи Иисуса Христа, главной алтарной скульптуры в церкви *Nosso Senhor do Bonfim* (Господа Заступника). В современной интерпретации, цвет или сочетание цветов каждой тонкой ленты из синтетической ткани с напечатанной надписью *Lembranca do Senhor do Bonfim* («Воспоминание о Господе Заступнике») соответствует цветовому символу определенного *ориша* (белый — Ошала, голубой — Иеманжа, синий — Огун, красный — Ианса, желтый — Ошун, зеленый — Ошосси, розовый — ибеджи, фиолетовый — Нана, черный (с красными буквами) — Эшу, черный (с белыми буквами) — Омолу, красный (с белыми буквами) — Шанго, зеленый (с белыми буквами) — Оссаин); таким образом, в полном составе набор лент подразумевает защиту и покровительство всех основных *ориша* и соответствующих им святых.

К афробразильскому сбору тематически примыкает группа предметов из парижской африканской диаспоры (НВФ № 8-44-61). Она подразделяется на две части. Во-первых, это бытовые предметы из африканского квартала в XVIII округе. Находясь в историческом центре Парижа, этот квартал представляет собой своего рода гетто с замкнутой инфраструктурой, куда практически не заходят посторонние, в том числе из-за криминогенного имиджа этого района. В нем работает рынок с поставками пищевых про-

дуктов непосредственно из стран Африки, и несколько небольших магазинов с типично африканскими хозяйственными товарами. Во-вторых, это несколько образцов металлической и деревянной скульптурной пластики (не так называемое «аэропортное» сувенирное искусство) из двух галерей африканского искусства, владельцами которых являются семьи выходцев из стран Африки.

Список источников и литературы

1. *Сиим А. Ю.* Дом кандомбле как феномен искусственного родства // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 368–372.

2. *Сиим А. Ю.* Афробразильская культура: единство духовного и материального, синтез религии, науки и искусства (по материалам экспедиции в Бразилию и стажировки в этнографических музеях Франции) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 174–193.

3. *Сиим А. Ю., Добронравин Н. Д.* Этнополитические и культурные аспекты лузотропикализма // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 186–191.

4. *Сиим А. Ю.* Синкретические религии и креольская материальная культура афробразильцев // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 130–134.

5. *Сиим А. Ю.* Терминология родства у афробразильцев // Алгебра родства. Родство, системы родства, системы терминов родства. Вып. 13. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 234–242.

6. *Сиим (Москвитина) А. Ю.* Артистический академизм: «белые» жрецы африканских культов (научная и музейная деятельность Б. Окессон, С Венгер, П. Верже) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 493–497.

7. *Сиим (Москвитина) А. Ю.* Афробразильское наследие: пределы музеефикации // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб., 2015а. С. 222–231.

8. *Сиим (Москвитина) А. Ю.* Афробразильское кандомбле: от синкретических культов к традиционной религии // XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире». Тезисы докладов. СПб.: ВФ СПбГУ. 2015б. С 473–474.

9. *Сиим (Москвитина) А. Ю.* Реформаторский традиционализм в афробразильских религиозных системах // XI Конгресс антропологов и этнографов России. Контакты и взаимодействие культур. Сборник материалов. М.: ИЭА РАН: М., Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2015в. С. 407.

10. *Сиим (Москвитина) А. Ю., Добронравин Н. Д.* Формирование неотрадиционных трансатлантических макросообществ: афробразильский концепт йорубскости и переосмысление йорубской идентичности // «Неотрадиционализм: архаический синдром и конструирование новой социальности в контексте процессов глобализации». СПб.: центр информатизации образования «КИО», 2019. С. 254–271.

11. *Сиим (Москвитина) А. Ю.* Вторичная потестарность: бразильские «республики рабов» *киломбу* // Общество. Среда. Развитие. № 4 (61). СПб.: Астерион, 2021. С. 32–35.

12. *Siim (Moskvitina) A.* Two Facets of Afro-Brazilian Neo-Traditionalism: New Yorubaness and African Islam // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHSC). Vol. 3, issue 3. December, 2016. P. 425–440.

Afro-Brazilian Collection and Cultures of African Diasporas in MAE RAS: The Story of Collecting and Donation and Issues of Reception and Attribution

Abstract: The article represents a description of a MAE RAS collection on Afro-Brazilians which was brought in 2007 from an expedition to Brazil aimed at the research of creole material culture of Afro-Brazilians, rituals practices of Candomblé cults and issues of local museum presentations of traditional cults Candomblé and Umbanda and their attributes. The text focuses on the explication and interpretation of objects donated to MAE RAS and their cultural background.

Keywords: African collections, MAE RAS, Afro-Brazilians, Candomblé, African diasporas.

П. С. Холматова

Кораническая магическая печать (Нигерия, 2018 г.)

Аннотация: В статье проводится подробный анализ коранической магической печати, приобретенной автором для коллекции МАЭ РАН во время экспедиции в Нигерию в 2018 г. В статье анализируется культурный контекст функционирования коранических магических предметов, отражающий синкретизм ислама и традиционных верований. Также представлен филологический анализ арабографических надписей на амулете, классифицируемых автором как пример текста, относящегося к жанру «социальной медицины».

Ключевые слова: амулет, печать, кораническая магия, хауса, Нигерия.

С давних времен люди верили в сверхъестественные силы и старались найти способы предотвратить возможное зло, обращенное к ним. В результате этого выделился класс людей, обладающих тайными знаниями, при помощи которых можно защитить человека от бед, болезней и других несчастий. Обладатели тайных знаний (колдуны, знахари, жрецы и проч.) изготавливали особые предметы, которые при проведении определенных ритуалов могли обеспечить его обладателя защитой от разных недугов или же наградить его

желаемым. Сейчас такие предметы обычно называются исследователями как амулеты, или талисманы. Относительно появления такого явления, как амулеты, учеными выдвигались различные гипотезы, однако основой такого явления является непосредственно вера в силу того или иного предмета. В традиционных обществах медицина, или исцеление, является частью религиозных верований и культов, так как любая система верований стремится объяснить происхождение какого-либо события или, например, болезни [Horton, 1967: 53].

Традиция обращения к коранической магии среди народа хауса¹ Нигерии остается до сих пор. Об этом свидетельствуют приобретенные автором коранические каллиграфические амулеты² на рынке Вусе (Wuse market) в г. Абуджа, Нигерия, во время этнографической экспедиции в марте-апреле 2018 г. Как правило, амулеты легче всего приобрести в преимущественно мусульманских регионах страны, например, на севере Нигерии. Однако, ввиду отсутствия возможности отправиться в Северную Нигерию, автор предпринял успешную попытку собрать материал в контексте коранической магии у хауса в столице страны. Обычно амулеты возможно приобрести в лавках исламской литературы. Так, в одной из таких лавок возле небольшой мечети на рынке Вусе в г. Абуджа автору удалось договориться с хаусаязычным продавцом разного рода исламской литературы при небольшой мечети на рыночной площади о покупке амулетов. Необходимо отметить, что магические предметы, в частности каллиграфические амулеты, рецепты и т. д., не продаются в открытом доступе. Их распространением занимаются либо сами авторы, издатели

¹ Под хауса понимается хаусаязычная общность Северной Нигерии, представляющая собой ассимилировавшиеся народы хауса и фульбе (хауса-фулани), в рамках которой не существует четкого разграничения ввиду общих языка, духовной и материальной культур.

² Вопрос о том, что, собственно, называется «амулетом» вызывает дискуссию. В данном контексте автор следует за традицией отечественных и европейских исследователей в данной области и не предлагает аргументацию за или против данного термина.

и торговцы при мечетях. В данной статье предлагается анализ одного из амулетов, приобретенных в ходе экспедиции.

Характеризуя амулет, необходимо в первую очередь отметить, что он является печатной копией оригинального рукописного текста, написанного на бумаге сероватого цвета. Кегль букв разного размера, исправления в тексте, неодинаковое написание одних и тех же букв свидетельствуют о том, что текст первоначально был написан от руки черными чернилами. Традиция копирования разного рода текста известна по всему миру, в том числе и в Северной Нигерии. На смену переписи пришли копировальные машины. Теперь копии рукописных сочинений на аджами, в том числе и копии Корана для обучения, способствуют распространению такой литературы в особенности на севере Нигерии [Dobronravin, 2017: 47]. Копии каллиграфических амулетов стоят значительно дешевле, чем их оригиналы, стоимость которых может достигать до нескольких сотен американских долларов. Подтверждение этому находится в последней строке амулета: издатель — Бухари, Ахмад Садауки из Кано.

Размер амулета 16 × 21, 5 см, он состоит из двух основных элементов: магическая «печать», т.е. непосредственно объект магической силы, и инструкция, или рецепт, включающий рекомендации по их назначению и применению. Традиционно печати представляют собой разной формы геометрические фигуры, в рамках и вокруг которых расположены отрывки из Корана и другие слова, имеющие большое значение в исламе. Печати строятся из различных «линий», которые в свою очередь часто представляют собой имена Аллаха, пророков или ангелов [Khalil, 2009: 13]. Встречаются также печати не только в виде геометрических фигур, но и животных, магических квадратов.

Инструкция написана на арабском языке с огласовками и с редким использованием слов из языка хауса в качестве пояснения, в центральносуданской графике, главной особенностью которой является написание буквы «Фа» (араб. ف) с точкой снизу, а буквы «Каф» (араб. ق) — с точкой сверху, или подражанием ему, поскольку буква «Каф» зачастую обозначается без точки. Кроме того, для данного текста характерно написание букв «Нун» (араб. ن) и буквы «Йа'»

(араб. ي) в конечной позиции без точек, буква «Алиф максура» (араб. ى) сопровождается точкой под предшествующей согласной, нижний конец буквы «Алиф» (араб. ا) выходит за пределы строки.

Инструкция начинается с традиционных формул — басмалы и таслийи. Формула отделяется от собственно инструкции пересекающимися треугольными скобками (строка 1). Далее следует информация об источнике магических знаний. В данном случае печать приписывается Юсуфу ибн Якубу (строки 2 и 7). Вероятно, автор обращается к пророку Юсуфу, сыну пророка Якуба. Такая практика часто встречается в подобного рода текстах для придания большей авторитетности. В Коране упоминается, что пророк Юсуф обладал даром толкования снов, что можно отнести к сверхъестественным способностям.

Затем после слова «фа’ида» (польза), выделенного треугольными скобками (строка 3) начинается непосредственно аннотация к амулету. Слово «фа’ида» используется для обозначения магических текстов, медицинский рецептов. В строках 3, 4, 5 безымянного амулета содержится информация о цели этого амулета. Амулет предназначен для того, чтобы все люди, и мужчины, и женщины любили обладателя этого амулета:

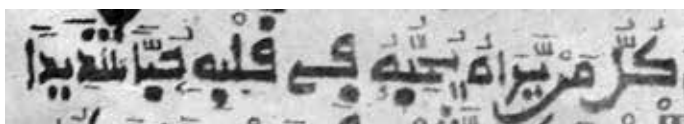
لِلْمَوَدَّةِ وَالْمَحَبَّةِ مِنْ جَمِيعِ النَّاسِ

«Для симпатии и любви от всех людей»

Таким образом, данное сочинение можно отнести к категории так называемой «социальной медицины». Это понятие используется для обозначения магических практик, направленных на социальную сферу жизни. Далее приводится описание ритуала, или рецепта, следуя которому можно достичь любви окружающих. Так, предписывается написать прилегающую печать, выпить ее, видимо, предварительно смыв чернила с дощечки, смешав с землей рынка,

с землей мечети, в которой собираются все люди, с землей дороги, с белым медом. Практика употребления внутрь смытых чернил, которыми были написаны значимые тексты (например, суры из Корана) распространена во всей мусульманской общине. После того, как все необходимые надписи и орнаменты нанесены на дощечку или бумагу, ее омывают, и хозяин такого амулета выпивает или использует иначе воду с остатками чернил, тем самым принимая магическую силу амулета и приводя его в действие [Hassan, 1988: 21]. Свое отношение к таким практикам выражали многие мусульманские муфассиры. Аль-Багави в своем сочинении «Шарх Ас-Сунна» повествует о том, что во времена Пророка считалось дозволительным лечение больных при помощи таких манипуляций с водой. В доказательство к этому Аль-Багави описывает случай, приписываемый Ибн Аббасу, муфассиру и двоюродному брату Пророка Мухаммада: к нему пришла женщина, которая не могла выносить ребенка, тогда он сказал ей написать определенные отрывки из Корана, смыть, а затем выпить эту воду с чернилами. Шейх ибн Таймия в сочинении «Маджму аль-фатава» писал, что амулет может быть написан на любом хяляльном, т. е. чистом предмете, а затем выпит [Chishti, 2011: 51, 66–69].

Текст продолжается описанием результата произведенных действий:

كُلُّ مَنْ يَرَاهُ يُحِبُّهُ فِي قَلْبِهِ حُبًّا شَدِيدًا
«Каждый, кто увидит его, полюбит его в своем сердце
сильной любовью»

Второй элемент сочинения состоит из магической печати. Особое место в коранической магии занимает магия текста как письменного, так и устного. С этим связаны такие практики, как ономотомантия, или постижение тайного смысла букв, слов, наука о буквах, числах. Согласно сочинению ал-Буни «Шамс ал-ма’а-

Кораническая магическая печать

риф) «شمس المعارف»), в которой известный суфий описал магические процедуры и проч., буквам приписываются несколько видов «сил». Во-первых, посредством букв возможно перенести магическую силу в физический мир. Во-вторых, буквы повелевают духами (ангелы, джинны и т. д.), которые осуществляют силу букв в мире. Кроме того, ал-Буни соотносит определенные буквы с целью их применения. В частности, ба, кяф, лям и некоторые другие буквы лучше всего использовать для защиты или исцеления, син подходит для многоцелевого использования [Francis IV, 2005: 170–176].

Данная печать состоит из двух элементов: квадрата, внутри которого изображен своеобразный крест и 4 круга в каждом углу, и дву-

сторонняя стрелка. Характерно, что арабский текст в печати не огласован. Внутри креста по вертикали содержится фраза «И получил любовь» (والقيت محبة), по горизонтали — предполагается, продолжение фразы по вертикали «от меня» (مني), далее, вероятно, фраза «они нуждаются в тебе» (هم الحاجة عليك), при этом عليك читается только при повороте листа на 180°. В прилегающих к концам креста ромбах написаны трудно различимые фразы. По углам квадрата в кругах также содержатся фразы, связанные с пророками. Так, в верхнем правом углу написано следующее: «Пророк Мухаммад, Аллах, да благословит его Аллах и да приветствует», в верхнем левом — «Пророк Ибрахим <...> Аллах», в нижнем правом — «Пророк Иса <...> Аллах», в нижнем левом — «Пророк Муса Слово Аллаха». Вокруг кругов написаны имена четырех ангелов — Джибрил, Азраил, Исрафил и Микаил. Что касается фигуры в виде стрелы, то по сторонам от наконечников с двух сторон написаны слова «Аллах» и «Мухаммад». По сторонам от стрелы по всей длине написаны некоторые фразы, а именно справа «Они любят их, как любит Бог, и те, кто верит, сильнее» (Сура 2 «Ал-Бакара, аят 165-й), слева фраза написана неразборчиво.

Далее предлагается транслитерация и перевод текста амулета:

Bismillāhi'r-raḥmāni'r-raḥīmi wa-ṣallā'llāhu 'alā'n-nabiyyi'r-raḥmat wa-'alā 'alayhi wa-sallama [.] Wa-mimmā ruwia 'an ba'da's-ṣāliḥīna [.] 'anna haḍā'l-hātama ḥātamu sayyidinā yūsaf(?) 'alayhi's-salāmu [.] Fāyidatun [.] Jāmi'atun wa-jālibatun li'l-mawaddati wa'l-maḥabbati min-jamī'i'n-nāsi rijālihim wa-nisāyihim kabīrihim wa-ṣagīrihim 'abīdihim wa-imāyihim [.] Wa-man arāda an-yajid ḥubban shadīdan wa-yakūna muḥāban maḥbūban fī-qulūbi'n-nāsi rijālan kānū au-kunna nisā'an sharqan wa-garban yamīnan wa-shimālan wa-yuḥibbūnahu salāṭīnu'd-dunīya ḥubban shadīdan fa-yaktub haḍā'l-hātama'l-mansūb li'l-sayyidinā yusuf(?) abnu ya'qūbu 'alayhima's-salāmu wa'l-yashrabhu ma'a-turābi's-sūqi ay-kāsuwā 'ajami wa ma'a-turābi'l-masjidi'l-laḍī yajtamu'a fī-hi'n-nāsu wa-ma'a-turābi'h-ṭarīq wa-ma'a'l-'asli'l-abyaḍ dumā farar sāqā(?) 'ajami fa-yara 'ajaban min-sur[a] 'ati ḥubb[i]n-nāsi iyyāha wa-haḍā mujarrabun wa-yātūra'n-nāsi alayhi bi-ḥayr wa-'atāin wa-idā 'allaqa 'alayhi haḍā'l-hātama kullu man yyarāhu yuḥibbuhu fī-qalbihi ḥubban shadīdan wa-yakūnu nūru wajhahu ka'l-qamir

laylata'l-badri wa-ka'sh-shamsi fi-ṣaḥwihā wa-yakūnu bayna'n-nāsi ka'l-milḥi fi'ṭ-ṭa'ām wa-ka'l-'asli fi'l-mashrabi wa-ma'a [.] allahuma arzuqinī kam-arazaqata 'abdayka sayyidatinā 'āishata wa-sayyidinā rasūlu'l-lahi ṣalla'l-lahu 'alayhi wa sallama, wa'l-qaytu 'alayka maḥabbatan minnī. T[a] m[a]t b[i]h[a]mdī'l-lahi. An'nāshiru buḥāri [.] Aḥmad ṣadauk[i] dān kanū [.]

«Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, и да благословит Аллах Пророка, и да будет благословение с ним и мир.

Передано от некоторых праведников, что эта печать — печать нашего господина Юсуфа, мир ему. Польза. Собирающая и приносящая симпатию и любовь от всех людей, мужчин и женщин, старых и молодых, рабов и рабынь. Кто хочет быть сильно любим в сердцах людей, будь то мужчины или женщины с Востока, и с Запада, и с (правый?), и с Севера, и султаны мира полюбят его сильной любовью, напишет эту печать приписываемую нашему господину Юсуфу ибн Якубу, мир им, и выпьет напиток с землей рынка или *kāsuwā* на аджами, и с землей мечети, где собираются люди, и с землей дороги, и с белым медом, *zuma farar* на аджами, и увидит, как быстро приходит любовь людей, и это доказано. Люди пришли к нему, и он дал ему [печать]. Если эта печать будет висеть на нем, каждый, кто его увидит, полюбит его в своем сердце сильной любовью, а свет лица его будет подобен луне в полнолуние и подобен солнцу в ясный [день], будет среди людей как соль в пище, как мед в напитке. О Аллах благослови меня, как ты благословил рабов своих, госпожу Аишу и нашего господина, посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, и дай тебе любовь от меня. Готово, слава Аллаху. Издатель Бухари. Ахмад Садауки из Кану».

Список литературы

1. Dobronravin N. Design Elements and Illuminations in Nigerian “Market Literature” in Arabic and ‘Ajāmī // *Islamic Africa*, Vol. 8. 2017. P. 43–69.
2. Khalil N. W. Encoded Ajami, Talisman and the Preservation of Arabic “Spiritual Medicine” in *Hausa Society*, 2009. URL: <http://ssrn.com> (дата обращения: 21.12.22).

3. Hassan Salah El Mohammad. Lore of the Traditional Malam: The ‘Material Culture of Literacy’ among the Hausa. Ph. D. dissertation, University of Pennsylvania, 1988.

4. Francis IV, Edgar Walter. Islamic Symbols and Sufi Rituals for Protection and Healing: Religion and Magic in the Writings of Ahmad ibn Ali al-Buni (d. 622/1225). University of California, Los Angeles, 2005.

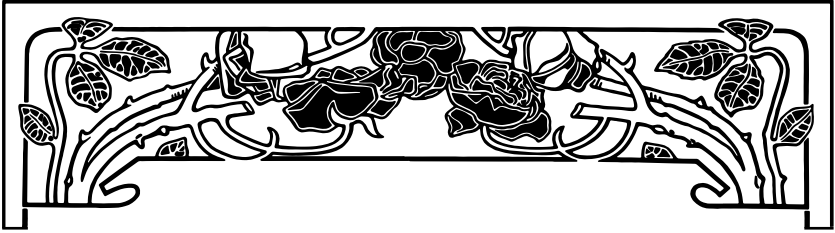
5. Chishti F. S. The Permissibility of Amulets and Ruqya in Islam. Falaah Research Foundation, New Dehli, 2011.

6. Horton R. African Traditional Thought and Western Science. Part I. From Tradition to Science // Africa: Journal of the International African Institute, Vol. 37, No. 1, 1967. P. 50–71. URL: <http://www.jstor.com> (дата обращения: 21.12.2022)

Quranic Magic Seal (Nigeria, 2018)

Abstract: The article provides a detailed analysis of the Quranic magic seal acquired by the author for the collection of the MAE RAS during an expedition to Nigeria in 2018. The article analyzes the cultural context of the functioning of Quranic magical objects, reflecting the syncretism of Islam and traditional beliefs. Also presented is a philological analysis of arabographic inscriptions on the amulet, classified by the author as an example of a text belonging to the genre of “social medicine”.

Keywords: amulet, seal, Quranic magic, hausa, Nigeria.

Е. П. Шварц

Ремесленники Бета Исраэль во время правления Феодора II (1855–1868 гг.)

Аннотация: Из-за запрета на владение землей эфиопские иудеи оказались вовлеченными в систему разделения труда, основанную на религиозной принадлежности, в которой *бета исраэль* заняли нишу ремесленников. В середине XIX века миссионеры Сен-Кришоны и Лондонского Еврейского Миссионерского Общества, прибыв в Эфиопию под видом нужных Феодору II ремесленников, начали проповедовать среди эфиопских иудеев. Император ожидал от миссионеров осуществления работ по строительству дорог и пушки, однако европейцы не обладали нужными умениями, и когда обман раскрылся, Феодор II пленил их. В то время как мемуары миссионеров и царская хроника умалчивают об участии ремесленников-иудеев в принудительных работах, для самих *бета исраэль* это событие до сих пор является важным местом памяти (*lieu de mémoire*). Настоящая работа преследует цель проанализировать то, как занимаемая эфиопскими иудеями социально-экономическая ниша влияла на их взаимоотношения с правителем Эфиопии Феодором II и какое влияние на них оказала протестантская миссия, опираясь в первую очередь на письменное изложение устной традиции *бета исраэль* на амхарском языке и немецкие источники того времени.

Ключевые слова: бета исраэль, эфиопские иудеи, миссионерство, принудительные работы, место памяти, ремесла.

Эфиопские евреи — этноконфессиональная группа, до массовой алии проживавшая на севере и северо-западе современной Эфиопии, преимущественно в окрестностях Гондара (Эрлих и др. 2012). В повседневной жизни эфиопские евреи использовали в основной массе амхарский язык, немногочисленная группа — тигринью. До перехода на амхарский и тигринью эфиопские евреи разговаривали на языке квара (кушитская семья), который полностью вышел из употребления к XIX в. и является на данный момент мертвым языком (Вегу 2010: 313), хотя отдельные фразы и слова на языке квара продолжили использоваться в молитвах и повседневной речи (Kaplan 2003: 558). Языком литургии, как и у эфиопских христиан, является геэз (классический эфиопский) (Эрлих и др. 2012). Самоназвание эфиопских евреев, бета исраэль¹ (ቤተ ክህናት /betä 'əsga'el/), дословно с геэза переводится как «Дом Израиля». Время и обстоятельства появления иудеев на территории Эфиопии до сих пор точно не установлены и послужили поводом для дискуссий и противоречивых трактовок (Gamst 2007: 303). Среди них: миграция древних израильтян и их последующая ассимиляция с местным населением, образование в XIV в. религиозной секты, отделяющейся от общей массы эфиопских христиан в силу различных экономических, социальных и политических факторов (Kaplan 2003: 552). Эфиопских иудеев ассоциировали также с потерянном коленом Дана (Kaplan 2003: 552) (Gamst 2007: 304) (Эрлих и др. 2012) и с кругом приближенных к Царице Савской лиц (Flad 1922: 11). Согласно устной традиции бета исраэль, их община берет начало от евреев, сумевших сбежать из вавилонского плена, в котором они вместе с другими иудеями оказались после того, как царь Навуходоносор II захватил и разрушил Иерусалим в 586 г. до н. э., и добравшихся до территории современной провинции Квара через Египет (መገባት ክህናት 1989: 22). Численность бета исраэль, проживавших на территории Эфиопии в середине XIX века, неизвестна.

¹ В данной работе используется транслитерация Большой российской энциклопедии (БРЭ 2007: 519).

Первые попытки ввести запрет на владение землей иудеям в Эфиопии были предприняты в начале XV века царем Исааком (1413–1430) после победы над войском бета исраэль. В последующие два столетия шел процесс активного вытеснения эфиопских иудеев с земель, который завершился во время правления царя Сисиния (1607–1632), окончательно завоевавшего царство бета исраэль и лишившего их автономии (Эрлих и др. 2012).

Утратив право на владение землей, эфиопские иудеи начали осваивать ремесла, чтобы прокормить себя (Kaplan 1992: 65–69). Мужчины стали кузнецами, ткачами, плотниками и строителями (መምህር አስረሰ ያዩ 1989: 96). Женщины бета исраэль занимались плетением и гончарным делом, изготавливали различную глиняную утварь: прежде всего, мыгого¹, а также различные емкости для черпания воды, кувшины и кастрюли разного назначения, кофейники (መምህር አስረሰ ያዩ 1989: 97), а начиная с 60-х годов XX века — декоративные глиняные фигурки преимущественно на ветхозаветную или бытовую тематику. Первой делать статуэтки небольшого размера на продажу туристам начала ремесленница Такаи Элиас из деревни Валлака в окрестностях Гондара (Kaplan, Rosen 1996: 173, 178). В настоящее время глиняные фигурки, согласно информантам, стали одним из важнейших символов этнокультурной группы, а мастериц бета исраэль, продающих свои творения, можно встретить на «Рынке мастеров» в Тель-Авиве, посещение которого состоялось во время поездки в Израиль в июле 2022 г.

В коллекции Кунсткамеры также имеется статуэтка, изготовленная неизвестной ремесленницей бета исраэль (МАЭ № 6859-6) и изображающая Льва Иудейского, символизирующего эфиопскую монархию (рис. 1). Для статуэток бета исраэль характерны антропоморфные черты лица у животных. Судя по кресту на голове льва, фигурка была изготовлена либо на продажу туристам, либо по заказу христианских соседей, амхара или тиграй. Точнее устано-

¹ Мыгого (амх.: ሞጎጎ) — это плита, необходима для приготовления ынджир: лепешек, входящих в ежедневный рацион эфиопов (Амхарский словарь 1993: 82).

Рис. 1 Керамическая статуэтка — изображение Льва Иудейского. Фалаша, амхара. Эфиопия. МАЭ № 6869—6.

вить назначение и предполагаемого покупателя не представляется возможным, так как место и обстоятельства приобретения экспоната неизвестны¹. По этой же причине предмет сложно корректно атрибутировать: в коллекции он определен к бета израэль², однако мог быть также выполнен ремесленницей фалашмура, конфес-

¹ Коллекция МАЭ № 6859 поступила в 1982 г от Г. А. Папышевой (в замужестве — Балашовой), к. ф. н., специалиста по современной амхарской литературе и преподавателя Восточного факультета СПбГУ (ЛГУ). Предметы были приобретены ею в ходе командировок в Эфиопию в 1969—1971 и 1979—1980 гг. Всего семь вещей. Стоит отметить, что некоторые из них — МАЭ № 6859-2/1,2 Сосуд с крышкой глиняный для соуса; МАЭ № 6859-3 Миска глиняная; МАЭ № 6859-5 Сосуд глиняный (бэрэлле) — изготовлены по той же технике и из того же материала (красной глины, обожженной), что фигурка Льва иудейского и, скорее всего, также являются изделиями либо бета израэль либо фалашмура (Опись коллекции МАЭ № 6859).

² В атрибуции использован термин «фалаша», однако он воспринимается бета израэль как этнофолизм (Karlan 2003), поэтому вместо него в настоящей работе употребляется самоназвание.

сиональной группе крещенных по протестантскому образцу бета исаэль и их потомков, продолживших заниматься ремеслами, но не ассоциирующих себя с бета исаэль.

Тем не менее изготовление статуэтки с христианской символикой не является чем-то удивительным: еще до появления и распространения «аэропортного искусства» в среде бета исаэль иудейские ремесленники изготавливали кресты, таботы¹ и кадильницы (Kaplan, Rosen 1996: 173). Так как кузнечное и гончарное ремесла считались нечистыми у христиан, необходимые орудия труда, утварь и даже религиозные атрибуты в районах смешанного проживания они приобретали у мастеров бета исаэль, образовавших своеобразную этнопрофессиональную касту. Эфиопским иудеям в свою очередь были нужны продукты питания, выращиваемые соседями-христианами. Кроме того, среди бета исаэль все же осталась некоторая доля земледельцев, которые, не имея возможности владеть землей, были вынуждены арендовать ее у христиан (Эрлих и др. 2012). Кроме того, эфиопским иудеям было разрешено иметь скот, и часть бета исаэль занималась разведением крупного рогатого скота, однако из-за запрета на работу по субботам и в дни религиозных праздников скотоводы-иудеи не могли обойтись без помощи пастухов-христиан. Таким образом, христиане и иудеи в Эфиопии начиная с XV в. оказались вовлечены в систему разделения труда, основанную на этнорелигиозной принадлежности², в рамках которой амхара, тиграй и бета исаэль нуждались в производимых друг другом продуктах.

¹ Табот (амх., геэз ተባተ) — это копия Скрижалей Завета, выполненная из дерева или камня, которая хранится в эфиопских церквях под алтарем и выносится за пределы церкви в дни некоторых праздников, например, на Крещение (Heldman 2010: 802).

² Император Исаак разрешил владеть землей крестившимся бета исаэль, однако во время царствования последующих правителей перешедшие в христианство бета исаэль не освобождались от запрета на владение землей (Эрлих и др. 2012). Император Йоханнес IV освободил фалашмура от налогов, чтобы мотивировать бета исаэль креститься, однако не уравнил их полностью в правах с эфиопскими миафизитами (Agen 1978: 103).

Однако христианские крестьяне и священнослужители были не единственными клиентами ремесленников-иудеев: их услугами также пользовались император и местные правители. В Эфиопии существовало понятие «повинности» (амх. ገብር /gäbbaḡ/), то есть бесплатного труда, заключавшегося преимущественно в участии в строительных работах. Люди как правило были вовлечены в возведение церквей, дворцов, а иногда и строительство домов односельчан. Английский путешественник Натаниэль Пирс описывает, как правитель Тиграя рас Вальде Селассие, намереваясь построить церковь, возвестил об этом на рынке Антало с помощью барабанов и приказ всем проживающим в Эндерте мужчинам явиться с веревкой и топором для рубки деревьев. Описываемый Пирсом случай не единичный. Генри Лэндор, другой английский путешественник, описывает, как император Менелик II не просто привлекал поданных для бесплатного строительства церквей или вырубки деревьев, но даже самолично принимал участие в работах¹.

Бета исраэль были также вовлечены в систему повинностей. Когда император Сусиний одержал победу над войском бета исраэль, он продал многих иудеев в рабство или подверг насильственному крещению, тем не менее он не планировал полностью уничтожить общину бета исраэль, осознавая потребность в ремесленниках (Эрлих и др. 2012). К сожалению, невозможно точно установить, в каком соотношении эфиопские иудеи выполняли правительственные работы в качестве повинности и на оплачиваемой основе. Тем не менее правителям явно было выгоднее использовать труд профессиональных плотников, строителей и кузнецов, нежели не обладающих подобными навыками крестьян. Вероятно, этим можно объяснить относительную лояльность последующих эфиопских правителей по отношению² к общине бета исраэль и невмешательство в ее религиозные дела.

¹ <https://africanholocaust.net/slavery-in-ethiopia> (дата обращения: 13.01.2022)

² Некоторые указы правителей Эфиопии напрямую касались бета исраэль и ограничивали их свободу, как, например, указ Йоханнеса I

На момент вступления на престол Феодор II осознавал отсталость страны и необходимость принятия направленных на модернизацию Эфиопии мер (Aren 1978: 85). Император высоко ценил европейских ремесленников, проживающих по тем или иным причинам (чаще всего политическим) в Эфиопии (Flad 1922: 61–62), и собирался выписать из Европы специалистов, чтобы они не только провели ряд работ, но и обучили местных ремесленников (Aren 1978: 89). Поэтому, когда Феодор II получил письмо миссионера Самуэля Гобата¹ с обещанием прислать европейских мастеров, он очень обрадовался. Письмо было передано с прибывшими в Эфиопию под видом ремесленников миссионерами Йоханном Мартином Фладом и Иоганном Людвигом Крапфом. Миссионеры не скрывали желание распространять Писание среди местного населения, но настаивали, что ремесло будет основной их деятельностью. В ответ на это император подчеркнул ответственность Абуны Сэламы² за церковные дела страны и свою отстраненность от них (Flad 1922: 60). Абуна Сэлама, в свою очередь, разрешил проповедовать при условии, что миссионерская деятельность не повлечет за собой церковного раскола (Aren 1978: 89), и рассказал о предыдущем негативном опыте с католическими миссионерами (Flad 1922: 59). Аудиенция прошла успешно, и правитель не заподозрил

о раздельном проживании христиан и представителей других конфессий или запрет Иясу I на межрелигиозные браки (Эрлих и др. 2012), однако эти законы были направлены не конкретно против бета исраэль, а на всех представителей нехристианских конфессий. При этом под христианами подразумевались эфиопские миафизиты, а католиков и протестантов подобные запреты также касались.

¹ Самуэль Гобат — швейцарский миссионер и протестантский епископ в Иерусалиме. В 1852 г. он приехал из Иерусалима в церковь Сен-Кришона в Базели, где проходили обучение юные миссионеры. Среди воспитанников он выбрал четверых, которые в 1853-м году должны были отправиться в Иерусалим, чтобы пройти дополнительный годичный курс по арабскому и амхарскому языкам для дальнейшей миссии в Эфиопии (Flad 1922: 37).

² Абуна Сэлама был 107-м митрополитом Эфиопской церкви с 1841 по 1868 г. (Crummey 2010: 489).

обмана. Он был искренне заинтересован в техническом прогрессе, в эту и последующие встречи с миссионерами расспрашивал их о европейских странах, их политическом устройстве и технических достижениях (Flad 1922: 86).

Самуэль Гобат разработал новый тип миссионерской деятельности: он предложил отправить молодых ремесленников в Эфиопию для того, чтобы те жили вместе с местным населением, делясь своими профессиональными навыками. Миссионерская деятельность, хотя и являлась целью данного проекта, не была основным каждодневным занятием миссионеров. Влиять на эфиопов духовно они должны были в процессе совместного проживания и осваивания ремесел (Agen 1978: 87–88).

В Иерусалиме Гобат много общался с эфиопскими монахами, которые докладывали ему о настроениях в Эфиопии¹, а также переписывался с императором Сахле-Дынгылем, предшественником Феодора. Таким образом, Гобат был хорошо осведомлен о внутриполитической ситуации Эфиопии, и, хотя план по разработке нового типа миссионерской деятельности появился у него на три года раньше коронации Феодора (согласно Арену, в 1852 г. по приезду в Базель он уже сообщил руководителю миссионерской школы Шпиттлеру о своей задумке (1978: 87–88), а Феодор стал императором в 1855 г.), Гобат совершенно точно знал о намерении императора модернизировать страну и выписать европейских ремесленников, чем и воспользовался.

Однако, несмотря на первоначальный план, будущие миссионеры не обучались ремесленным профессиям и не обладали заявленными в письме императору умениями и навыками (Agen 1978: 90). Неизвестно, как Гобат и остальные участники миссии планировали скрыть обман, но уже спустя год пребывания миссио-

¹ По его собственному утверждению, правители как минимум двух областей Эфиопии, Бегемдера и Тигре, вверили Гобату покровительство над эфиопскими монахами в Иерусалиме. Он также заверял, что Феодор тоже просил его защищать эфиопское монашеское движение в «Святом городе» (Agen 1978: 87).

неров-ремесленников в Эфиопии император был ими разочарован и лишил их рабочих мест (Agen 1978: 90). Как бы то ни было, в описании Флада всплывает еще один недостаток плана Гобата. Воспитанникам Кришоны¹ удавалось совмещать ремесленную работу с миссионерской деятельностью (прежде всего с распространением Библии среди эфиопов) только на первых порах, затем требования Феодора становились все жестче, работа отнимала все больше времени, поэтому возможности вести какую бы то ни было сопутствующую деятельность у миссионеров не было (Flad 1922: 102).

Изначально Флад, как и другие миссионеры-воспитанники Сен-Кришоны, не планировал проповедовать именно иудеям и собирався «оживлять абиссинскую христианскую веру» (Flad 1922: 37), проповедуя среди эфиопских христиан. В Бета исаэль скорее был заинтересован Самуэль Гобат. В 1858-м году Флад представил ему доклад о бета исаэль, который тот направил в Лондонское Еврейское Миссионерское Общество, откуда в Эфиопию были направлены два миссионера, Генри Аарон Штерн и Стивен Бронкхорст, не владеющих амхарским языком, поэтому Флад был нанят ими поначалу исключительно в качестве переводчика (Flad 1922: 107). Впоследствии Штерн вернулся в Англию, и Флад с Бронкхорстом вдвоем основали первую миссионерскую станцию для бета исаэль в Кобуле² близ Дшенды, в провинции Дэмбия (Flad 1922: 115). Во время личной встречи в Гондаре Феодор выразил сомнения касательно успеха распространения христианства среди эфиопских иудеев (Flad 1922: 110).

Флад резко выступал против обряда принесения жертвоприношений³, являющегося одной из ключевых особенностей эфи-

¹ Церковь Святой Кришоны, также упоминаемая в литературе как «Кришона», находится на территории Швейцарии в пригороде города Базель на вершине одноименной горы.

² Точное расположение этого населенного пункта и его амхарское название установить не удалось.

³ В то время как другие этноконфессиональные группы евреев прекратили совершать жертвоприношения после разрушения римлянами Второго Храма, бета исаэль продолжили соблюдать этот обычай уже вне Храма, руководствуясь Ветхим Заветом в качестве инструкции

опского иудаизма. Критика миссионера повлекла за собой жалобы бета исраэль на Флада императору, однако Феодор принял сторону миссионера (Flad 1922: 119–121), и практика жертвоприношений была официально запрещена, что вызывало последующие недовольства (Flad 1922: 129). Это подтверждается устной традицией бета исраэль (ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል 2016: 40–41). Попытки крестить бета исраэль эфиопские монархи предпринимали и ранее, однако это был первый раз в истории страны, когда правитель запретил определенную религиозную практику эфиопских иудеев.

Очевидно, настоящие причины того, почему император поддерживал миссионеров, а не общину бета исраэль, были отнюдь не религиозными. Хотя Феодор к этому времени уже осознал, что миссионеры-ремесленники не являются специалистами в заявленных ими областях, вероятно, он все еще надеялся получить их помощь в строительных работах или содействие для выписки из Европы более квалифицированных рабочих (ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል 2016: 39), то есть настоящих ремесленников. Если ранее относительная лояльность правителей Эфиопии по отношению к общине бета исраэль была вызвана тем, что большинство из них занимались ремеслами и обладали таким образом нужными стране профессиональными навыками (при этом правители понимали, что подданные христиане не смогут полностью занять социально-экономическую нишу ремесленников вместо бета исраэль из-за предубеждений касательно кузнечного и гончарного дел: считалось, что представители данных профессий одержимы духом Буда, в результате чего они представляли опасность для окружающих, так как могли превращаться в животных и занимались каннибализмом (Salamon

по отправлению ритуала. Жертвоприношения у бета исраэль совершались священниками. Изначально существовало три типа жертвоприношений: для выражения благодарности, соответствующая, по всей видимости, ола (ивр. **עֹלָה**, «сожжение») в Ветхом Завете; мирная жертва (жертва благополучия), соответствующая зевах (ивр. **זֶבַח**, «заклание»); искупительная жертва, соответствующая хатта (ивр. **חַטָּאת**, «грех») (σπυρις አስረስ ያዩ 1989: 55–56). Согласно информантам, совершившие алию бета исраэль продолжают совершать как минимум пасхальное жертвоприношение в Израиле.

2003: 633)), то теперь эфиопские иудеи утратили свою «уникальность» в глазах императора, так как Феодор надеялся заменить их более профессиональными специалистами из Европы. Поэтому во время конфликта император поддержал миссионеров.

Как для религиозных лидеров бета исраэль, так и для остальных членов общины это стало большим ударом. Так, духовный лидер Аба Мехари, расстроившись положением иудейской общины в Эфиопии, организовал первый пеший поход в «Святую землю». В походе приняло участие до сорока тысяч человек (ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል 2016: 47), однако никто из участников не смог добраться до Иерусалима. Обратного пути тоже лишь единицы: большинство либо погибло в дороге от голода и болезней, либо было схвачено и продано в рабство (ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል 2016: 48; Эрлих и др. 2012).

Кроме того, Феодор обязал ремесленников бета исраэль помогать миссионерам в строительстве дорог и сооружении пушек (ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል 2016: 36; መምህር አስረሰ ያዩ 1989: 96), хотя, как было указано ранее, они и до этого принимали участие в обязательных работах (повинностях) и обладали большими профессиональными навыками, нежели так называемые «миссионеры-ремесленники», необходимых знаний и умений для проектирования пушек у местных ремесленников не было. Само участие бета исраэль в принудительных работах Феодора наравне с европейскими поданными не упоминается в европейских источниках: об этом не говорится ни в книге у Арена, ни в мемуарах Флада. Однако воспоминания Флада не являются надежными источниками по истории Эфиопии того периода: он не пишет о плане по обману Феодора, хотя был ознакомлен с содержанием письма Гобата эфиопскому монарху, и указывает единственной причиной принудительных работ ухудшение психического состояния Феодора (1922: 102), а не тот факт, что он и другие воспитанники Сен-Кришоны были направлены в Эфиопию в первую очередь в качестве ремесленников. Поэтому отсутствие бета исраэль в его видении событий нельзя использовать как опровержение их участия в работах по строительству дорог и пушки. Что касается Арена (1978), то он опирается на источники

на европейских языках, используя преимущественно доклады и воспоминания Флада и других миссионеров. Тем не менее упоминания ремесленников бета израэль нет и в «Хронике царя царей Эфиопии Феодора II». Ее автор Вольдэ Мариам (2008) лишь вскользь упоминает плененных европейцев, трудившихся над созданием пушек. Мэмхыр Асырес Яйех (1989), Даниэль Белете и Асалеф Текетель (2016) не упоминают в своих книгах пленение бета израэль, только их участие в принудительных работах. Таким образом, единственным известным нам источником, подтверждающими участие ремесленников-иудеев в строительстве дорог и пушек вместе с европейскими миссионерами, является записанная Асыресом Яйехом, Даниэлем Белете и асалефом Текетелем устная традиция бета израэль. Тем не менее, согласно ей, данное событие составляет важное место памяти (*lieux de mémoire*) (Нора 1999) для эфиопских евреев.

Причиной, отличающей участие в этих принудительных работах от предыдущих и последующих, служит то, что в этот раз от ремесленников бета израэль требовали умений и навыков, которыми они не обладали. Кроме того, в работы по строительству дорог и пушек они были вовлечены в результате деятельности европейских миссионеров, нарушивших баланс их взаимоотношений с правителем Эфиопии, после того как Феодор принял сторону миссионера в споре Флада и религиозных лидеров бета израэль, запретив практику жертвоприношения.

Таким образом, миссия Й. М. Флада нарушила баланс взаимоотношений между бета израэль как этнопрофессиональной кастой и правителем Эфиопии. Ранее император, нуждаясь в услугах квалифицированных ремесленников-иудеев не вмешивался в религиозную и общественную жизнь их общины. Однако после того, как европейские миссионеры приехали в Эфиопию под видом ремесленников, ценность бета израэль как специалистов упала в глазах императора Феодора II. Надеясь получить расположение иностранных специалистов, он принял беспрецедентное в истории Эфиопии решение, вмешавшись в обрядово-религиозную жизнь общины эфиопских иудеев. Это событие было настолько травмирующим для сообщества бета израэль, что часть из них решилось покинуть

Эфиопию и отправиться пешком в Иерусалим. Оставшиеся же ремесленники были вынуждены принимать участие в строительстве дорог и пушки вместе с европейскими миссионерами.

Список источников и литературы:

1. МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 6859.
2. Aren G. *Evangelical Pioneers in Ethiopia. Origins of the Evangelical Church Mekane Yesus*. Stockholm: EFS Forlaget, 1978.
3. Crummey D. Sälama// *Encyclopaedia Aethiopica*, Vol. 4. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 489–490.
4. Flad J. M. *Sechzig Jahre in der Mission unter den Falaschas in Abessinien*. Basel: Brunnen Verlag, 1922.
5. Gamst F. Judaism// *Encyclopaedia Aethiopica*, Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. P. 303–308.
6. Heldman M. E. Tabot// *Encyclopaedia Aethiopica*, Vol. 4. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 802–804.
7. <https://africanholocaust.net/slavery-in-ethiopia> (дата обращения: 13.01.2022).
8. Kaplan S. Betä ʿEsra`el// *Encyclopaedia Aethiopica*, Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. P. 552–559.
9. Kaplan S., Rosen Ch. Created in their Own Image: A Comment on Beta Israel Figurines// *Cahiers d'Études africaines*, vol.36, № 141–142. 1996. P. 171–182. DOI: <https://doi.org/10.3406/cea.1996.2006>
10. Salamon H. Buda // *Encyclopaedia Aethiopica*, Vol. 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. P. 633–635.
11. Большая российская энциклопедия. Том 9. Москва: 2007.
12. Вольдэ Мариам. Хроника царя царей Эфиопии Феодора II// *Письменные памятники Востока*, № 2 (9), 2008. Online. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus8/Efiop/Volde_Mariam/frametext.htm (дата обращения: 13.01.2023).
13. Коллекции онлайн. Кунсткамера. URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ/33935?query=фалаша&index=0> (Дата обращения: 13.01.2023).

14. Нора П. Проблематика мест памяти//Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

15. Эрлих Х., Соломон А., Каплан С. Эфиопия: христианство, ислам, иудаизм. Раанана: Издательство Открытого университета, 2012. Online. URL: <http://online-books.openu.ac.il/russian/ethiopia-christianity-islam-judaism> (Дата обращения: 13.01.2023).

16. መምህር አስረስ ያየሁ ቤተ እስራኤል በኢትዮጵያ፡፡ ታሪካቸው፡ ባህላቸውና አኗኗራቸው፡፡ አዲስ አበባ፡ 1989 ዓ.ም..

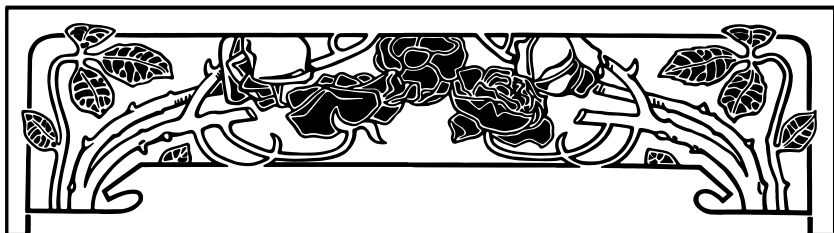
17. አማርኛ መዝገበ ቃላት፡፡ የኢትዮጵያ ቋንቋዎች ጥናትና ምርምር ማዕከል፡፡ አዲስ አበባ ዩኒቨርሲቲ፡፡ 1993 /Амхарский словарь. Аддис-Абеба: Центр по изучению языков. Аддис-Абебский университет, 1993.

18. ዳንኤል በለጠ, አሳልፍ ተከተል. የጠቢባን ታሪክ፡፡ ከጎንደር እስከ ሸዋ የተባለው የ 19- 20 ክፍለ ዘመን የቤተ እስራኤሎች ታሪክ. ЭЙлат: 2016.

The *Beta Israel* Craftsmen Under the Reign of Tewodros II (1855–1868)

Abstract: As it was prohibited for the Ethiopian Jews to own land, they found themselves involved in a system of division of labor based on religious affiliation, in which Beta Israel occupied the craftsmen niche. In the middle of the XIX century, after arriving in Ethiopia under the guise of artisans needed by Tewodros II, the St. Crischona and the London Jewish Missionary Society missionaries began to preach among the Ethiopian Jews. The emperor expected the missionaries to perform works on the construction of roads and cannons, but the European missionaries did not obtain the necessary skills for it, and after the deception had been uncovered, Tewodros II captured them. While the memoirs of missionaries and the royal chronicle conceal the participation of Jewish artisans in forced labors, this event is still an important memory space (*lieu de mémoire*) of the Ethiopian Jews. The purpose of this paper is to analyze how the socio-economic niche occupied by the Ethiopian Jews influenced their relationship with Tewodros II, the ruler of Ethiopia, and what impact the Protestant mission had on them using the Beta Israel Oral Tradition in Amharic and the German sources of that time period.

Keywords: Beta Israel, Ethiopian Jews, missionary work, forced labors, memory space, crafts.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балезин Александр Степанович — доктор ист. наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Ванюкова Дарья Владимировна — канд. искусствоведения, ст. науч. сотр., Государственный музей Востока.

E-mail: darya-29@yandex.ru

Давидсон Аполлон Борисович — академик РАН, доктор ист. наук, профессор, директор Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории идей и методологии исторической науки исторического факультета НИУ ВШЭ.

E-mail: adavidson@yandex.ru

Гавристова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, исторический факультет, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ).

E-mail: tanja1994@mail.ru

Громова Нелли Владимировна — доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой африканистики ИСАА МГУ.

E-mail: gromova@iaas.msu.ru

Добронравин Николай Александрович — доктор филол. наук, профессор кафедры мировой политики, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: n.dobronravin@spbu.ru

Желтов Александр Юрьевич — доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой африканистики СПбГУ, зав. отделом этнографии Африки МАЭ РАН.

E-mail: ajujeltov@mail.ru

Ильина Рина Павловна — студентка, кафедра африканистики, Восточный факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета

E-mail: st088163@student.spbu.ru

Константинова Таисия Михайловна — студентка кафедры африканистики Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: tayakonstantinova@gmail.com

Мильто Анна Валентиновна — канд. ист. наук, доцент, кафедра «Менеджмент и общегуманитарные науки», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Ярославский филиал).

E-mail: amilto@mail.ru

Москвитина (Сиим) Анна Юрьевна — канд. филол. наук, ст. науч. сотр., отдел этнографии Африки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: anna.siim@gmail.com

Семенова Валерия Николаевна — канд. ист. наук, науч. сотр., отдел этнографии Африки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

E-mail: vnsemenova@gmail.com

Татаровская Ирина Геннадьевна — доктор филос. наук, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Центра истории и культурной антропологии Института Африки РАН.

E-mail: itatarovskaya@mail.ru

Турьинская Христина Михайловна — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИЭА РАН и Института Африки РАН, Москва.

E-mail: krikri75@yandex.ru

Фаттахова Аида Ринасовна — доцент, канд. филол. наук, кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

E-mail: gaidaf@mail.ru

Филатова Ирина Ивановна — профессор, доктор ист. наук, заслуженный профессор Университета Дурбан-Вествил, Университета Квазулу-Натал (ЮАР), профессор НИУ — Высшая Школа Экономики (Москва).

E-mail: ifil1805@gmail.com

Холматова Полина Сергеевна — аспирант МАЭ РАН.

E-mail: kpaulinaaaa@gmail.com

Цветков Эдуард Георгиев — учитель истории и обществознания Муниципального общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 4 им. Н. А. Некрасова с углубленным изучением английского языка», г. Ярославль.

E-mail: egeo84@gmail.com

Шлуинский Андрей Болеславович — канд. филол. наук, научный сотрудник, Гамбургский университет.

E-mail: ash1@yandex.ru

Юзмухаметов Рамиль Тагирович — доцент, канд. филол. наук, кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань.

E-mail: ramil.yuzmukhametov@mail.ru

Contributors

Alexander S. Balezin — Dr. Habil. (History), Professor, Principal Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: alex.balezin@yandex.ru

Apollon B. Davidson — Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Director of the Center for African Studies of the Institute of World of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of History of Ideas and Methodology of Historical Science, Faculty of History, Higher School of Economics.

E-mail: adavidson@yandex.ru

Nikolay A. Dobronravin — Dr. Habil. (Philology/African Studies), Professor, Department of World Politics, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: n.dobronravin@spbu.ru

Aida R. Fattakhova — PhD (Philology), Associate Professor, Department of Oriental, African and Islamic Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University, Russia, Kazan.

E-mail: gaidaf@mail.ru

Irina I. Filatova — Dr. Habil. (History), Professor Emeritus of Durban-Westville University, University of KwaZulu-Natal (South Africa), Professor of HSE — Higher School of Economics (Moscow).

E-mail: ifil1805@gmail.com

Tatiana M. Gavristova — Dr. Habil. (History), Head of Laboratory of African Studies and Oriental Studies, Department of General History, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov.

E-mail: tanja1994@mail.ru

Nelli V. Gromova — Dr. Habil. (Philology), Professor, head of Department of African Studies, IAAS, Moscow State University.

E-mail: gromova@iaas.msu.ru

Polina S. Holmatova — postgraduate student of MAE RAS.

E-mail: kpaulinaaaa@gmail.com

Rina P. Ilyina — Student, Department of African Studies, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

E-mail: st088163@student.spbu.ru

Taisia M. Konstantinova — Student, Department of African Studies, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg).

E-mail: tayakonstantinova@gmail.com

Anna V. Milto — PhD (History), Associate Professor, Department “Management and General Humanitarian Sciences”, Financial University under the Government of the Russian Federation (Yaroslavl branch).

E-mail: amilto@mail.ru

Anna Yu. Moskvitina (Siim) — PhD (Philology), Senior Research Fellow, Department of African Ethnography, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: anna.siim@gmail.com

Valeria N. Semenova — PhD (History), Research Fellow, Department of African Ethnography. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

E-mail: vnsemenova@gmail.com

Andrey B. Shluinsky — PhD (Philology), Researcher, University of Hamburg.

E-mail: ashl@yandex.ru

Elizaveta P. Shvarts — Student, Department of African Studies, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg).

E-Mail: echerny8@gmail.com

Irina G. Tatarovskaya — PhD (Philology), Dr. Habil. (Philosophy), Researcher of Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences.

E-mail: itatarovskaya@mail.ru

Eduard G. Tsvetkov — teacher of history and social studies of the Municipal educational institution «Secondary school No. 4 named after N. A. Nekrasov with in-depth study of the English language», Yaroslavl.

E-mail: egeo84@gmail.com

Khristina M. Turyinskaya — PhD (History), Senior Researcher, IEA RAS and Institute of Africa RAS, Moscow.

E-mail: krikri75@yandex.ru

Daria V. Vanyukova — PhD (Arts), Senior Researcher, State Museum of the East.

E-mail: darya-29@yandex.ru

Ramil T. Yuzmukhametov — PhD (Philology), Associate Professor, Department of Oriental Studies, African Studies and Islamic Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

E-mail: ramil.yuzmukhametov@mail.ru

Alexander Yu. Zheltov — Dr. Habil. (Philology), Chair, Department of African Studies, St. Petersburg State University; head, Department of Ethnography of Africa, MAE RAS.

E-mail: ajujeltov@mail.ru

Научное издание

**Африканистика в России:
прошлое и настоящее:**

Сборник научных статей к 120-летию
Дмитрия Алексеевича Ольдерогге

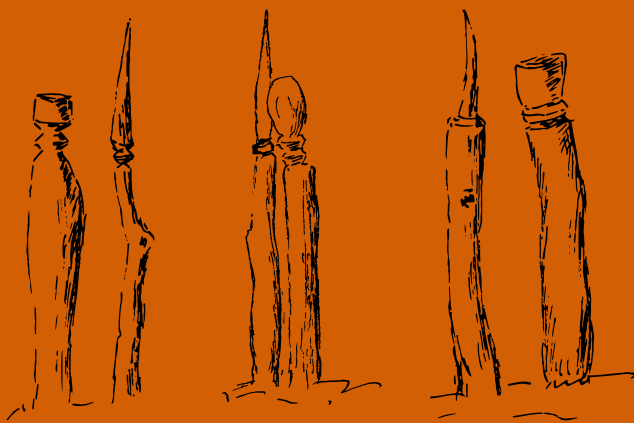
Ответственный редактор
Александр Юрьевич Желтов

Директор издательства А. А. Галат
Оператор верстки и дизайнер Е. В. Владимирова

Подписано в печать: 08.11.2023. Формат 60 × 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,5.
Заказ № 1117.

Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310–79–29, +7 (981) 699–6595;
e-mail: rhgapublisher@gmail.com
<http://irhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Сборник посвящен важной дате в истории петербургской и российской африканистики — 120-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге, африканиста, этнографа, историка, лингвиста, одного из основателей африканистики в СССР и признанного патриарха ленинградской/петербургской африканистики, члена-корреспондента АН СССР, известного специалиста по египтологии, истории, этнографии, культуре, искусству и языкам народов Африки. В сборнике представлено 20 текстов разного жанра и объема, тематически объединенных в три раздела: «Дмитрий Алексеевич Ольдерогге», «Российская африканистика: наследие Ольдерогге», «Африканские коллекции».

Санкт-Петербург
2023

ISBN 978-5-907613-84-3

9 785907 613843 >